Гофман, М.
Записки и дневники.

Л., 1929.

ИМЛ — Библиотека
ВВ 271
Г 783

Генерал МАКС ГОФМАН

ЗАПИСКИ
И
ДНЕВНИКИ

1914—1918

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

Предисловие начальника Военной Академии им. Фрунзе
Р. ЭЙДЕМАНА

Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“
ЛЕНИНГРАД — 1929

3-й экз

AUSZEICHNUNGEN
DES GENERAL-MAJOR
MAX HOFFMANN

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ВВ271
Г783 Р

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

1057042

ТИПОГРАФИЯ
«КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ»
ИМЕНИ ВОЛОДАРСКОГО
ЛЕНИНГРАД
Фонтанка, 57

Ф
42199

Библиотека ин-та
Марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
СПЕЦФОНД

Ленинградский Областлит № 22635. Заказ № 924. Тираж 10000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Генерал Гофман сам по себе представляет интересную для советского читателя фигуру. Это тот самый Гофман, который приобрел печальную известность во время брест-литовских мирных переговоров. Он умер в 1927 году и вновь воскрес в скандальном деле о подделке наших червонцев. В рассматриваемых книгах мы имеем двух Гофманов: одного — Гофмана-политика, необычайно ограниченного, страстно ненавидящего большевиков, с отвращением вспоминающего те часы, когда ему в Бресте, из-за дипломатических соображений, приходилось сидеть за одним и тем же столом... с представителями Советов (особенно его коробили три фигуры нашей делегации: рабочий, крестьянин и солдат), — Гофмана-фельдфебеля в политике; другого — Гофмана-оператора, одного из наиболее талантливых представителей прежнего германского генерального штаба, воспоминания которого представляют для нашего читателя тем больший интерес, что сам автор всю войну провел на русском фронте — сначала в качестве начоперупра 8-й армии (1а), а потом, с конца 1916 года, в качестве начальника штаба всего Восточного германского фронта.

Статьи политического порядка, пожалуй, можно было бы обойти молчанием, если бы в них не встречались некоторые признания, которые в устах такого классового врага, как Гофман, способного приходить при одном слове „большевик" в бешенство, получают особый смысл и значение. Гофман скорбит о современной Европе, раздираемой противоречиями. Европа должна объединиться перед нарастающей опасностью большевизма, который грозит поднять народы Азии и Африки

против Старого Света. В нервном ужасе генерал бьет тревогу. Он старается доказать тем же англичанам и французам, с которыми его мирит безграничная его ненависть к большевикам, что прямой поход на Москву, виновницу всех восстаний в колониях, объединяющую и вдохновляющую на борьбу разрозненные колониальные народы, выгоднее и проще, чем походы в Египет, Марокко и другие колониальные и полуколониальные страны. Предложение весьма пикантное!

Нашему читателю интересно будет знать, как это „духовное завещание" генерала Гофмана оценено официальной германской военной печатью.

Призывая к походу на Москву, Гофман предостерегает от авантюризма, от ставки „на-авось". „Нет ничего более опасного, как начать войну с советским правительством с недостаточными силами". „Во всяком случае, я хочу особенно подчеркнуть: такая армия с самого начала должна быть достаточно сильной, чтобы *после необходимого обеспечения своих тыловых сообщений* достигнуть Москвы с силами, достаточными для завершения окончательного успеха".

Гофман, повидимому, понял, что сила обороны СССР, в отличие от буржуазных стран, вовсе не определяется одной только армией, ее составом, вооружением, мощностью промышленности страны. Больше всего Гофмана беспокоит пропаганда. С ней трудно бороться; против нее, как он горько жалуется в своем дневнике, не устояла даже германская оккупационная армия. Борьба с большевиками более трудна, чем атака укреплений. „Если какая-либо часть вводится в дело для атаки укреплений противника, она, даже в том случае, когда можно ожидать больших потерь, храбро идет в бой, ибо солдат знает, что захват укреплений противника означает победу и окончание боя. Если же часть должна длительно оставаться в напряженном состоянии, — без того, чтобы кто-либо знал, когда окончится это напряжение, — ее моральная устойчивость со временем подломится, и часть эта станет доступной для разлагающей пропаганды Москвы".

Таков Гофман как политик и враг СССР!

Имея возможность следить за германской военной печатью, у нас есть основания полагать, что Гофман, ненавидящий СССР, ставящий эту ненависть выше таких вопросов, как последствия Версальского мира для Германии, и как бы

пытающийся согласием на антисоветский блок выпросить уступки в отношении версальских обязательств, — Гофман вряд ли найдет много сторонников среди мало-мальски мыслящих политиков и военных деятелей современной Германии.

Значительно больший интерес представляют военные статьи Гофмана. Прежде всего, несколько биографических черточек, характеризующих Гофмана как военного деятеля. По окончании академии Гофман (в 1898 — 99 гг.) сдает экзамен на переводчика по русскому языку, совершает шестимесячное путешествие по России, а потом работает в русском отделении германского штаба. В то же время он усиленно изучает материалы, характеризующие царскую Россию и ее армию. Во время русско-японской войны он длительное время находится в армии Куроки. Из русско-японской войны он выносит впечатление о русском командовании как о крайне неповоротливом, оперативно мало-гибком, склонном к схемам неспособном на малейший риск; русская армия ему представляется мало подготовленной к наступательным операциям и болезненно-чуткой ко всяким угрозам на флангах.

Мы остановились на этих замечаниях полубиографического порядка только для того, чтобы подчеркнуть ту тщательность, с которой германский генеральный штаб подготовлял и подбирал людей для действий на том или другом фронте. Навряд ли можно было найти более подготовленное в смысле знания русской армии лицо на должность „1а“ 8-й армии, чем Гофман. Нам думается, что в деле изучения наших вероятных противников мы можем кое-чему поучиться у прежнего германского генерального штаба.

Основным, капитальным трудом Гофмана по мировой войне является, пожалуй, его „Война упущенных возможностей“. На ряде примеров Танненберга ген. Гофман иллюстрирует свою основную мысль, что после Марнского сражения несколько раз можно и должно было найти решение войны на Восточном фронте, решительно выведя Россию из строя. Он горько обвиняет Фалькенгайна в отсутствии смелых, решительных идей, в изобретении Верденской мельницы, в оперативном крохоборчестве. Его вывод: в этой войне войска были на высоте, творили чудо, но мозг армии, ее главное командование, был парализован. Его до-

воды местами достигают большой убедительности своей простотой и ясностью. Гофман — решительный поклонник уничтожающего сражения и стратегии сокрушения. Война, по его глубокому убеждению, могла быть выиграна Германией, но только — стратегией большой решимости, стратегией сокрушения. Он опровергает утверждения историков Танненберга, что переброска двух корпусов во время Марнского сражения с Западного на Восточный фронт якобы была вызвана требованиями командования восьмой армии. В этих корпусах армия под Танненбергом не нуждалась: она их и не просила. Их бросило на Восток безвольное верховное командование, вместо того, чтобы их использовать для решительной операции на Западном фронте. Для доказательства своего утверждения Гофман приводит два имевших место в его присутствии телефонных разговора Людендорфа с начальником оперуправ главного командования полковником Таппеном.

Первая упущенная возможность это — Марна. Вместо того чтобы остаться до конца верным плану Шлиффена и основному закону войны, гласящему, что там, где ищут решения, нельзя быть никогда достаточно сильным, главное командование не старается взять все, что возможно, со своего левого фланга в пользу правого — решающего; больше того, — оно бессмысленно бросает на Восток два корпуса. Вторая упущенная возможность — там же, на Западе. Вину за нее несет уже Фалькенгайн. Гофман уверен, что еще в октябре, рискуя Эльзас-Лотарингией, собрав достаточные силы (до 10-ти корпусов взять с левого фланга) на еще свободном правом фланге Западного фронта, можно было бы добиться решения войны. Самое худшее — это колебания и нерешительность. Если главное командование не считало имеющиеся силы достаточными для новой решительной операции на Западе, — оно должно было пойти на решительную операцию на Востоке и на вытекающую из этого решения переброску значительных сил с Западного фронта на Восточный. Там уже русская армия стояла, отмобилизовавшись. Объект решительной операции был налицо.

Следующая упущенная возможность — лодзинская операция. Предложения Людендорфа главному командованию — отказаться от крохоборства на Ипре в пользу решающего

сражения на Востоке — остаются почти безрезультатным. Главное командование тянет время, не решается. Лодзинская операция начинается до прибытия подкреплений с Запада. Прекрасно задуманная операция дает лишь полууспех. Силы, имевшиеся у командования 9-й армии (Макензен), не соответствуют замыслу. Подкрепление с Запада, как всегда, прибывает с опозданием.

На Горлицкий прорыв немецкое главное командование долго не решается. Идея этого прорыва принадлежит Конраду, всячески восхваляемому Гофманом, в противовес Фалькенгайну. Прорыв этот мог дать решительное поражение русских только в сочетании с решительной операцией на севере — в направлении Ковно. Главное командование от этого отказывается. В июле оно дополняет Горлицу наступлением в Наревском направлении (Гальвиц), обещающем в лучшем случае территориальные приобретения и фронтальное вытеснение русских. Командование Восточным фронтом по своей инициативе принимает ряд мер на своем северном — правом фланге (налет конницы на Курляндию, удар на Ковно), в значительной мере решивших исход кампании лета 1915 года; территория приобретена громадная. но... нет разгрома русской армии, нет решительной операции.

О русском командовании Гофман говорит с нескрываемым чувством превосходства. План наступления русских армий весной 1915 года, легко разгаданный при помощи предательства болтливого русского радио, Гофман называет иронически „гигантским". Этот план легко был сорван зимними операциями 8-й и 10 немецких армий. Интересную картину боев в особых условиях дает Гофман в своем описании операций 10-й армии по окружению, — совместно с XL резервным корпусом, — в Августовских лесах русского XX корпуса (февраль 1915 года). Вьюга... заносы... отставание тылов... 12 — 18 лошадей, едва вытаскивающих легкую пушку... необходимость питаться за счет трофеев, — и в то же время решительный порыв войск, рискующих при окружении XX корпуса повернуться спиной к Ковно (опять расчет на пассивность русских!) — войск, воодушевленных пронизавшей их, окрылившей их смелой идеей полководца. О боях в районе Прасныша (конец февраля — начало марта 1915 г.). Гофман говорит вскользь... А между тем, эта операция Гальвица была широко задумана

и не оправдала себя в значительной мере лишь потому, что здесь был один из тех исключительных случаев, когда замысел немцев наталкивался на энергичное противодействие и умелое маневрирование русских на флангах наступающего. Основная цель все же немцами была достигнута: зимние операции 8-й и 10-й армий срывают „гигантский" план русского командования.

Другой труд, заслуживающий внимания нашего читателя, это — очерк, имеющий задористое название: „Танненберг, как он был". Этот очерк представляет особый интерес, так как дает характеристику германского командования в этой замечательной операции. Гофман рассказывает много интересных, недостаточно известных нашему читателю фактов, дает картину тех „трений", которые неизбежны при руководстве современной сложной операцией. Его рассказ находится в прямом противоречии с теми установками, какими пропитаны разные официальные и полуофициальные описания Танненберга. Образ Гинденбурга в изображении Гофмана это уже не образ того полубога, чуждого мимолетных впечатлений, не знающего нервных переживаний боя и операции, каким рисует Гинденбурга большинство современных немецких историков. Гинденбург Гофмана способен ошибаться, нервничать, выбиваться из колеи. Танненберг Гофмана это — мастерство не определенных лиц, а армии в целом, результат инициативы, сообразительности ее командного состава. Гинденбург нервничает, торопится; он требует от Франсуа наступления еще 26 августа, когда первый корпус еще не сосредоточился, не прибыла значительная часть его артиллерии. Гофман целиком одобряет саботаж, проявленный Франсуа и приведший к несколько запоздалому наступлению первого корпуса 27 августа (полдень, вместо раннего утра). Он восхваляет Франсуа за то, что он смело продолжает 28 августа выполнять план по окружению армии Самсонова (движение на Нейденбург—Вилленбург), в то время как, поддавшись впечатлению поражения под Ваплитцем 41 дивизии, Гинденбург готов свернуть главные силы первого корпуса на северо-восток, — на помощь 41-й дивизии.

Гофман восхваляет и ген. Макензена, который, вместо того чтобы сидеть под Вартенбургом (сев.-восточнее Алленштейна), на случай появления армии Ренненкампфа (кстати,

этот приказ Макензеном не был даже получен), со своим XVII корпусом, развивая бешеную энергию, двигается на юг для довершения окружения армии Самсонова. Гинденбург вовсе не вынашивал в себе единолично идею этих „Канн мировой войны". Эта идея не свалилась в готовом виде на войска. Канны создались в результате творчества соответствующим образом воспитанного командного состава и... в результате действий русского командования.

Очерки Гофмана по мировой войне, написанные им главным образом по воспоминаниям, представляют большой интерес и для нашего читателя. Это не просто военно-исторические очерки. Автор подходит к своему материалу под углом определенных оперативных взглядов, сложившихся у него до войны и получивших оформление в ней. Гофман — верный ученик Клаузевица, старшего Мольтке и Шлиффена. Это — страстный поклонник уничтожающего сражения, стратегии сокрушения. Он нигде не говорит о стратегии измора, но у читателя нет никаких сомнений, что он, так же, как и большинство современных германских военных писателей, всем своим существом отрицает эту „гражданскую" стратегию измора, изобретенную Дельбрюком, как ее принято характеризовать в немецкой военной литературе. Эти настроения отражают негодование писателя-солдафона, возмущенного дерзким вторжением гражданского историка Дельбрюка в военную историю. Предвзятый подход к историческому материалу требует критического отношения читателя к повествованию Гофмана. Но его страстное стремление к уничтожающему сражению, решительной победе, к навязыванию своей воли противнику, его призыв иметь крепкие нервы и поддержку на второстепенных участках, не колеблясь бросать все, что только можно собрать, в то место, где ищешь решения, — эта его оперативная активность делает его труды по мировой войне увлекательными и захватывающими.

Активный оператор, Гофман поклонник инициативы и решимости. Под его пером, скупым на похвалы, как-то оживает, четко выступает перед читателем фигура инициативного, неспокойного, задиристого ген. Франсуа. В Танненбергском сражении Гофман любовно подчеркивает инициативность отдельных военачальников и частей. 28 августа положение на участке XX германского корпуса к концу дня оказывается

выигрышным лишь благодаря инициативе и самодеятельности командира 3 резервной дивизии. Имея приказ начать наступление лишь после того, когда скажутся результаты действий германской 41 дивизии на фланг XV русского корпуса (41 дивизия наносит удар в северо-восточном, почти в северном направлении, резко повернувшись тылом к пострадавшей в предыдущих боях 2 русской дивизии), ген. Морген переходит по своей инициативе в наступление на Гогенштейн, не зная, что на восточном берегу разделившего его и 41 дивизию озера Мюлен после поражения последней формально уже сорван план осторожного комкора XX, требовавшего действий одних своих частей в методичной зависимости от действий других. Командир XVII корпуса Макензен, выяснив к вечеру 28 августа обстановку, форсированно двигается из района Алленштейна на юг (направление Едвабно) для замыкания кольца вокруг армии Самсонова; он выбрасывает вперед на повозках отдельные отряды; XVII корпус несется на юг почти с кавалерийской стремительностью...

Гофман способен ценить и инициативу, и оперативную решительность противника. Он признает, что налет отряда ген. Потапова на Тильзит в марте 1915 года явился для него досадной неожиданностью. План русского командования (октябрь 1914 года) по ликвидации Иванагородской операции австро-германцев Гофман признает образцовым, смелым и интересным, критикуя этот план лишь в части его исполнения. Перегруппировка, которую произвели русские армии с сосредоточением сильного кулака на левом фланге (в районе Варшавы) 9 германской армии, ставила последнюю в тяжелое положение. Этого не скрывает Гофман. Примерно также Гофман оценивает Брусиловский прорыв в 1916 году.

Наконец еще об одной мысли, прямо напрашивающейся при чтении книг Гофмана. Военно-исторические примеры Гофмана — живое, убедительное доказательство значения четкой, усвоенной всеми основными участниками оперативной идеи, заложенной в ту или другую перегруппировку войск, в тот или другой их маневр. Если эта идея налицо, если она способна вдохновить командование, — то и командование, и войска будут способны на величайшие лишения и трудности боевой жизни. Самое страшное на войне — это идейный разброд, растерянность командования, потеря им страте-

гических перспектив. Пишущему эти строки в своей боевой практике приходилось переживать такие дни отсутствия четкой объединяющей идеи в том, что делаешь сам и делают соседи. Вспоминается, как во время нашего великого отхода на южном фронте гражданской войны (весной 1919 года) наблюдались длительные периоды, когда не только дивизии, но и армии отходили по меридианам, без точных установок, не осмысливая самый отход теми или иными решениями... Эти дни были самыми тяжелыми днями в моей боевой практике.

Гофман, как оператор, привлек наше внимание еще потому, что у нас ныне стали болезненно-модными споры о стратегиях сокрушения и измора. Мы понимаем, что способ ведения войны не зависит от одного воспитания и подготовки армии и ее командования, но в значительной, в большей мере от ряда условий политического и экономического порядка. Война, начатая методами сокрушения, может при известных условиях перейти в войну на-измор (термин этот крайне неудачен). Нам думается, что этот спор о способах ведения войны представляет для нас в конечном счете интерес преимущественно теоретического порядка. Очень часто война будет состоять из чередования буйных приливов с периодами затишья, выжидания, накапливания сил. Однако даже при такой теоретической постановке вопроса мы видим некоторую опасность в увлечении стратегией измора. Теоретически не исключена необходимость и для главного командования Красной армии — перейти в ходе войны к стратегии выжидания, лавирования, к стратегии ограниченных целей, к стратегии фехтования. Но если эта теория выдвигается, как теория на все случаи жизни, как характерная для всякой современной войны, в том числе и всякой революционно-классовой, как метод решения войны, — то в таком подходе к делу мы видим большую опасность. Пассивности, дряблости, малоподвижности у нас еще сколько угодно.

Причиной живучести этих недостатков является в частности наш невысокий культурный уровень, является то, что мы сегодня живем еще в преимущественно крестьянской стране, которую силы растущего социализма еще не переделали и не в два счета переделают. Стратегия измора, в ее упрощенном, обывательском представлении, как бы идет навстречу тенденциям крестьянской ограниченности. Самое

слово это отдает какой-то пассивностью, а содержание этой стратегии даже в изложении лучших ее теоретиков — хаотично, беспорядочно, противоречиво...

Нам думается, что многие из любителей спора о стратегиях измора и сокрушения совершают одну основную ошибку — они вкладывают в понятие стратегии сокрушения представление о наполеоновской прямолинейности, скоротечности, вкладывают в современную стратегию сокрушения отжившие или во всяком случае уже не всегда являющиеся характерными представления. Мосты строились и сто лет тому назад. Слово „мост" сохранилось еще и сейчас. Но какая разница между тем и другим? Армия не может не стремиться страстно к поражению живой силы врага, к скорейшей победе над ней, к надлому ее моральной силы. Воля полководца всегда будет стремиться к сокрушению противника. Для подготовки решительного сокрушительного наступления иногда потребуются длительные сроки, маневрирование, фехтование, позиционная отсидка... Вы хотите и эти паузы окрестить войной на-измор?.. Нам не нравится это слово само по себе, но — извольте.

Мы с удовольствием бросаем этот несколько теоретический спор, спор в конечном счете о большой стратегии, стратегии, определяющей *способы* ведения войны. Но и война на-измор в этом широком понимании, война, которая на известном рубеже принимает характер войны ограниченных целей, с тем, чтобы на каком-то новом рубеже, нарушив равновесие сторон, обязательно и неизбежно перейти на сокрушение, — эта война даже в своей стадии измора может быть решена лишь армией, подготовленной к смелым, решительным действиям, к настоящей оперативной подвижности, армией, воспитанной в духе величайшей оперативной активности, умеющей малыми силами, их умелым комбинированием достигнуть хотя бы временных результатов. Именно так и только так мы должны воспитывать Красную армию, решительно отметая всякие теории, не способствующие воспитанию в армии активности, инициативы, решительности... В наших условиях в этой установке лучше пересолить, чем недосолить.

Мы до сих пор не сумели создать официальной истории мировой войны. Нам думается, что сейчас уже можно приступить к коллективному труду по созданию ее оперативно-

стратегического очерка. Нет надобности писать этот очерк в строго хронологическом порядке, с целью охватить *все* события. Он должен, как нам кажется, заключаться в исследовании основных операций на русско-австро-германском фронте. Наше положение, как запоздавшей стороны („нет худа без добра"), сейчас выигрышно в том смысле, что в отношении действий австро-германской армии мы имеем уже богатый материал.

Мы признаем „беспристрастного" историка. Мы мыслим, что к исследованию этих операций наши историки должны будут подходить под углом зрения *наших* основных оперативно-тактических установок и развертывания в тех, кто будет изучать эту историю, таких качеств бойца, как инициативность, смелость, решимость и выдержка. События 1914—1918 гг. от нас отдалены значительным рубежом времени. К ним мы можем подойти со всей остротой нашей критической мысли. Наконец еще живы многие участники этой войны. Их участие облегчит, сделает более интересным и живым исследование основных операций.

Мы просим извинить нас, что воспользовались книгой Гофмана, чтобы мимоходом высказать вслух несколько мыслей, не имеющих прямого отношения ни к самому Гофману ни к его книгам. Мы это делаем в частности для того, чтобы привлечь внимание военного читателя к военно-исторической книге. Однако как много мыслей может поднять в каждом из нас живая, увлекательная, пропитанная живой мыслью книга, — даже если ее пишет прямой наш политический враг!

Р. Эйдеман.

I

ВОЙНА УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

1. Мобилизация.

Приказ о мобилизации застал меня в Мюльгаузене (Эльзас), где уже в течение года я командовал батальоном баденского принца Вильгельма полка. Уже два года тому назад было решено, что в случае мобилизации я должен направиться в качестве первого офицера штаба в распоряжение главнокомандующего всеми силами Восточного фронта.

105702

Русскую армию я знал и практически, и теоретически. Зимой 1898—99 г. после окончания военной академии и сдачи экзамена по русскому языку я был командирован на 6 месяцев в Россию. После этого в течение 5 лет я работал в русском отделении германского главного штаба. Кроме того, я проделал всю русско-японскую кампанию в качестве военного атташе при японской армии. Состоя при 2-й японской дивизии, я наблюдал действия русских войск под Ляояном, Шахо и Мукденом.

Русские несомненно извлекли из этой кампании ряд важных уроков. Если бы они так же нерешительно действовали против нас, как в маньчжурскую кампанию, если бы они так же болезненно реагировали на каждую фланговую угрозу и держали бы в бездействии так много резервов, как в 1904 г., дела на восточном фронте сложились бы для нас гораздо благоприятнее.

Работая в русском отделении главного штаба, я, между прочим, должен был следить за разработкой плана наступления русской армии против Германии. В мирное время наша осведомительная служба работала неудовлетворительно. Это объяснялось, главным образом, тем, что в нашем распоряжении не было достаточно средств, чтобы содержать за границей агентов и шпионов.

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

Насколько я припоминаю, нам только один раз, в 1902 г., удалось купить у одного русского полковника генерального штаба весь план русского наступления против нас. Потом мы узнали, что этот план изменен, но в течение многих лет мы не имели никакого представления о характере этих изменений. В 1910 г., если не ошибаюсь, офицеру для поручений при командовании первого армейского корпуса в Кенигсберге, капитану Николаи, удалось перехватить приказ, касающийся защиты границы частью 26 ковенской дивизии. Из этого приказа видно было, что из расположенных на первой линии войск русские предполагают в первую очередь выставить против нас две армии: так называемую виленскую и варшавскую. Обе эти армии должны были наступать против Восточной Пруссии — одна севернее, а другая южнее Мазурских озер. Главный удар армии должны были направить на Гердауэн и объединиться где-то за Мазурскими болотами. Из каких частей предполагалось сколотить обе армии, мы из приказа не могли выяснить. В первой линии были, конечно, расположены войска, входившие в состав виленского и варшавского военных округов. Войска южного участка варшавского военного округа, как и части киевского и одесского округов, предназначались естественно против Австро-Венгрии. О предназначении войск петербургского, финляндского, московского, казанского, кавказского и некоторых азиатских военных округов нам ничего не было известно.

Взвесив все обстоятельства, мы пришли к убеждению, что русское командование должно было все свои главные силы выставить против нас. Германия была сильнейшим противником; если бы русским удалось нанести нам поражение, то поход против Австро-Венгрии превратился бы просто в военную прогулку. Вот почему я думаю, что, окажись на месте русского командования германский главный штаб, он выставил бы против Австрии только небольшой заслон из частей киевского и одесского военных округов, а главные силы направил бы против Германии. В таком случае, однако, потребовалось бы много недель, прежде чем русским удалось бы сосредоточить против нас все свои войска, включая и сибирские военные части.

2. Первые бои.

В первый же день мобилизации вечером я прибыл в Познань в распоряжение штаба 8-й армии, которой командовал генерал фон Приттвиц-Гаффрон. Армия получила задание отстоять Восточную и Западную Пруссию от наступающих русских войск. В случае, если бы мы столкнулись с превосходными русскими силами, наша задача заключалась в том, чтобы избежать невыгодного для нас боя, который мог бы закончиться нашим разгромом, и не дать противнику загнать нас в Кенигсбергскую крепость. Входивший в состав армии сводный корпус из познанского и шлезвигского ландвера имел еще особое задание участвовать совместно с левым флангом австрийцев в их наступательных операциях. В крайнем случае, при сильно превосходных силах противника, наша армия должна была очистить Восточную Пруссию до Вислы и отойти за реку. Разумеется, последний вариант представлял большую опасность в психологическом отношении.

Командующего армией, генерала фон Приттвица, я знал еще с мирного времени, как умного, хотя, правда, несколько крутого командира. Я был также хорошо знаком с начальником штаба армии, генерал-майором графом фон Вальдерзее. Обменявшись с ним своими соображениями о предстоящих операциях, мы пришли к следующим выводам.

Широко разрекламированные кавалерийские рейды со стороны русских нам особых опасений не внушали. Эти рейды сумеют легко ликвидировать наши пограничные части. В наши расчеты даже входило, чтобы эти кавалерийские налеты состоялись, так как в этом случае русские с самого же начала кампании потерпят ряд неудач. В остальном мы должны были считаться с наступлением виленской и варшавской армий, мобилизация которых должна была закончиться к 15 августа. Обе эти армии при вступлении на немецкую территорию должны были разделиться перед Мазурскими озерами и обойти их двумя отрядами с севера и с юга. Наша задача заключалась в том, чтобы направить всю свою армию против одного из этих отрядов и разбить его. Пока что нам было не совсем еще ясно, против какого именно отряда направить все наши главные силы, однако виленскую армию следовало ждать раньше, чем варшавскую, ибо последней приходилось проде-

лать весь свой путь до нашей границы по бездорожной и болотистой местности.

Последующие события полностью подтвердили правильность наших соображений. В ближайшие же дни русские предприняли небольшие кавалерийские атаки, которые мы легко отбили. На восточной границе многочисленная виленская армия энергично продвигалась к нашей территории, в то время как в районе предстоявшего наступления варшавской армии было сравнительно спокойно.

Наш мобилизационный план и передвижения нашей армии были полностью закончены в предусмотренные сроки. 8 августа штаб прибыл в Мариенбург и в тот же день принял командование над армией. В первый же день нашего прибытия в Мариенбург между командованием армии и командиром I армейского корпуса, генералом фон Франсуа, возник конфликт. Генерал Франсуа в качестве командира восточно-прусского корпуса считал себя призванным к защите провинции. Он придерживался той точки зрения, что ни один русский солдат не должен вступить на германскую землю и ни одна восточно-прусская деревня не должна пережить ужасов войны. Несмотря на наш категорический приказ придерживаться общего плана, генерал Франсуа без нашего ведома продвинул свои части далеко на восток.

К 14 августа мы получили донесения, что неприятель со значительными силами продвигается севернее и южнее Рominтенской степи. Особенно усиленную деятельность русские проявляли южнее степи. Из этого мы заключили, что речь идет о виленской армии, которая, как и предполагалось, продвигалась быстрее варшавской. В связи с этим, командование 8-й армии приняло решение бросить главную массу своих войск против виленской армии. Чтобы лучше руководить предстоящим сражением, командование переехало из Мариенбурга в Бартенштейн.

К своему величайшему удивлению, генерал Вальдерзее получил 17 августа сообщение, что Франсуа нарушил приказ, сильно выдвинулся вперед и вступил в бой с противником у Сталлупенена. По телеграфу и телефону мы отдали ему распоряжение немедленно же выйти из боя.

Этот прерванный бой закончился для I армейского корпуса Франсуа вполне успешно. Превосходные русские силы

были отброшены, и корпус захватил несколько тысяч пленных. И все же с точки зрения общего положения Франсуа допустил ошибку. Хоть I корпус и победил, он все же потерпел потери людьми и материалами, которые было необходимо приберечь для большого сражения. Кроме того, в наши интересы вовсе не входило задержать продвижение виленской армии. Наоборот, чем быстрее она продвигалась, тем скорее мы могли рассчитывать на то, что нам удастся ее разбить, прежде чем части варшавской армии успеют подойти к ней на помощь.

Между тем, согласно приказу, наша армия стягивалась у линии Ангераппа. 19-го утром главное командование обосновалось в Норденбурге. В тот же день к вечеру мы пришли к убеждению, что русские части, продвигающиеся к северу от Роминтенской степи, уже далеко выдвинулись вперед, и мы отдали приказ о наступлении.

20 августа утром армия выступила вперед. К вечеру положение представлялось в следующем виде. Наш правый фланг под командой генерала фон Белова разбил противника. Дела левого фланга под командой генерала Франсуа также обстояли хорошо. Зато центральные войска генерала фон Макензена, оттеснив передовые части противника, натолкнулись к востоку от Роминты на прекрасно сооруженную русскую полевую позицию. Макензен потерпел большие потери и не мог продвинуться вперед. Около 3 часов дня он нам сообщил, что его корпус разбит и положение серьезно.

Несмотря на это, положение нашей армии было все же благоприятным, и при продолжении наступления охват неприятельских флангов должен был привести нас к полному успеху. На следующий день около 6½ часов вечера я стоял с квартирмейстером генералом Грюнертом перед помещением нашего штаба в Норденбурге, когда пришло донесение от генерала Шольца о том, что „русская варшавская армия в составе от 4 до 5 корпусов перешла немецкую границу на фронте Сольдау-Ортельсбург".

— Мне кажется,— заметил я Грюнерту,— что нервы главнокомандующего и начальника штаба не выдержат этого донесения. Лучше всего в течение завтрашнего дня довершить бой и потом уже обрушиться на варшавского противника.

— Вы ж не можете скрыть от главнокомандующего такое важное сообщение, — возразил мне Грюнерт. Я, разумеется, и не думал об этом.

В тот же момент главнокомандующий и начальник штаба вышли из своей расположенной рядом со штабом квартиры. По выражению их лиц я понял, что они уже были в курсе дела. Генарал Приттвиц попросил нас в штаб.

— Как я вижу, господа, — сказал он нам, — вы уже получили донесение Шольца. Если мы продолжим бой, варшавская армия зайдет к нам в тыл и отрежет от нас Вислу. Поэтому армия прекращает сражение и отводится за Вислу.

Генерал Грюнерт попытался защищать нашу точку зрения и стал доказывать, что сражение у Гумбинена развивается благоприятно, что мы сумеем покончить с виленской армией в течение двух или трех дней, и у нас останется еще достаточно времени, чтобы направить наши силы против варшавской армии. До тех пор натиск этой армии должен выдержать сам Шольц со своим корпусом.

Генерал Приттвиц резко прервал Грюнерта и заявил, что его приказ об отступлении за Вислу должен быть выполнен. При этом он добавил, что за передвижения армии несут ответственность только он и начальник его штаба, но отнюдь не первый офицер штаба и главный квартирмейстер. Тут же граф Вальдерзее отдал мне распоряжение сделать все приготовления для отвода армии за Вислу. На это я возразил, что считаю просто невозможным переправить армию через Вислу и прошу главнокомандующего дать мне в этом направлении соответствующие указания.

В последовавшем обмене мнениями генерал Грюнерт и я сумели убедить наших собеседников, что механический отвод армии невозможен уже просто потому, что левый фланг русской варшавской армии находится ближе к Висле, чем мы. Поэтому в первую голову необходимо задержать продвижение варшавской армии, а достигнуть этого можно лучше всего путем наступления против ее левого фланга.

В этом духе и были отданы соответствующие распоряжения. Этим самым были созданы предпосылки для сражения под Танненбергом. При этом я должен подчеркнуть, что эти предпосылки были созданы именно генералом фон Приттвицом, в то время как общественное мнение знает о нем

только то, что он хотел отвести нашу армию за Вислу. Его обвиняли также в том, что он отвел к западу I резервный и XVII армейский корпуса. И это обвинение несправедливо: отводить эти корпуса на юг было нельзя, ибо никто ведь тогда не мог предполагать, что генерал фон Ренненкампф, узнав утром 21 августа, что немцы отступают, останется прикованным к месту. Можно было бы, наоборот, считать, что он, естественно, энергично ринется со всеми своими силами вперед.

При телефонном разговоре между генералом Приттвицом и генералом Мольтке верховное главнокомандование узнало о первом нашем намерении отвести армию за Вислу. Об изменении же нашего плана верховное главнокомандование ничего не знало. Оно не одобрило решения Приттвица и отозвало его вместе с начальником его штаба графом Вальдерзее. На их места были назначены генерал от инфантерии фон Бенкендорф унд Гинденбург и генерал-майор Людендорф.

3. Танненберг как он был.

К 20 августа общее положение на восточном фронте рисовалось в следующем виде.

Начала австро-венгерского наступления можно было ожидать приблизительно через неделю. Подчиненный командованию 8-й армии запасный корпус генерала Войрша, который наступал на левом фланге наших союзников, без боя продвинулся до Петрокова. Телеграмма начальника австрийского ген. штаба генерала Конрада фон Гетцендорфа снова предлагала германской 8-й армии предпринять наступление через Нарев на Седлец, чтобы создать возможность совместных действий с австро-венгерской армией. Однако при создавшихся условиях о такой операции, конечно, не могло быть и речи.

На юге в районе варшавской армии дела обстояли следующим образом: операционный план русских, разработанный вследствие французских требований поскорее приступить к решительным действиям, предусматривал, что 1-я (виленская) и 2-я (варшавская) армии, не дожидаясь прибытия запасных частей, должны были вторгнуться в Восточную Пруссию, охватить там с севера и юга 8-ю германскую армию, слабость которой была оценена

вполне правильно, отрезать ее от Кенигсберга и Вислы и уничтожить. По плану начальника русского северо-западного фронта генерала Жилинского, виленская армия должна была перейти границу на два дня раньше варшавской, неуклонно продолжать наступление и атаковать германскую армию, где только она будет обнаружена. Затем варшавская армия, перейдя границу два дня спустя, должна была направить удар в тыл германцев, охватить сражающиеся с Ренненкампфом войска слева и отрезать их от Вислы. Но Жилинский при этом не учел плохого состояния дорог на южном фронте, что уже само по себе должно было увеличить предположенную двухдневную разницу между появлением обоих армий на германской территории. Кроме того, момент наступления второй русской армии был еще более отсрочен вследствие стремления ее начальника Самсонова продвинуть армию дальше на запад, чтобы охватить германские войска на более широком фронте.

20-го после обеда XX армейский корпус донес, что противник в составе свыше 2 армейских корпусов и 2 стрелковых бригад достиг границы на линии Хоржеле—Фридрихсгоф и что генерал фон Шольц предполагает передвинуть свой корпус в район Нейденбурга, чтобы атаковать левое крыло русских и замедлить их дальнейшее наступление. Около 7 час. вечера начальник пограничных войск у Сольдау, генерал фон Унгер, донес, что по меньшей мере еще один русский корпус из Варшавы достиг района к югу от Млавы. Вследствие этого, положение XX армейского корпуса и войск у Сольдау стало, конечно, затруднительным. Об атаке у Нейденбурга и вообще о наступательных действиях XX корпуса не могло быть и речи. Однако, у генерала фон Шольца было достаточно сил, чтобы, придерживаясь оборонительной тактики, задержать наступление русской армии на срок, необходимый для победоносного завершения сражения у Гумбинена. Тем не менее, как указано выше, генерал фон Приттвиц решил прекратить сражение, за что он и был смещен.

Отставка последовала в необычайно резкой форме. Подчиненные Приттвицу генералы узнали о перемене раньше, чем сам Приттвиц и Вальдерзее. Их штаб перебрался 21 августа в Бартенштейн, а 22-го—в Мюльгаузен в Восточной Пруссии. По полученным донесениям, выход из боя с виленской армией произошел чрезвычайно удачно. В тот же день после обеда

главное командование получило официальное сообщение о назначении Гинденбурга и Людендорфа.

Гинденбург и Людендорф прибыли 23 августа после обеда. Ставший впоследствии идолом германского народа генерал фон Гинденбург тогда еще был довольно неизвестным генералом. Я сам еще никогда его не видал. Людендорфа же, наоборот, хорошо знали. Вся армия говорила о нем в связи с первым одержанным на войне успехом — крайне важным для хода кампании занятием Льежа, которое было целиком и исключительно его заслугой. Я лично знал Людендорфа довольно хорошо. Он выслушал мой доклад о положении и одобрил меры, принятые прежним командованием.

Русская варшавская армия, в составе не менее 5 армейских корпусов и 4 кавалерийских дивизий 22 августа широким фронтом перешла границу и достигла дороги Сольдау — Ортельсбург. Продолжая наступление, ее центр 23-го настолько близко подошел к фронту нашего XX армейского корпуса, что 24-го мог уже разгореться бой. XX корпус занимал укрепленную позицию к юго-западу от линии Гильзенбург — Лана. Путем присоединения частей из крепостей и одной бригады ландвера, состав корпуса был доведен приблизительно до $3^1/_2$ дивизий.

23-го после обеда и рано утром 24-го значительные силы варшавской армии атаковали 37 дивизию корпуса Шольца, но после ожесточенного боя были отбиты с тяжелыми потерями. В связи с этим, имел место маленький и сам по себе незначительный эпизод, который, однако, оказался решающим для дальнейшего хода сражения. Выяснилось, что позиция 37 дивизии была выбрана неудачно и что более удобная позиция находилась за ее линией. Поэтому генерал фон Шольц после отражения атаки решил, с согласия главного командования, отвести 37 дивизию на более удобную позицию. Этот добровольный отход дивизии оказался удачным маневром: русские усмотрели в нем признак всеобщего отступления германских войск, и генерал Самсонов отдал по армии приказ начать преследование.

Вечером 24 августа 5-я бригада ландвера достигла района между Страсбургом и Лаутенбургом. На ее фланге и фронте появились сильные отряды русской кавалерии. Перед новым фронтом XX армейского корпуса более значительных столкновений не было, но надо было ожидать, что 25-го утром начнется

атака по всему фронту. Русские могли собрать для этой цели около 7 дивизий, т. е. вдвое больше, чем насчитывал усиленный XX корпус. О дальнейшем отходе корпуса нельзя было и думать. Поэтому ему был отдан приказ принять бой и удерживать свои позиции до последнего человека.

Для главного командования положение в этот вечер было, пожалуй, самым трудным за все время сражения. Принятое решение, несомненно, было правильным. Генерал Людендорф донес верховному главнокомандованию, что дальнейшее отступление корпуса будет равносильно поражению. 5-й бригаде ландвера и I армейскому корпусу было приказано продвинуться настолько вперед, чтобы они, в случае, если русские атакуют превосходными силами XX корпус, могли ударить во фланг атакующим. Тем временем русский VI армейский корпус, отделившись от главной массы 2-й русской армии, продолжал наступление из Ортельсбурга на Бишофсбург. Восточная группа германской 8-й армии могла атаковать обособленный VI русский корпус превосходными силами, но для этого ей пришлось продвигаться форсированным маршем. Тут сказались пагубные последствия распоряжения Людендорфа, который разрешил этим войскам передохнуть один день. Русский II армейский корпус к востоку от Мазурских озер наступал на Ангербург. Армия Ренненкампфа нерешительно начала продвижение вперед, но в полдень снова остановилась.

Таково было положение, когда нам удалось перехватить две русских радиограммы, которые были отправлены нешифрованными. Первая радиограмма исходила от Ренненкампфа и сообщала, что 1-я русская армия должна была достигнуть линии Гердауэн — Алленбург — Велау только 26 августа. Стало быть, она уже не могла участвовать в сражениях наших войск со 2-й русской армии. Вторая радиограмма являлась приказом Самсонова начать преследование XXII армейского корпуса, тактический отход которого он принял за общее отступление германских сил по направлению на Остероде. Это был первый из перехваченного нами бесчисленного количества других приказов, которые передавались русскими радиостанциями с непонятным легкомыслием, сначала нешифрованными, а потом зашифрованными. Это легкомыслие весьма облегчило нам военные операции на Востоке, а в некоторых случаях вообще только это обстоятельство давало нам возможность

маневрировать. Зашифрованные приказы также не представляли затруднений: при штабе мы имели двух людей, которые оказались прямо гениальными в области расшифровки и в кратчайший срок всегда находили новый русский ключ.

День 25 августа прошел без серьезных боев. К вечеру положение еще более выяснилось. 5-я бригада обнаружила, что Лаутенбург занят русской кавалерией. Наступление русских против XX армейского корпуса продолжалось только медленно: Ваплиц был занят лишь после 4 часов пополудни. Повидимому, русский командующий не имел никакого представления о собирающейся перед его фронтом грозе. Чтобы отрезать германцев от Вислы, Самсонов решил сосредоточить свою армию влево и повести наступление по линии Алленштейн — Остероде. Однако, Жилинский приказал не продвигать правофлангового VI корпуса на Алленштейн, а оставить его у Бишофсбурга для защиты против генерала Летцена. Таким образом, Самсонов для предстоящих боев располагал, в сущности, только тремя корпусами. Они должны были предпринять 25-го только короткий марш к северу, но вследствие недоразумения между XV корпусом и 2-й дивизией даже этот марш не был осуществлен.

В действиях Самсонова наблюдалось известное противоречие. Предполагая, что германские войска отступают, и имея приказ отрезать им отступление через Вислу, Самсонов должен был бы, наоборот, стремиться всеми силами к форсированию наступления. Но противоречие это объясняется состоянием его войск. Вследствие слишком продолжительных маршей и недостаточного питания, русская 2-я армия была совершенно обессилена. XIII корпус, например, сделал на глубоких песчаных дорогах за 12 дней без отдыха 250 километров. Все командиры заявили Самсонову, что войска не в состоянии двигаться дальше. Самсонов также согласился с этим и попросил разрешения дать войскам суточный отдых, но Жилинский отказал, сообщив, что отдых возможен только после достижения линии Алленштейн — Остероде, так как только с этой линии создается угроза тылу германских войск, занимающих фронт против Ренненкампфа.

25 августа Самсонов убедился, что германские войска на его фронте вовсе не отступают к Висле. На основании ряда данных ему показалось, что в район Гильгенбурга и к западу

от него прибыли или прибывают новые германские части. Чтобы дать отпор ожидаемой здесь германской атаке, Самсонов создал на своем левом фланге особую группу под начальством генерала Артамонова, командира I армейского корпуса. Артамонов получил приказ отразить ожидаемое германское наступление встречной атакой. Армия генерала Ренненкампфа почему-то все еще сохраняла неподвижность. Ее кавалерия наступала медленно, а пехота еле двигалась. Поэтому германское главнокомандование решило направить I запасный корпус и XVII армейский корпус на юг, чтобы использовать их в решительном сражении против Самсонова.

Главное командование армии назначило решающее наступление на 26 августа. Тут снова произошли некоторые пререкания с генералом фон Франсуа. Последний хотел повременить с наступлением еще один день, так как часть его колонны еще не прибыла; кроме того, он хотел повести наступление в охват, т. е. по направлению на Млаву. Однако главное командование считало, что время не терпит. В любой день, который мы теряли, мог начать продвижение Ренненкампф, а охват левого крыла армии Самсонова у Млавы привел бы к разрыву и без того слабой 8-й армии. Поэтому был отдан приказ о прорыве неприятельского фронта у Уздау — на мой взгляд, решающая операция во всем сражении у Танненберга.

26-го, однако, I армейскому корпусу и подчиненной ему бригаде Мюльмана (войска из привислинских крепостей) удалось только взять высоты у Зеебена. Командир 1-й дивизии генерал фон Копта считал невозможным провести атаку на Уздау еще в тот же день, как предписывал приказ. Его войска, находившиеся в пути с раннего утра, сильно устали. Артиллерийская подготовка атаки, вероятно, заняла бы столько времени, что он мог бы приступить к штурму только к вечеру. Генерал фон Франсуа разделял этот взгляд и решил отложить штурм Уздау до утра 27-го.

Тем временем правое крыло XX армейского корпуса, 41-я пехотная дивизия, отбросило противника южнее Мюлена. На нашем левом крыле I запасный корпус и 6-я бригада ландвера натолкнулись южнее Лаутерна на VI русский армейский корпус, наступавший через Ортельсбург на север. Главное командование первоначально намеревалось оставить в качестве за-

слона против Ренненкампфа не только 1-ю кавалерийскую дивизию, но и 35-ю пехотную дивизию. Только после полудня 25-го было решено использовать и эту дивизию для решающего боя. Последовал приказ о том, чтобы XVII армейский корпус и I запасный корпус с подчиненной ему 6-й бригадой ландвера атаковали VI русский армейский корпус. Командир этого корпуса генерал Благовещенский имел приказ продвинуться из района Ротфлиса и Бишофсбурга по направлению на Алленштейн для стыка с правым крылом русской армии. Он полагал, что германские войска отступают к западу, и когда его передовая 4-я дивизия в районе Лаутерна неожиданно натолкнулась на передовые части XVII армейского корпуса, Благовещенский думал, что это — части, обеспечивающие фланг отступающих германских войск. Исходя из этого предположения, он у Лаутерна перешел в наступление.

У XVII армейского корпуса первые сведения о наступлении русских были получены от 6-й бригады ландвера. Командир 36-й пехотной дивизии генерал Гейнециус решил придерживаться против наступающих на него развернутым строем русских оборонительной тактики, чтобы выждать прибытия задней дивизии корпуса (35-й), а также вступления в бой I запасного корпуса, которым командовал генерал фон Белов. Но все эти части значительно запоздали, так что левый фланг 36-й дивизии временно попал в затруднительное положение. 35-я дивизия вынуждена была отдохнуть вследствие сильного утомления войск, а I запасный корпус до полудня не встретил никаких признаков противника, вследствие чего генерал фон Белов решил отправить через Малый Бессау против левого фланга русских только некоторые части 36-й запасной дивизии. Главная же масса корпуса продолжала продвижение к южной оконечности озера Дадай, чтобы отрезать отступление VI русскому корпусу.

Чтобы прикрыть наступление на север, командир русской 4-й дивизии был вынужден выдвинуть на левом фланге в районе Малого Бессау некоторые силы. Последние невольно привлекали к себе все более значительные силы I запасного корпуса, и в конце концов вся главная масса 36-й запасной дивизии совместно с 6-й бригадой ландвера перешли в наступление у Малого Бессау и отбросили противника, оказавшего упорное сопротивление. При этом русские, стоявшие к вос-

току от Мало-Бессауского озера, спиной к озеру, попали в стесненное положение, и некоторые из них якобы утонули. Вероятно, это и послужило исходной точкой распространявшейся в течение ряда лет легенды, будто Гинденбург во время сражения у Танненберга загнал тысячи русских в озера и болота, где они погибли бесславной смертью.

1-я запасная дивизия, продолжая продвижение, наткнулась на заднюю (16-ю) дивизию VI русского корпуса, которая под давлением наступавших наших войск начала отход. Русская 4-я дивизия под угрозой флангового удара со стороны Бессау уже после полудня начала отступать. Генерал Благовещенский повел весь свой корпус через Бишофсбург на юг. При атаке, предпринятой после надлежащей артиллерийской подготовки, 36-я дивизия нашла только покинутые позиции. По тактическому положению налицо имелась возможность полностью уничтожить русскую 4-ю дивизию, но германцы не были в состоянии использовать этот шанс. Причиной тому явилось, прежде всего, слишком запоздалое прибытие 35-й дивизии XVII армейского корпуса одновременно с очень поздней подготовкой для участия в бою I запасного корпуса. Это было вызвано полным истощением войск обоих корпусов, вследствие форсированных маршей, которые пришлось проделать, чтобы наверстать потерянный день отдыха. Таким образом, единственное мероприятие для подготовки сражения у Танненберга, которое предпринял генерал Людендорф без совещания с главным командованием VIII армии, оказалось малоудачным.

I запасный корпус и XVII армейский корпус полагали, что на другое утро им придется возобновить атаку. Летчики донесли, что южнее Бишофсбурга имеется укрепленная русская позиция. Надо было думать, что русский VI корпус — может быть, еще получив подкрепления, — снова окажет здесь сопротивление. Положение было еще осложнено вследствие полученных сообщений о том, что русский II корпус якобы наступал через Ангербург, имея задание продвинуться западнее озера Мауера на юг для установления связи со 2-й русской армией. Таким образом, положение обоих германских корпусов, в случае продолжительного сопротивления со стороны русского VI корпуса, могло стать довольно критическим. Тем не менее оба корпуса согласились возобновить атаку рано утром 27-го, при чем XVII корпус вновь должен был пред-

принять лобовой удар, а I запасный корпус действовать в охват левого фланга противника. Главное командование, не задумываясь, одобрило это решение. Ему ничего другого и не оставалось. Всякая нерешительность могла только ухудшить дело. Обсуждая положение с Гинденбургом, Людендорф, по-видимому, немного „потерял нервы". Иначе невозможно объяснить следующее замечание в мемуарах Гинденбурга: „Разве странно, что серьезные думы наполняют сердца многих, что колебания угрожают появиться даже там, где раньше была только самая твердая воля, и что сомнения возникают даже там, где до сих пор над всем господствовали ясные мысли? Не лучше ли нам все же вновь усилить фронт против Ренненкампфа, а против Самсонова ограничиться половинчатым успехом? Не лучше ли и не пытаться уничтожить наревскую армию, чтобы наверняка избежать собственного уничтожения? Но мы побеждаем кризис в нас самих, остаемся верны принятому решению и продолжаем искать развязку всеми силами в атаке".

27 августа I запасный и XVII армейский корпуса продолжали наступление на юг, чтобы атаковать обнаруженные неприятельские позиции. Главное командование приказало обоим корпусам после разгрома VI русского корпуса повернуть на юго-запад против правого фланга русской 2-й армии. В полдень было получено донесение, что русские очищают позицию южнее Бишофсбурга и продолжают отступление. Приблизительно одновременно пришло сообщение из Алленштейна, что туда прибыли значительные русские силы, которые заняли город. Сообщения об армии Ренненкампфа указывали, что самый южный русский корпус (XII армейский) достиг Растенбурга. Русская кавалерия продвинулась до района Гейльсберга и Прейссиш-Эйлау. Стоящие у железнодорожных линий слабые отряды ландштурма (ополчения), естественно, не могли оказывать серьезного сопротивления.

Утром 27-го на западном фронте сражения разыгрались решающие события: прорыв у Уздау и использование этого успеха генералом фон Франсуа. Русское главное командование 26-го прибыло в Нейденбург. Самсонов снова пришел к убеждению, что перед ним находятся только незначительные германские силы, которые он должен немедленно атаковать, чтобы отрезать путь к Висле войскам, отступающим

перед Ренненкампфом. Он остался при своем решении даже тогда, когда получил донесение о неуспехе его VI армейского корпуса у Лаутерна. Между тем, сообщение об этом безусловно должно было заставить его призадуматься. Вечером 26-го у него имелись сообщения, что приблизительно три дивизии наступают против его левого крыла и что весьма превосходные силы разбили и заставили отступить передовую дивизию его VI армейского корпуса. Следовательно, решение Самсонова начать 27-го наступление нужно считать ошибкой.

Выполняя приказ о наступлении, русский XIII корпус, в составе $2^1/_2$ дивизий, 27-го продвинулся на Алленштейн и к обеду занял город без боя. Сообщению о появлении крупных германских сил в двух милях к востоку от Алленштейна русские не поверили. Они полагали, что дело идет о русских силах, а именно о VI армейском корпусе. Связи с этим корпусом не было. Вследствие этого не было получено сведений ни о поражении этого корпуса 26-го, ни о продолжении его отступления на Ортельсбург 27-го. Сведения о последнем факте не были получены даже главным командованием русской армии. Зато командир XIII армейского корпуса генерал Клюев получил по радио призыв о помощи от XV армейского корпуса. В ответ на это он отправил на Гогенштейн одну смешанную бригаду и предложил главному командованию отправить туда весь корпус. После полудня русское командование одобрило предложение Клюева, но отправка корпуса задержалась, вследствие ряда трений, до утра 28-го. Тем временем командир XV русского армейского корпуса перебросил одну бригаду с правого фланга на левый для поддержки разбитой накануне (у Мюлена) 2-й дивизии; с остальными тремя бригадами, к которым присоединилась еще прибывшая через Гогенштейн бригада XIII армейского корпуса, он атаковал занятую германцами линию реки Фревенц. Атака была отбита. Бригада, отправленная для поддержки 2-й дивизии, достигла района Ваплица, где она остановилась в бездействии, в то время как разбитая 2-я дивизия, неспособная к серьезной борьбе, отступила до линии Лапа — Нейденбург.

Германский приказ по армии назначил на 27-е атаку по всему фронту, начиная с 4 часов утра. I корпус должен был штурмовать Уздау, прорвать здесь фронт и затем возможно крупными силами ударить по направлению на Нейденбург,

чтобы разгромить с фланга расположение русских на фронте нашего XX армейского корпуса. Последний должен был поддерживать эту атаку с севера, чтобы возможно скорее добиться прорыва фронта. Кроме того, XX корпус должен был продолжать назначенное еще на 26 августа наступление, причем 3-я запасная дивизия, удерживая Гогенштейн, должна была нацелить удар на Ваплиц. Только когда приказ этот уже был отдан, главное командование узнало, что положение на левом фланге XX армейского корпуса является совершенно иным, чем полагали, так как 3-я запасная дивизия не продвинулась на Гогенштейн, а осталась за рекой Древенц.

Командование XX армейского корпуса придерживалось того мнения, что 27-го утром необходимо считаться с сильной русской атакой по меньшей мере двух армейских корпусов. Оно полагало поэтому, что предпринять 27-го атаку левым флангом вообще не рекомендуется. Корпус хотел повести атаку только своим победоносным правым крылом и предложил для усиления последнего перебросить некоторые части на юг. Генерал Людендорф не был согласен с этим мнением и намерением, но после ряда представлений вынужден был одобрить этот план. Когда штаб главного командования 27-го рано утром отправился на фронт, чтобы с небольшого возвышения лично наблюдать за ходом сражения, было получено сообщение от I армейского корпуса, что 1-я дивизия в 5 часов утра заняла Уздау. К сожалению, вскоре оказалось, что сообщение это было основано на недоразумении. Атака, назначенная на 4 часа утра для артиллерии и 5 час. утра для пехоты, задержалась. Когда мы прибыли на наш наблюдательный пункт, мы видели на расстоянии приблизительно в 7 километров деревню Уздау, которая обстреливалась сильным огнем германской артиллерии. Русская артиллерия отвечала. Германская пехота оттесняла назад выдвинутые на всем фронте русские отряды. Штурм Уздау последовал только в 11 час. утра. К этому времени огонь германской артиллерии произвел такое действие, что пехота встретила только незначительное сопротивление. Генерал фон Франсуа отправил 1-ю дивизию на Нейденбург для преследования противника.

Тем временем первое ошибочное сообщение о взятии Уздау привело к неприятностям на южном фланге I корпуса. Главное командование, на основании этого сообщения, отдало

приказ о наступлении также на этом фланге, который сначала не участвовал в атаке. Но тут продвижение наших войск было встречено сильной русской атакой с юго-востока, вследствие чего 5-й бригаде ландвера пришлось остановиться, а 3-я пехотная бригада оказалась под ударом русских с правого фланга и была отброшена с довольно тяжелыми потерями. Главную массу пехоты удалось остановить в районе Гейнрихсдорфа, но некоторые части откатились еще дальше, в том числе один батальон бежал в панике до Монтова. Получив сообщение об этом отступлении, генерал фон Франсуа принял вполне правильное решение пока задержать удар своей 1-й пехотной дивизии на Нейденбург и повернуть эту дивизию на юг, чтобы прежде всего отбросить противника, наступающего из Сольдау, и, таким образом, обеспечить себе свободу действий на следующий день.

Однако, сражавшиеся против 2-й дивизии к югу от Уздау русские силы не стали ждать выступления 1-й дивизии и отряда Шметтау против их фланга и тыла, а поспешно отступили на Сольдау. Генерал фон Копта полагал, что у мостов через реку Сольдау произойдет скопление отступающих сил противника и что там возможно будет одержать успех. Поэтому он всеми силами продолжал натиск в южном направлении. Однако, войска были так утомлены тяжелыми боями последних дней, что в тот день невозможно было потребовать от них новой атаки. Вследствие этого, генерал фон Франсуа после полудня приказал приостановить наступление. Он считался с продолжением боя на другой день и приказал всей своей артиллерии на заре 28-го открыть огонь против позиций русской артиллерии у Сольдау; одновременно пехота получила приказ подготовиться к атаке. Сообщения летчиков о том, что русские не думали возобновить бой или оказать сопротивление, а продолжали поспешное отступление на Млаву, не дошли до сведения Франсуа.

Тем временем русский XV армейский корпус перешел в ожидаемое наступление против германских позиций к северу от Мюленского озера. Местность вдоль реки Древенц, вследствие своей лесистости, является весьма неудобной и необозреваемой, что облегчило русским войскам занять выдвинутые вперед позиции и приготовиться к атаке. Мюлен и местные германские позиции с утра находились под огнем

русской артиллерии. Признаки предстоящего наступления имелись налицо также дальше к северу, против 3-й запасной дивизии, прибывшей тем временем в район Кирштейндорфа. Генерал фон Шольц решил направить обе дивизии, которые продвинулись вперед на юг от Мюленского озера, в обход южной оконечности озера в тыл наступающим у Мюлена русским. Однако выполнение этого приказа значительно запоздало, и хотя главное командование после взятия Уздау приблизительно в 11 час. 30 мин. уже от себя отдало тот же приказ, последний все же не был выполнен, ибо одновременно у генерала фон Шольца было получено сообщение, что русские у Мюлена прорвали германский фронт и что германская пехота и артиллерия к северу от Мюлена отступают.

Положение в этот момент было критическим. Сколько-нибудь значительных резервов у нас не было. Поэтому генерал фон Шольц принял решение направить 37-ю дивизию прямо в район прорыва фронта. Для нанесения удара в обход Мюленского озера оставалась только южная 41-я дивизия. Она и выступила после полудня, но двигалась вперед только медленно и к вечеру остановилась на линии между Янушкау и южной оконечностью Мюленского озера. Такая преждевременная остановка была вызвана, с одной стороны, утомлением войск, а с другой — опасением относительно находящихся еще на правом фланге частей разбитой 2-й русской дивизии.

Тем временем выяснилось, что сообщение о прорыве русских у Мюлена было ложной тревогой. Русская атака против германских позиций у Мюлена, получившая развитие только около 4 часов пополудни, в основном была отражена. Зато подготовлялась довольно сильная русская атака против левого крыла позиций у Древенца через Яблонский лес. Донесения указывали на глубокий фланговый обход 3-й запасной дивизии, в котором якобы участвовали также части XIII русского армейского корпуса. Поэтому генерал фон Шольц решил передвинуть главную массу 37-й дивизии на крайний левый фланг, но так как войска были утомлены предпринятыми в этот день маршами, то выполнение этого движения было перенесено на утро 28-го.

Русская атака через Яблонский лес, которую должны были предпринять части XV и одна бригада XIII армейских корпусов,

фактически не состоялась. Бригада XIII армейского корпуса заблудилась в лесу, после чего командование отвело все назначенные для атаки войска к северо-восточной опушке леса.

Хотя в центре сражения и не удалось достигнуть крупного успеха, день 27 августа все же решил исход боя. Этот день ознаменовался победоносным прорывом у Уздау и победой у Бессау. 28-го должны были сказаться результаты победоносных боев на флангах. Задача состояла в том, чтобы окружить и уничтожить центральную русскую группу в составе около $2^1/_2$ армейских корпусов. Из русских войск на южном фланге уже сильно пострадала половина XXIII корпуса. Боевая сила XV корпуса также была значительно ослаблена в результате предыдущих боев. Предполагалось, что генерал Самсонов после неудач на обоих своих флангах и после отражения сегодняшней лобовой атаки откажется от продолжения боя и начнет отступление. Правда, положение к вечеру 27-го сложилось так, что отступление также привело бы к полному разгрому.

Приказ по армии на 28-е предусматривал, что усиленный XX армейский корпус в 4 часа утра, начиная с правого фланга, должен был повести наступление на Гогенштейн. В том же направлении должна была наступать только что прибывшая на фронт в качестве подкрепления дивизия ландвера под командой фон дер Гольца. I запасному корпусу было приказано к северу от Алленштейнского городского леса зайти противнику в тыл и отрезать ему пути отступления, заняв проход между озерами у Шведриха. Этот приказ был несколько изменен вечером 27-го, вследствие донесения I запасного корпуса, что в полдень 27-го в Алленштейн вступила с юга целая русская дивизия. Генерал фон Белов считал необходимым справиться прежде всего с этим противником, который в случае дальнейшего продвижения на север мог бы целиком отрезать все тыловые сообщения I запасного и XVII армейского корпусов Поэтому фон Белов предложил совместно с XVII армейским корпусом продвинуться на Алленштейн и там атаковать противника. Это предложение было принято.

Командование XX корпуса приказало 41-й дивизии начать наступление на самой заре в обход южной оконечности Мюленского озера на Ваплиц и оттуда дальше на север, с таким расчетом, чтобы уже в 4 часа утра ударить против левого

фланга противника. Этот приказ дивизия получила только в 11 час. 20 мин. вечера. Для подготовки войск к ночному походу осталось очень мало времени, а войска были утомлены. Донесения не давали ясной картины о состоянии противника. Пройти мимо фронта хотя и разбитого, но все же не потерявшего еще боеспособности противника и, поворачиваясь к нему спиной, повести наступление на север было рискованным делом. Командир дивизии весьма сомневался относительно возможности выполнения приказа; но так как его неоднократные возражения против наступления на Ваплиц не встретили сочувствия со стороны командования корпусом, то он, хотя и неохотно, приступил к выполнению приказа. Это выступление окончилось полным неуспехом. Уже самая подготовка затянулась, так как отдельные части заблудились на плохих лесных дорогах. Затем наступление встретило сопротивление со стороны противника по обеим сторонам от Ваплица на речке Маранзе, и продвижение приостановилось. Только одному батальону удалось к западу от Ваплица перейти через Маранзе и отбросить противника, но вследствие густого тумана командование не узнало об этом успехе и не использовало его. Когда туман рассеялся, русская артиллерия открыла огонь против тыла сражавшихся на Маранзе войск. Одновременно русская пехота ударила во фланг и тыл правого крыла 41-й дивизии. Положение дивизии было безнадежным, и командир ее отдал приказ об отступлении на исходные позиции. Тот факт, что отступление вообще удалось и что главная часть дивизии не попала в плен, объясняется только абсолютным бездействием русских, благодаря которому дивизия, хотя и с тяжелыми потерями, достигла района Вронова.

Командование XX армейского корпуса, не имея еще никаких сведений о результате наступления 41-й дивизии, хотело пока еще повременить с атакой на самом фронте. Однако, не обстрелянные еще войска 3-й запасной дивизии и командир ее генерал фон Морген, которому были подчинены также войска из крепостей, горели желанием ринуться на противника. Ночью генерал фон Морген получил сообщения, что русские вновь очистили Яблонский лес. С другой стороны, он знал, что дивизия Гольца начала наступление на Гогенштейн. Поэтому он считал неправильным ждать еще дольше

результатов действий 41-й дивизии и самостоятельно отдал приказ о наступлении.

У Мюлена войска Унгера действовали почти без всякого результата. Зато 3-я запасная дивизия лобовой атакой всюду отбросила противника, и ее левое крыло между 12 и 1 часом достигла Гогенштейна. Русский XV армейский корпус сначала оказывал упорное сопротивление, но у Гогенштейна сопротивление было сломлено, так как в это время пехота дивизии Гольца после тяжелого боя у Меркена также разбила русских и подошла к Гогенштейну с севера. Таким образом, предпринятое по инициативе генерала фон Моргена наступление привело в течение первых часов после полудня к полному успеху; противник еще держался только у Мюлена.

Тем временем генерал фон Франсуа отправил часть своей кавалерии по направлению на Нейденбург и собирался вскоре отправить туда же 2-ю дивизию пехоты. Он считал, что 1-я дивизия и отряд Мюльмана достаточно сильны, чтобы отбросить остатки русских за реку Сольдау, после чего 1-я дивизия также должна была взять направление на Нейденбург. Главное командование одобрило этот план, но после получения донесения об отступлении 41-й дивизии оно приказало немедленно отправить 2-ю дивизию и отряд Шметтау на помощь 41-й дивизии. В момент получения этого приказа 2-я дивизия уже двигалась на восток, а остальные войска наступали на Сольдау. Русские оказывали только слабое сопротивление; разрушив переходы через реку Сольдау, они с главной массой своих войск поспешно отступали через Млаву на юг. Несмотря на повторные приказы главного командования, отданные даже в умоляющей форме, генерал фон Франсуа вполне правильно оставался при своем решении продолжать наступление на Нейденбург.

Вскоре после полудня положение выяснилось и для главного командования. В результате полученных сообщений у него создалось впечатление, что противник разбит, и в 1 час 30 минут пополудни был отдан приказ продвинуть вперед также правое крыло XX армейского корпуса, а I армейскому корпусу — проникнуть возможно дальше через Нейденбург на Вилленбург, т. е. в том направлении, которое уже дал своим войскам генерал фон Франсуа. Генерал фон Шольц еще в 1 час 30 мин. пополудни приказал начать наступление по

всему фронту. Лишь 41-я дивизия не выполнила этого приказа, так как силы ее были совершенно истощены, и она осталась в районе к западу от Вронова. Мюлен был взят в 3 часа пополудни тремя батальонами 37 дивизии, которые затем продвинулись еще несколько на восток.

В районе Гогенштейна после полудня развернулись новые бои: наступавший с Грислинена и севернее русский XIII армейский корпус несколько потеснил дивизию Гольца и даже вновь занял Меркен. Около 3 часов пополудни к Гогенштейну подошла также 37-я дивизия, но атаковать русский XIII армейский корпус она в этот день уже не успела по не вполне выясненным причинам. 2-я пехотная дивизия, подошедшая в 3 часа пополудни к Нейденбургу на расстоянии одной мили, обнаружила наступление неприятельских частей с севера, которые были оттеснены. Отряд Шметтау вечером достиг района к востоку от Нейденбурга и после отдыха еще ночью продолжал преследование; к 3 часам утра он продвинулся до Мушакена между Нейденбургом и Вилленбургом. 1-я пехотная дивизия поздно вечером также прибыла в район Нейденбурга.

Тем временем I запасный и XVII армейский корпуса, оставшись временно без связи с главным командованием и не имея точных сведений о положении, предприняли ряд маневров по направлению на Алленштейн, где они думали встретить русский XIII корпус. При этом XVII армейский корпус выделил для преследования русского VI армейского корпуса только смешанный отряд, а главной массой повернул на Алленштейн. Только в течение второй половины дня удалось установить связь с главным командованием и выяснить, что у Алленштейна остались лишь слабые части противника. I запасный корпус получил приказ направиться на юг на Грислинен и Гогенштейн на помощь Гольцу. XVII армейскому корпусу было приказано вновь повернуть в прежнем направлении и с напряжением всех сил продвинуться на юг в район Едвабно, чтобы закончить окружение русской армии. Однако, было потеряно уже так много времени, что I запасному корпусу в этот день не удалось вступить в бой с противником. XVII армейский корпус повернул обратно, и его передовые части поздно ночью достигли окрестностей Ортельсбурга.

Хотя ход событий в день 28 августа не совсем соответствовал намерениям и надеждам главного командования, на

строение к вечеру было, естественно, весьма приподнятым Было ясно, что варшавская армия разбита с тяжелыми для нее потерями. Приказ о преследовании, отданный генералом Людендорфом 28 августа в 5 час. 30 мин. пополудни, уже принял во внимание необходимость подготовить перегруппировку войск для предстоящего наступления против армии Ренненкампфа. Людендорф первоначально пометил приказ названием местечка Фрегенау, где находилась ставка. Я указал ему, что вместо Фрегенау можно поставить название лежащего перед нами исторического местечка Танненберг. Он так и сделал, и поэтому все сражение впоследствии было названо именем местечка, откуда был датирован заключительный приказ главного командования.

Отдав приказ по армии, главное командование выехало на фронт в направлении на Мюлен. На полдороге между Танненбергом и Мюленом нам пришлось остановиться, так как навстречу нам катились в диком беспорядке амуниционные, продовольственные и санитарные телеги. Перед нами развернулся классический образец паники тыловых частей. У Мюлена солдаты ландвера с примкнутыми штыками отводили за фронт русских пленных. Кто-то воскликнул „Идут!“, другой сообщил дальше: „Русские идут!“, третий повернул телегу и начал в панике бежать, а остальные последовали за ним. По распоряжению генерала Людендорфа, мы рассыпались длинной цепью поперек и вдоль шоссе и с оружием в руках прекратили всю эту историю. Однако, вся дорога была в такой степени загромождена опрокинутыми и столкнувшимися телегами, что нам пришлось отказаться от плана поездки на фронт.

В ночь с 28 на 29 августа главное командование получило радио о том, что армия Ренненкампфа теперь, наконец, собирается выступать на помощь Самсонову. Одновременно было получено сообщение верховного главнокомандования, что с Западного фронта на Восточный будут переброшены два армейских корпуса и одна кавалерийская дивизия. О присылке подкреплений в свое время просил генерал фон Приттвиц, но новое командование не возобновило этой просьбы. Наоборот, верховное главнокомандование знало, что победа 8-й армии над Самсоновым обеспечена. Теперь генерал Людендорф при разговоре по телефону с представителем верховного главнокомандования снова указал, что восточный фронт может обой-

тись без подкреплений, тем более, что они все равно опоздают и прибудут после сражения, и что лучше оставить эти силы на Западном фронте, если они там нужны. Несмотря на это, верховное главнокомандование осталось при своем решении, которое оказало такое роковое влияние на исход боев на западном фронте.

Бои в районе Гогенштейна продолжались до позднего вечера 28-го и возобновились на заре 29-го. В 6 часов утра 37-я дивизия, одна бригада 3-й запасной дивизии и части дивизии Гольца атаковали с запада части XIII русского армейского корпуса у Меркена и оттеснили их навстречу наступающему с востока I запасному корпусу. Бой закончился около 10 час. утра взятием в плен 8.000 русских у Гислинена. Однако, вследствие запоздания I запасного корпуса, главная масса русского XIII армейского корпуса сумела избежать плена: ночью противник начал отступление в юго-восточном направлении на Яблонки. Генерал Самсонов вечером, наконец, убедился в безнадежности дальнейшего наступления и приказал своим трем корпусам начать отход.

На южном участке фронта 2-я дивизия встретила сопротивление со стороны частей русской 2-й дивизии и только в первые часы после полудня достигла Грюнфлиса. Кавалерийские части продолжали преследование по дороге на Вилленберг, при чем им удалось взять несколько тысяч пленных и обозы. Шметтау, отдохнув всего несколько часов, вновь двинул свои части и в 7 час. вечера прибыл в Вилленберг, где в его руки попали многочисленные русские обозы. Генерал фон Франсуа еще задерживал главную массу своих войск в районе Нейденбурга, ожидая, что русские попытаются там прорваться. Однако, русские не предприняли такой попытки, а отходили все дальше на восток. Поэтому генерал фон Франсуа вполне правильно приказал своей 1-й дивизии продвинуться дальше на восток и занять перекрестки между Мушакеном и Вилленбергом, чтобы таким образом воспрепятствовать прорыву окруженных русских на юг. В течение ночи здесь завязались многочисленные мелкие бои, во время которых попытки русских прорваться были отражены.

Сообщения, полученные главным командованием в течение 29 августа, указывали, что повидимому армия Ренненкампфа теперь, наконец, идет на помощь Самсонову. Его сильная

кавалерия продвинулась вперед довольно далеко, достигла Ресселя и Бишофштейна, а севернее наступала на Вормдитт. Хотя наступление это теперь и не могло больше облегчить участи окруженных севернее дороги Нейденбург—Вилленберг русских войск, но все же необходимо было принять меры против наступления Ренненкампфа. Вечером 29-го против него стояли наготове I запасный корпус, 37-я дивизия, дивизия Гольца и 6-я бригада ландвера, а южнее—войска из крепостей и 70-я бригада ландвера. В течение 30 августа должны были освободиться еще другие части. Надо было полагать, что если Ренненкампф собирается еще вмешаться в бой, он поведет наступление на Алленштейн. Было решено придерживаться там против него оборонительной тактики.

Судьба армии Самсонова была решена. Вечером 29-го в Остероде был привезен взятый в плен командир XV русского армейского корпуса генерал Мартос. Настроение главного командования, естественно, было весьма приподнятым. Вследствие правильной инициативы генерала фон Макензена, окружение противника на востоке было проведено своевременно, и можно было надеяться, что в западне окажутся довольно значительные русские части. Мне все же хочется подчеркнуть, что о таком числе пленных, которое получилось на деле, мы и не мечтали. В связи с этим, мне вспоминается следующий маленький эпизод. Два дня спустя я в сопровождении генерала от кавалерии графа Дона поехал со служебным поручением через поле сражения. На одной из железнодорожных станций мы наблюдали за погрузкой отправляемых в тыл русских пленных, и между нами завязался спор о том, сколько пленных действительно было взято. На вопрос графа Дона я сказал, что у нас нет точных сведений, но я считаю, что взято не меньше 30—40 тысяч чел. Граф Дона считал такое число преувеличенным и высказал убеждение, что пленных будет не больше 20 000. Я шутя предложил ему такое пари: за каждого пленного свыше 20 000 он мне платит по одной марке, а я ему плачу столько же за каждого пленного, недостающего до 20 000. К сожалению, генерал граф Дона пари не принял.

30 августа произошел один инцидент, который легко мог привести к неприятным последствиям. Еще накануне генерал фон Франсуа получил сообщение, что разбитый у Уздау и

Сольдау противник вновь приблизился к границе. Поэтому войска I армейского корпуса получили приказ произвести разведки в южном направлении и кроме того занять Яново. 30-го в 10 час. утра летчики сбросили под Нейденбургом сообщение, что около 4 русских дивизий наступают по большой дороге из Млавы на Нейденбург и что передовые части противника находятся всего в 6 километрах от стоящих у Нейденбурга войск генерала фон Франсуа. Оказалось, что командир русского усиленного I армейского корпуса генерал Артамонов принял правильное решение путем наступления на Нейденбург притти на помощь окруженной русской армии. Почти одновременно с получением сообщения об этом наступлении на площади в Нейденбурге упали первые русские гранаты. Германский I армейский корпус оказался в довольно неприятном положении: севернее Мушакена перед ним находились еще в лесах значительные неприятельские силы, от которых следовало ожидать, что они со всей энергией попытаются прорваться, как только они услышат шум боя с юга, а в тылу наступал численно превосходный противник.

В этом трудном положении генерал фон Франсуа со свойственной ему бесстрашной решимостью оказался на высоте. Он вообще был невысокого мнения о наступательной силе русских и в этом отношении был абсолютно прав — по крайней мере, в данном случае. Он решил ни при каких условиях не размыкать кольца вокруг противника на севере и бросить на юг для обороны только минимально необходимые силы. Он приказал слабым аванпостам к югу от Нейденбурга удержать местные высоты, а войскам 2-й дивизии—выделить все, что возможно, для создания фронта в районе Грегерсдорфа. Наступающей на Славу 5-й дивизии ландвера было предписано ударить во фланг и тыл противника. Тем временем главное командование также получило сообщение о наступлении русских на Нейденбург и по предложению генерала Людендорфа решило немедленно перебросить туда дивизию Гольца, войска из крепостей под командой генерала фон Унгера, 41-ю дивизию и 3-ю запасную дивизию. Этих подкреплений было, конечно, более чем достаточно, чтобы отразить наступление русских, но они могли вмешаться в дело лишь на следующий день, а пока слабые силы у Нейденбурга были предоставлены самим себе.

Передовые части под командой майора Шлимма блестяще справились с задачей возможно дольше удержаться на высотах южнее Нейденбурга и почти до вечера успешно отбивались от русских, которые, правда, наступали медленно и нерешительно. Лишь при наступлении сумерек отряд Шлимма, которому угрожал охват, вынужден был отступить и оставить Нейденбург. Город в темноте был занят русской 3-й гвардейской дивизией. Однако, успешное сопротивление отряда Шлимма устранило всякую опасность для войск, которые окружали русских на севере, а до утра 31-го прибыли все отправленные подкрепления, которые стали под команду генерала фон Франсуа. Последний отдал на 31-е приказ о наступлении, но противника больше не оказалось. Генерал Артамонов предпочел еще ночью повернуть обратно и отвести назад все свои войска. Когда 41-я дивизия рано утром достигла Нейденбурга, оказалось, что город оставлен противником.

На востоке у Ортельсбурга также еще с вечера 29 августа завязались бои. Русские и там предприняли слабые попытки притти на помощь своим окруженным товарищам. Вечером 29-го русская 4-я кавалерийская дивизия вновь заняла Ортельсбург, но под натиском одного полка 35-й пехотной дивизии и прибывшей почти одновременно 1-й кавалерийской бригады русские отступили, предварительно предав городу пожару. 30-го утром одна дивизия русского VI армейского корпуса совместно с 4-й кавалерийской дивизией снова атаковала город с востока и севера и поставила в критическое положение германский пехотный полк, у которого не было артиллерии. Однако, прибывшая из Вилленберга кавалерия I армейского корпуса и части 35-й дивизии поправили положение. К полудню русские и здесь окончательно отошли к югу.

На этом сражение было закончено. Окруженные русские отряды не предприняли каких-либо серьезных попыток прорваться на юг. Я считаю, что в случае окружения русскими германских войск последним все-таки удалось бы прорваться. Ведь на всей линии Мушакен—Вилленберг на протяжении 50 километров мы имели в нашем распоряжении всего только около 29 батальонов. Для сравнения я хотел бы указать на единственный случай, когда русским удалось окружить германские войска— у Бржезан в Польше. Но там германское командование и германские войска поступили как раз наоборот, — генерал

фон Лицман стал во главе окруженных войск и прорвался вместе с ними. Русские же бродили по кольцу окружения без всякого руководства, вразброд атаковали окружающие войска. но каждый раз вновь отступали перед огнем наших слабых отрядов и, в конце концов, тысячами сдавались в плен гораздо более слабым германским частям. Так, один батальон 43 полка взял в плен 17 000 человек. Утром 30-го генерал фон Шметтау донес, что его слабые силы у Вилленберга до сих пор взяли в плен 11 000 человек и не знают, куда их девать. Только гораздо позже, уже во время операций в Южной Польше, главное командование узнало, что всего было взято в плен 92 000 человек. Когда генерал Самсонов убедился в полном поражении своей армии, он застрелился.

Редко о каком-нибудь сражении впоследствии было рассказано столько сказок, как о Танненберге. В народе говорили, будто Гинденбург еще 30 лет тому назад разработал план этого сражения. Утверждали, будто он еще на посту офицера штаба 1-й дивизии, т. е. будучи в чине капитана или майора, обследовал местность сражения; он будто бы воспрепятствовал проектам осушки озер и болот в этом районе и затем, на основании своих давнишних планов, загнал русских у Танненберга в озеро и болото, где тысячи их якобы погибли жалкой смертью. По другой версии, Гинденбург, спеша в экстренном поезде из Ганновера на восток, получал на каждой станции донесения о положении и в соответствии с ними отправлял свои приказания. Все эти рассказы вымышлены. Танненберг не является делом рук одного человека. Это результат прекрасного обучения и воспитания наших командиров и несравненных подвигов германского солдата. Надо еще отметить инициативу отдельных германских генералов. Решающее для всего блестящего результата сражения событие, прорыв у Уздау, в значительной степени является бесспорной заслугой генерала фон Франсуа.

Необходимо упомянуть также о действиях противника, ибо без его ошибок весь успех был бы невозможен. Прежде всего встает, конечно, вопрос, почему не вмешался в дело Ренненкампф, несмотря на неоднократные просьбы по радио со стороны Самсонова? Его бездействие объясняли тем, что его армия потерпела в сражении у Гумбинена жестокий урон, что некоторые части потеряли до 50% своего состава и больше;

что полученные им сообщения говорили только об отступлении германской 8-й армии на Кенигсберг, так что при продвижении его армии на юго-запад она очутилась бы под ударом во фланг со стороны Кенигсберга. Но все эти объяснения являются с военной точки зрения неудовлетворительными. Поэтому я хочу напомнить про разговоры, что Ренненкампф из-за личной вражды не хотел помочь Самсонову. Мне известно, что между обоими генералами действительно существовала личная вражда; она возникла еще во время сражения у Ляояна, где Самсонов со своей сибирской казачьей дивизией защищал угольные копи у Ентай, но, несмотря на выдающуюся храбрость своих казаков, вынужден был отступить, так как Ренненкампф со своим отрядом на левом русском фланге оставался бездеятельным, не взирая на повторные приказы. Свидетели рассказывали мне, что после сражения оба генерала имели крайне резкое объяснение на вокзале в Мукдене.

За все время операции русскому командованию не удалось составить себе ясную картину распределения германских сил. Самсонову также было совершенно неясно, с какими силами он имеет дело и каковы намерения германцев. Его первоначальное энергичное наступление было вполне правильным, так как он был убежден, что германская 8-я армия спешно отступает к Висле. Нельзя укорять его и за то, что он остался при этом мнении, когда он установил скопление германских сил на своем левом фланге, т. е. в районе к северо-западу от Уздау. Было ведь вполне естественно, что германцы, если они собирались отойти за Вислу, должны были попытаться всеми силами задерживать левое крыло варшавской армии, которому к Висле было ближе, чем им самим. Поэтому Самсонов собрал в этом районе настолько крупные силы, что мог надеяться отразить германский удар. Его образ действий становится непонятным лишь после поражения, понесенного им на обоих флангах. После того, как VI корпус был разбит у Бессау и I германский корпус прорвал русский фронт у Уздау, решение продолжать атаку в центре было ошибкой и привело к разгрому.

Задача германского командования была сильно облегчена тем, что удалось перехватывать русские радио. Совершенно непонятно, почему русские посылали свои боевые приказы

через радиостанцию нешифрованными, не думая о том, что наши станции, и в первую очередь мощная станция в Кенигсберге, также принимали все эти приказы и передавали их нашему главному командованию.

4. Бои у Мазурских озер.

Итак, армии Самсонова больше не существовало. Из имевшихся у него 5 корпусов $3^1/_2$ корпуса были уничтожены или взяты в плен, а остатки в составе около $1^1/_2$ армейских корпусов пришлось отвести в район Варшавы для реорганизации. Теперь у нас были развязаны руки против Ренненкампфа. Все наши приготовления на этом фронте были закончены к 5 сентября.

Это время русская армия использовала для сооружения сильной позиции. Германское главное командование решило атаковать противника по всему фронту. Четыре корпуса должны были предпринять лобовую атаку, а другие войска, наступая на юге и между Мазурскими озерами, должны были путем атаки в обхват решить бой.

Лобовая атака не имела успеха, но зато победа была достигнута действовавшими в обхват противника войсками генерала фон Франсуа. В ряде боев они отбросили русские отряды, открыли XVII армейскому корпусу генерала фон Макензена выход через Летцен и путем давления в обхват южного русского фланга заставили Ренненкампфа принять решение об отступлении.

Еще в четвертый день сражения один из наших летчиков донес, что, по его впечатлению, главные русские позиции совершенно не заняты или во всяком случае на них находятся только слабые силы. На другое утро главное командование получило точное сообщение, что Ренненкампф не намерен принять боя, а повидимому еще накануне приказал начать всеобщее отступление. Хотя этим и была разрушена надежда нанести Ренненкампфу сокрушительный удар, однако я вынужден признать, что, по правде говоря, отступление русских явилось для нас весьма приятным обстоятельством. Лобовая атака против прекрасно оборудованной позиции русских была бы крайне трудным делом, и успех наших войск, на мой взгляд, надо было считать сомнительным. Ренненкампфу

пришлось бы только отразить удар трех дивизий генералов фон Франсуа и фон Моргена против своего левого крыла. Для этой цели он располагал по меньшей мере финляндским XXII армейским корпусом и шестью дивизиями запаса. Таким образом, он после отражения наших войск легко мог бы перейти в наступление. Если наша 8-я армия при этом и не потерпела бы поражения, то она все же не освободилась бы для своей очередной задачи — поддержки австрийцев в южной Польше.

Получив сообщение об отступлении русских, главное командование отдало приказ начать преследование по направлениям на Мариамполь, Сталлупенен и Пилькаллен. Однако, приказ был выполнен только частично. 11-го утром главное командование получило донесение от XI армейского корпуса, что на него наступают превосходные силы противника. Главное командование уже знало об этом наступлении на основании перехваченного русского радио. В последнем, однако, указывалось, что дело идет только об атаке со стороны трех полков одной русской запасной дивизии. Главное командование сообщило об этом командованию корпуса, но последнее настаивало на том, что атака ведется превосходными силами. Конечно, нельзя было целиком отвергать возможность того, что Ренненкампф предпримет попытку путем сильного удара облегчить положение своих войск и тем самым воспрепятствовать преследованию со стороны нашей армии. Поэтому главное командование распорядилось, чтобы XVII и I армейские корпуса свернули на помощь XI корпусу. Это вызвало совершенно излишнюю приостановку в преследовании, и эту потерю времени не удалось уже больше наверстать.

14 сентября завязался еще жаркий арьергардный бой у Вильковишек. Русские развивали при отступлении большую ловкость и, не считаясь ни с чем, заставляли колонны маршировать друг подле друга по бокам дороги, но у них все-таки получились заминки, особенно при проходе через Сталлупенен. Поэтому они у Вильковишек пожертвовали своим арьергардом, чтобы выиграть необходимое время для спасения главной массы войск. Этим арьергардным боем закончилось сражение у Мазурских озер.

Помимо освобождения Восточной Пруссии это сражение дало еще нам уверенность, что с армией Ренненкампфа также

покончено на продолжительное время. Она понесла весьма значительные потери людьми и материалами, и реорганизация ее за барьером Немана с его крепостями должна была занять несколько недель. Правда, полного разгрома Ренненкампф не потерпел, да я и не думаю, что мы могли бы нанести ему такое решающее поражение.

5. Операция в южной Польше.

Пока наша 8-я армия была занята сражениями у Танненберга и у Мазурских озер, на западном театре войны и у союзной австрийской армии условия сложились неблагоприятно. На основании довоенного соглашения мы должны были оказать союзникам поддержку. Поэтому верховное командозание приказало перебросить два армейских корпуса в Силезию, где они должны были образовать ядро новой армии, командиром которой был назначен генерал от артиллерии фон Шуберт, а начальником штаба — генерал Людендорф.

Людендорф отправился в Силезию, установил прямую связь с австрийским главным командованием и выяснил, что предоставлением двух армейских корпусов поправить дело невозможно и что необходимы более энергичные мероприятия, чтобы оказать помощь союзникам, которые пострадали значительно сильнее, чем предполагалось. Он предложил использовать для этой цели главную массу 8-й армии под командой Гинденбурга. Предложение это было принято. Была создана 9-я армия, командующим которой был назначен Гинденбург, а начальником штаба — Людендорф. Часть офицеров штаба 8-й армии, в том числе и я, перешла в штаб 9-й армии. Генерал фон Шуберт принял на себя командование 8-й армией, которая должна была продолжать оборону Восточной Пруссии.

18 сентября генерал Людендорф поехал в австрийскую главную ставку в Ново-Сандеце, чтобы лично переговорить о намеченной операции с австрийским верховным главнокомандующим эрцгерцогом Фридрихом и начальником генерального штаба Конрадом фон Гетцендорфом. У него создалось неважное впечатление о состоянии союзной армии. Повидимому, австрийцы в сражении под Львовом и во время отступления понесли колоссальные потери, иначе невозможно было объяснить, как это вся масса австро-венгерской армии в составе

около 40 дивизий могла уместиться на западном берегу Вислоки в узкой полосе между Карпатами и Вислой. Большая часть молодых кадровых офицеров и унтер-офицеров пала в боях. Это была незаменимая потеря, от которой армия уже не оправилась в течение всей войны.

Из рассказа Людендорфа о ходе переговоров я вынес впечатление, что было достигнуто единодушие относительно решения вскоре возобновить наступление. Гетцендорф впоследствии отрицал, что он согласился с этим, и уверял, что он стоял за то, чтобы сначала создать крепкий совместный фронт для обороны и только позднее шаг за шагом перейти в наступление. При всем уважении к выдающимся качествам Гетцендорфа, я не могу присоединиться к такому взгляду. Необходима была быстрая помощь, чтобы возможно скорее освободить австрийскую армию из крайне стесненного положения между горами и Вислой. С этой целью 9-я армия должна была заставить русских выделить из преследующей австрийцев армии возможно более крупные силы и бросить их против 9-й армии. Достигнуть этого можно было только путем активных действий, путем наступления на Вислу. Главное командование 9-й армии при этом не сомневалось в том, что армия достаточно сильна, чтобы нанести решительное поражение борющейся против австрийцев русской армии.

27 сентября 9-я армия была готова к действиям. В тот же день началось наступление на линию Опатов — Островец — Ильжа — Радом — Томашов — Калишки к востоку от Лодзи. Неприятель первоначально оказывал сопротивление, хотя мелкие кавалерийские отряды и казацкие сотни отступали перед нашим продвижением. Когда русский верховный главнокомандующий Николай Николаевич узнал о нашем наступлении, он решил предпринять широко задуманный маневр. Он выделил из массы сражающейся против австрийцев армии около 14 армейских корпусов и перебросил их по железной дороге и пешим порядком за Вислой на север. Затем меньшая часть этих сил должна была переправиться через Вислу и удерживать германскую армию лобовой атакой; большая же часть, усиленная еще сибирскими корпусами, которые лишь к этому сроку могли быть выгружены в Варшаве, должна была предпринять с линии Новогеоргиевск - Варшава наступление в обхват нашей армии.

Идея была хороша. Русские вполне правильно уяснили себе, что им необходимо сначала окончательно устранить 9-ю армию, а затем только продолжать сведение счетов с австрийскими войсками. Мы в первое время, конечно, ничего не знали об этом плане, но русские радиостанции отдельных армейских корпусов все время сообщали о перемене их местонахождения, и отсюда было ясно, что крупные русские силы передвигались за Вислой к северу. Первый результат плана русских оказался для союзников только приятным: австрийские войска могли возобновить наступление, продвигались успешно вперед, 9 октября почти без боя достигли Сана и проникли в Перемышль.

Еще 4 октября на нашем фронте у Опатова произошел небольшой бой с двумя русскими стрелковыми бригадами, которые были переправлены через Вислу русским гвардейским корпусом в качестве авангарда. Наш гвардейский запасный корпус, который при продолжении наступления на востоке имел бы возможность отрезать путь отступления обеим стрелковым бригадам, поддался соблазну и слишком рано свернул против северного фланга неприятеля, что побудило стрелковые дивизии поспешно отступить.

Тем временем главному командованию стало ясно, что русские выделили с австрийского фронта крупные силы, чтобы бросить их против 9-й армии. Конечно определить весь объем операции, задуманной русским верховным главнокомандованием, было еще невозможно. Зато австрийцы, в виду слабости встреченного ими до тех пор сопротивления, могли при энергичном проведении наступления нанести русским значительный удар, пока 9-я армия путем обороны удерживала брошенные против нее русские силы на Висле. Поэтому было важно выяснить положение у Варшавы и вместе с тем воспрепятствовать переходу русских войск через Вислу между Сандомиром и Варшавой.

С этой целью 9-я армия при дальнейшем продвижении вперед должна была передвинуться значительно к северу и сильно растянуть свои собственные войска и подчиненную ей 1-ю австрийскую армию, чтобы заполнить весь фронт от устья Сана до Варшавы. Насколько я помню, к этому времени еще не были получены сообщения о выгрузке сибирских армейских корпусов в Варшаве, как утверждает генерал Людендорф в

своих воспоминаниях. Наоборот, по слухам, в Варшаве находилось якобы всего около 62.000 человек больных и раненых во время боев в Восточной Пруссии.

Между тем, у Новой Александрии через реку переправился другой русский авангард, который был атакован нами и отброшен обратно. Зато одна бригада XX армейского корпуса натолкнулась на противника, перешедшего реку севернее Ивангорода у Кожениц. Командир бригады, вероятно, переоценил силу переправившихся частей, медлил с проведением атаки и вследствие этого русским войскам, которые состояли из кавказских частей, удалось закрепиться на левом берегу Вислы и навести мост. Несмотря на все наши дальнейшие усилия, нам уже не удалось прогнать с левого берега противника, который сражался с выдающейся храбростью.

Наступавший на Варшаву усиленный корпус Макензена встретил у Гродиска восточно-сибирских стрелков. После жаркого боя он отбросил их к Варшаве, преследовал их и 12 сентября достиг района непосредственно к югу от Варшавы. После боя у Гродиска при убитом русском офицере был найден приказ с наброском карты, который открыл нам весь русский план.

Теперь сибирские корпуса из Варшавы повели крайне энергичные атаки против Макензена, но были отбиты. Южнее Варшавы противник снова попытался переправиться через Вислу у Горы Кальварии, но был отброшен 37-й дивизией XX армейского корпуса. К югу от 37-й дивизии, в районе устья Пилицы, стояла другая дивизия XX армейского корпуса, усиленная австрийской кавалерийской дивизией. К ней примыкал усиленный гвардейский запасный корпус, который был расположен против Кожениц и Ивангорода и запирал собой выход из крепости. Зато, как я уже упомянул, нам не удалось отбросить на другой берег III кавказский корпус у Кожениц. Тогда в эти дни стояла ужасная погода. Беспрерывно шел дождь, окопаться в размокшей и залитой водой долине Вислы было невозможно. Русская артиллерия стояла буквально в реке, но кавказцы уцепились за левый берег и больше не выпускали его. Наоборот, путем беспрерывных атак они пытались еще расширить занятую ими территорию. В этом, однако, их постигла неудача, и все атаки были отбиты с тяжелыми для них потерями.

Итак, переход русских через Вислу был предотвращен, если не считать одного пункта у Коженицы. Висла между устьем Сана и Горой Кальварией была закрыта 9-й армией, и положение на этом участке фронта в общем являлось безопасным. Зато было только вопросом времени, что русские могли подвезти дальнейшие подкрепления, атаковать обхватом из Новогеоргиевска и юго-западнее от него группу Макензена и разгромить фланговым ударом весь фронт 9-й армии, как это и предусматривал план русских. Следовательно, необходимо было усилить Макензена, чтобы он мог держаться до тех пор, пока австрийской армии удастся переправится через Сан и добиться того успеха, на которой тогда еще надеялся генерал Конрад фон Гетцендорф.

Опасность, что неприятель ударит во фланг армии Макензена, все более и более увеличивалась. Войска 1-й австрийской армии подходили очень медленно, увод германских войск с Вислы потребовал слишком много времени. Поэтому главному командованию пришлось принять решение отвести левое крыло на линию Рава — Скерневицы — Лович. Корпус ландвера занял линию Новоместо — Рава. На новом фронте группа Макензена и корпус ландвера должны были принять на себя атаку ведущих наступление из Варшавы русских, а остальные три корпуса могли предпринять ударное продвижение на север.

Опасность для левого крыла Макензена, конечно, не была устранена в результате этих мероприятий, так как русские располагали достаточными силами, чтобы охватить его при одновременной лобовой атаке. С этой опасностью пришлось мириться, пока еще имелась надежда, что австрийские армии у Сана разобьют русских. Правда, эта надежда становилась все слабее. Австрийцам не удалось переправиться через Сан. Наоборот, в ночь с 17 на 18 октября русские, наступая на австро-венгерскую 4-ю армию, в свою очередь переправились через Сан.

В ночь с 18 на 19 октября Макензен начал отход. Ему удалось занять новые позиции без значительных потерь людьми и материалами. 25-го и 26-го русские повели ожесточенные атаки против 37-й пехотной дивизии, корпуса ландвера и группы Макензена на линии Новоместо—Лович. Атаки были отбиты, но все же левое крыло Макензена пришлось отодвинуть. Кроме

того, главное командование было вынуждено оттянуть сражавшуюся у Новоместа 37-ю пехотную дивизию на южный берег Пилицы, так как через раздувшуюся от дождей реку вел только один мост, который обстреливался русской артиллерией. Положение дивизии на северном берегу реки казалось поэтому слишком опасным.

По получении первого сообщения о том, что продвижение 1-й австрийской армии наталкивается на затруднения и что наступление грозит приостановиться, главное командование приказало гвардейскому запасному корпусу возобновить наступление на Коженицы, чтобы таким образом оказать поддержку левому крылу 1-й австрийской армии. 27 октября около 1 часу пополудни ефрейтор нашего телефонного отдела позвонил ко мне и донес следующее: „Я только что заслушал австрийский приказ по армии, который прошел через нашу станцию и, как я полагаю, встретит интерес с вашей стороны. В приказе говорится, что 1-я австрийская армия должна немедленно начать отступление, но германскому гвардейскому запасному корпусу должно быть сообщено об этом не раньше 6 часов вечера".

Я, конечно, был вне себя, позвонил к начальнику штаба австрийского генерала фон Данкля подполковнику фон Вальдштеттену и без обиняков высказал ему свое мнение. В результате мне удалось, по крайней мере, задержать левофланговую дивизию 1-й армии до тех пор, пока мы с наступлением темноты могли вывести гвардейский запасный корпус из боя, предпринятого для поддержки 1-й армии и развивавшегося с хорошим успехом. Тем временем XI корпус был отправлен для оказания помощи Макензену на левый фланг в район к северу от Лодзи.

Вследствие неудачи австрийских войск под Ивангородом, все положение стало шатким. Надо было считаться с тем, что отступление захватит также расположенные южнее части 1-й австро-венгерской армии, вследствие чего германская 9-я армия должна была совершенно повиснуть в воздухе. Поэтому 9-ю армию необходимо было отвести обратно и при том на значительное расстояние, чтобы вернуть ей необходимую свободу операций. Главная задача 9-й армии при этом состояла в том, чтобы выйти из соприкосновения с русскими, не допуская слишком быстрого преследования с их стороны.

Выше я уже упомянул, что главное командование при самом наступлении сознавало, что силы 9-й армии недостаточны для достижения решительного успеха против русских, если последние обратятся против нас со значительно превосходными силами. Поэтому еще во время наступления были сделаны приготовления для разрушения железных и других дорог на тот случай, если 9-я армия потерпит неудачу и вынуждена будет отступить. Эти разрушения были теперь проведены со всей энергией во время отступления.

Приказ об отступлении последовал 27-го, и отход был совершен в полном порядке без всяких затруднений.

Русские энергично следовали за нами по всему фронту. Они наступали также на Восточную Пруссию и в районе Млавы. Положение становилось серьезным на всем Восточном театре войны.

Вместе с нашим выдающимся армейским интендантом, тайным военным советником Кебером, я считал, что всякое продвижение германской армии должно приостановиться, как только она удалится на 100 километров от железной дороги. Для русских мы, считаясь с их большей непритязательностью, а также с их беспощадностью по отношению к лошадям, прибавили еще 20 километров и пришли к заключению, что продвижение следующего за нами противника временно должно будет приостановиться еще к востоку от германской границы, т. е. на русской территории, — если только удастся разрушить железные дороги так основательно, что их восстановление потребует продолжительного времени. В этом случае продвижение противника должно было приостановиться, повидимому, на несколько дней. Этот срок необходимо было использовать 9-й армии, чтобы предпринять новую операцию.

Постепенно у главного командования создалось убеждение, что такая операция могла состояться только путем переброски значительных частей армии в район южнее Торна, усиления их войсками из Восточной Пруссии или с Западного фронта и последующего ударного наступления вдоль Вислы против правого фланга русских.

Основательное разрушение железных и других дорог удалось в полной мере. Тем временем — это было в последних числах октября — генерал Людендорф был вызван в Берлин для совещания с генералом фон Фалькенгайном, и только

теперь главному командованию восточным фронтом стали известны подробности событий на Западном театре войны.

Оказалось, что первоначальный план военных операций, разработанный еще графом Шлиффеном, не был выполнен. Шлиффен предполагал добиться победы на Западном фронте путем обхода французских заградительных крепостей сильнейшим правым крылом; на левом же крыле он предполагал выставить минимальное количество войск и в случае французского наступления отвести их на линию Метц — Страсбург и в верхнерейнские укрепления.

В противовес всему этому наше верховное главнокомандование во главе с генералом фон Мольтке не только отправило на левое крыло значительные силы, но и оставило их там, приказав им продолжать завязавшийся бой и одобрив попытку прорвать линию французских заградительных укреплений на верхнем Мозеле. Мало того, верховное главнокомандование не только не отправило на правое крыло никаких подкреплений, но в дальнейшем еще выделило из него те два армейских корпуса, которые были отправлены в Восточную Пруссию, хотя об этом никто не просил. В результате всех этих ошибок и упущений дело кончилось поражением на Марне. Вместо заболевшего генерала фон Мольтке в штаб верховного командования был назначен генерал фон Фалькенгайн, которому теперь надлежало решить вопрос о том, каким способом следует продолжать операции германских войск после понесенной на Западе неудачи.

Первый шаг — стабилизиция положения на всем фронте — был вполне правильным. Но затем следовало принять полное и принципиальное решение о том, каким образом продолжать весь поход. Я считаю, что еще было не поздно возвратиться к первоначальному плану Шлиффена, перебросить 10 армейских корпусов с левого крыла на правый и там возобновить ударное наступление. Людендорф впоследствии сообщил мне, что генерал Гренер, бывший тогда начальником военно-полевых железных дорог, сделал тогда подобное предложение генералу Фалькенгайну, но последний отклонил этот план. Таким образом, верховное командование окончательно отказалось от осуществления плана Шлиффена.

Но почему же Шлиффен вообще пришел к идее бросить главную массу германских войск на Западный фронт и искать

там решения? В первую очередь, очевидно, потому, что здесь наши войска в самом начале войны встретили бы готовую к операциям французскую армию, которая должна была принять бой и никак не могла уклониться от него. На Востоке же в первые недели войны не было бы никакого объекта для широкого германского наступления: сосредоточение русских войск занимало гораздо больше времени, а имевшиеся налицо части могли с легкостью уклониться от германской атаки путем отхода в бесконечные пространства Российской империи без серьезного ущерба для общего положения. Теперь же сосредоточение всей русской армии было закончено; вопрос состоял только в том, предоставит ли она нам в ближайшее время какую-либо возможность нацелить против нее сильный удар с надеждой на успех.

Теперь верховному главнокомандованию следовало призадуматься над тем, не лучше ли — если мы считали себя слишком слабыми для нового наступления крупного масштаба на Западе — перенести центр тяжести операций на Восток? В этом случае необходимо было спешно освободить на Западном фронте часть войск, отказаться от бесцельных боев под Иперном и заставить войска перейти к позиционной войне. Тогда создалась бы возможность освободить силы и ждать, обнаружится ли на Восточном фронте шанс для успешного их применения? И такой шанс действительно обнаружился.

По возвращении из Берлина генерал Людендорф сообщил, что начальник австрийского генерального штаба генерал фон Гетцендорф обратился к генералу фон Фалькенгайну с просьбой перебросить на Восточный фронт крупные силы. Однако, Фалькенгайн отклонил эту просьбу, заявив, что ему нужны силы у Иперна. Только вновь сформированный XXV армейский корпус был отправлен в Восточную Пруссию, где 8-я армия вела борьбу с русскими войсками с переменным успехом и до сих пор удержалась на русской территории. Кроме того, 8-я армия была усилена новыми частями из крепости Кенигсберга. В районе Сольдау из гарнизонов привислинских крепостей и частей ландштурма был образован корпус Шастрова в составе около двух дивизий. Для усиления 9-й армии генерал Людендорф с крайней энергией выделил из восточных крепостей все, что вообще только возможно было выделить. Так, из Познани был выделен еще целый корпус под командой

генерала фон Коха, а из Торна—еще одна бригада под командой Вестергагена, которая впоследствии была развернута в отдельный корпус под командой Диккута.

Русские следовали за 9-й армией с максимальной скоростью, которую только можно было развить при ужасном состоянии разрушенных дорог. В Восточной Пруссии они продолжали наступать с усиленной энергией, а на фронте корпуса Цастрова у Млавы также началась борьба. Вдоль всей восточной границы предстояли новые бои, ибо наше отступление от Варшавы, которое русские, конечно, праздновали, как победу, должно было побудить всю русскую армию к энергичному наступлению. В беседе с фон Фалькенгайном Людендорф не скрывал серьезности положения и настоятельно подчеркнул, что русские, по его мнению, попытаются теперь добиться на всем фронте решающего для исхода всей кампании успеха. Поэтому прежде всего настоятельно необходимо создать единое главное командование на Восточном фронте, чтобы в виду слабости наличных сил иметь возможность сосредоточить более значительные массы войск хотя бы на решающих пунктах.

В результате доклада Людендорфа была создана новая должность—„главнокомандующего Восточным фронтом". 31 октября генерал фон Гинденбург был назначен главнокомандующим всеми германскими боевыми силами на Восточном театре войны; пост начальника генерального штаба занял Людендорф, а я в качестве старшего офицера также перешел в новый штаб. Главнокомандующим 9-й армии был назначен генерал фон Макензен.

Тем временем наши расчеты о том, как долго сможет продолжать преследование русская армия из Варшавы без железной дороги, подтвердились. Продвинувшись на 120 километров от железнодорожной базы, русские корпуса донесли по радио, что они не в состоянии продолжать преследование. Таким образом, наша армия располагала теперь некоторым временем, чтобы перегруппироваться для новых операций.

После длительных разговоров и рассуждений план этой новой операции принял следующую форму. Необходимо было повести левым крылом ударное наступление из района Торна вдоль Вислы, атаковать в обхват и разбить правое крыло следовавших за нами из Варшавы главных русских сил. Для этого надо было перебросить главную массу 9-й армии на север и

усилить ее возможно более крупными частями 8-й армии из Восточной Пруссии, командование которой перешло к генералу фон Франсуа. На нынешнем фронте 9-й армии необходимо было заменить ее какими-нибудь другими войсками, так как иначе Силезии с ее горной промышленностью угрожало бы вторжение русских.

Тут нам пришел на помощь генерал фон Гетцендорф. Этот гениальный человек сразу понял правильность плана наступления из района Торна, а также необходимость бросить на это дело всю германскую 9-ю армию. Он заявил, что поддержит наше предприятие всеми силами, и на смену 9-й армии перебросил из Карпат по железной дороге в район к северу от Ченстохова всю армию Бем-Ермоли. Если бы операция главнокомандующего Восточным фронтом встретила такое же понимание у германского верховного главнокомандования, нам, по всей вероятности, удалось бы нанести русской армии решающий удар. Кроме прямого усиления атаки из Торна, желательно было прежде всего усилить войска Цастрова у Млавы, чтобы путем наступления хотя бы слабыми силами в этом районе удержать на месте русские войска к северу от Вислы.

К сожалению, однако, нам было предоставлено пока только несколько кавалерийских дивизий с Западного фронта. Вместе с тем желание освободить все войска 9-й армии оказалось невыполнимым, ибо часть ее пришлось оставить в районе Ченстохова для усиления австро-венгерских войск. 10 ноября армия была готова приступить к операциям.

Тем временем русские продолжали наступление в Восточной Пруссии и в районе Млавы. В первом направлении 8-я армия, ослабленная вследствие выделения двух отправленных в Торн корпусов, не могла удержаться у германской границы. Вместо генерала фон Франсуа, подавшего в отставку по личным мотивам, командующим армией был назначен генерал от инфантерии фон Белов, один из наиболее способных в минувшую войну полководцев. Он отодвинул армию до укрепленной линии Мазурских озер и реки Ангерапп и там отражал все атаки русских. Корпус Цастрова также был вынужден оставить свои позиции и отступить на линию Сольдау-Нейденбург, на которой он удержался.

Следовавшие за ними из Варшавы русские части в это время стояли главной своей массой на линии от Серадзи че-

рез Новорадомск до района к востоку от Кракова. Более слабые части находились в районе Влоцлавска. Радиосообщения противника говорили о близком возобновлении наступления прерванного вследствие разрушения тыловых сообщений. Таким образом, 9-й армии необходимо было поторопиться со своей операцией.

В эти дни генерал Людендорф снова обратился к верховному главнокомандованию, указав на крупные шансы предполагаемой операции, и просил генерала фон Фалькенгайна отказаться от атак под Иперном, чтобы перебросить подкрепления на Восток. Верховное главнокомандование обещало выслать подкрепления, но указания о сроке присылки и о количестве войск мы получали лишь постепенно. Между тем, в виду угрозы возобновления русского наступления мы не могли больше ждать прибытия подкреплений, и нам пришлось действовать при помощи наличных сил. 11 ноября главное командование отдало приказ о наступлении на Серадзь, Лодзь, Домбе, Ленчицу, Кутно и на Лович через Влоцлавск.

Русские были застигнуты врасплох. У Влоцлавска, Кутно и Домбе дело дошло до горячих боев, из которых наши войска вышли победителями. Противник был отброшен с тяжелыми для него потерями. Затем левое крыло армии было двинуто для атаки русских сил в обхват у Лодзи. Наши войска прорвали фронт противника на линии Лодзь—Лович и победоносно зашли русским в тыл до района Бржезин, в то время как части Плюскова и Макензена наступали на Лодзь лобовой атакой. В районе севернее Ловича завязалась борьба с русскими силами, которые были переброшены с северного берега Вислы и перешли реку у Новогеоргиевска и к западу от него. Они подходили сравнительно мелкими частями и были разбиты генералом фон Моргеном. Однако, их появление все-таки помешало фон Моргену своевременно достигнуть Ловича и района к югу от него, чтобы прикрыть обхватное движение против Варшавы.

Русский командующий под Лодзью генерал Шейдеман в беспрерывных радиограммах доносил о своем отчаянном положении, но все же оказывал ожесточенное сопротивление. 18 ноября, если мне не изменяет память, мы перехватили русское радио с приказом русской армии под Лодзью начать отступление. Немедленно по армии были отданы распоряже-

ния о преследовании, но, к сожалению, дело приняло иной оборот: русское верховное главнокомандование отменило приказ об отступлении и, наоборот, приказало армии держаться до конца. Корпус Плюскова, который продвинулся было вперед для преследования и теперь внезапно натолкнулся опять на наступающих русских, тем самым временно попал в затруднительное положение.

Тем временем победоносное обхватное крыло армии достигло района юго-западнее Бржезин, повернулось фронтом на запад и собиралось начать продвижение в тыл противника под Лодзью. Кавалерия генерала фон Рихтгофена почти достигла линии Петроков—Томашов. Можно было ожидать великих результатов, если только противник из Варшавы не помешает движению. Главнокомандующий Восточным фронтом настоятельно указывал 9-й армии на грозящую из Варшавы опасность и неоднократно рекомендовал оставить гвардейскую дивизию Лицмана у Скерневиц. Однако, командование армии, вероятно, надеялось на то, что генерал фон Морген справится у Ловича раньше и возьмет на себя прикрытие против Варшавы. Кроме того охватывающему крылу было приказано обеспечить себя у Скерневиц против Варшавы; но этот приказ последовал, повидимому, слишком поздно и не дошел до командира. Само же главное командование армии осталось слишком далеко позади, вместо того, чтобы следовать за решающим крылом своих войск.

В результате как раз в тот момент, когда мы надеялись на большой успех, нас постигла чувствительная неудача. Между левым крылом генерала фон Шольца и проникшими в тыл противника войсками вдруг появились русские войска, вследствие чего было прервана связь. Русскому командованию удалось также отправить из Варшавы через Скерневицы еще одну дивизию, которая объединилась с отступившими при германском прорыве частями и теперь вместе с ними наступала на Бржезины. Кавалерийский корпус Рихтгофена был оттеснен силами 5-й русской армии, которая подходила с юга для оказания поддержки армии Шейдемана.

XXV запасный корпус, 3-я гвардейская дивизия и кавалерийский корпус Рихтгофена были отрезаны и окружены русскими. Радиограммы противника торжествующе сообщали об ожидаемом крупном успехе. Русское командование было уверено, что

окруженные части будут взяты в плен. Приказ по радио уже распорядился о заготовке свыше 60 порожних поездов для отправки германских пленных, но в ночь с 24 на 25 ноября германские войска победоносно прорвались на север. Главную заслугу в этом прорыве каждый беспристрастный критик несомненно должен признать за командиром 3-й гвардейской дивизии генералом фон Лицманом.

После прорыва войска вновь обратились фронтом против неприятеля. Главнокомандующий Восточным фронтом присоединил к ним еще одну пехотную дивизию. Таким образом, была создана сомкнутая линия, против которой все атаки русских оставались безуспешными.

Однако, если и удалось избежать более крупного несчастья, то большой тактический успех, которого мы добивались, не был достигнут. Что касается австро-венгерских армий, то они еще в середине ноября совместно с войсками Войрша перешли в наступление, которое вначале шло с успехом, но вскоре замедлилось и после перехода русских в контр-наступление остановилось совсем.

В первых числах декабря начали прибывать, наконец, обещанные подкрепления с Западного фронта, всего в составе 4 корпусов.

Прибытие подкреплений побудило наш фронт возобновить наступление. 6 декабря мы взяли Лодзь и постепенно оттеснили русских за Раву и Бзуру. Впоследствии главное командование Восточным фронтом упрекали в том, что лучше было бы использовать подкрепления не по мере прибытия, а сплоченной массой, чтобы еще раз повторить наступление в обхват русского северного фланга. Но я не думаю, что мы достигли бы таким путем существенно больших результатов, ибо налицо не было уже той неожиданности наступления, которая поддерживала нас вначале. А без ускоренного введения в бой войск в порядке их прибытия положение в отдельных пунктах 9-й армии все же представлялось несколько опасным. Другое дело, конечно, если бы германское верховное командование уяснило себе, что имеется возможность нанести русской армии такой сокрушительный удар, от которого она уже никогда не сможет больше оправиться

Если бы подкрепления с Западного фронта прибыли своевременно, неудача у Бржезин была бы избегнута, и охватное

движение против армии Шейдемана могло бы быть проведено до конца. В этом случае вся линия русской армии оказалась бы сжатой внутри дуги Вислы на левом берегу реки. Еще более решительным было бы поражение русских, если одновременно с обхватом у Лодзи было бы предпринято ударное наступление несколькими корпусами по направлению из Млавы на Варшаву по той стороне Вислы. К этому времени все значительные силы были переброшены русским командованием с северного берега Вислы на южный для отражения атак 9-й армии. Таким образом, два-три армейских корпуса с высокой боеспособностью при ударном наступлении легко могли бы продвинуться до Варшавы и до главного подъездного пути русской армии—большой варшавской жел. дороги. Последствий такой операции почти невозможно себе представить. В те дни я чуть ли не на коленях умолял временно находившегося в ставке в Познани начальника оперативного отдела верховного главнокомандования полковника Таппена дать нам, кроме обещанных подкреплений, хотя бы еще два армейских корпуса для наступления из Млавы на Варшаву. Но я получил отказ...

Тут я хочу упомянуть еще об одном маленьком эпизоде, который, хотя и не имеет военного характера, но, по-моему, заслуживает большого внимания. В день занятия Лодзи нас в ставке в Познани посетил рейхсканцлер Бетман-Гольвег. После обеда зашла речь по вопросу о мире и каким путем его можно было бы добиться. На вопрос рейхсканцлера о моем мнении, я заявил, что первой предпосылкой всякого обсуждения вопроса о мире вообще я считаю публичное и ясное заявление Германии, т. е. германского рейхсканцлера, что мы не собираемся аннексировать ни одного квадратного метра бельгийской территории, ибо Англия не может примириться с присоединением Бельгии к Германии и будет бороться против этого до последней возможности. Кроме того прирост бельгийских поданных кажется мне для Германии нежелательным. Рейхсканцлер ответил мне: „Вы—первый солдат, от которого я слышу такое мнение. Я целиком согласен с вами, но если я выскажу это в Берлине перед рейхстагом, то буря общественного мнения сметет меня с поста". Я был глубоко потрясен тем, что канцлер германской империи из боязни потерять свой министерский пост не смел высказать что-либо,

что он считал соответствующим интересам германского народа.

Кампания в Южной Польше является на мой взгляд самой красивой операцией за всю войну: стремительное наступление из Кракова к Висле для оказания помощи союзникам, отступление на Ченстохов, переброска армии оттуда к Торну и новое наступление против правого крыла преследующих русских—все это несомненно необходимо оценить в оперативном смысле гораздо выше, чем разработку плана сражения у Танненберга или какого-либо другого из победоносных сражений на Востоке. Ужасно обидно, что верховное главнокомандование упустило возможность превратить эту прекрасную операцию в решающий успех, который, быть может, пробудил бы в русском царе желание подойти поближе к вопросу о мире. Но все же нам удалось достигнуть хотя бы того, что русские были отброшены с границ Силезии и Познани. Наступление противника было окончательно приостановлено, и его войска были оттеснены на линию, которую им больше уже не удалось перейти. К сожалению, некоторую часть Восточной Пруссии вновь пришлось оставить в руках русских.

6. Бои в Августовских лесах.

Весной 1915 г. русское верховное главнокомандование решило путем широкого наступления на обоих фронтах добиться решения всей войны. Русское командование обладало теперь таким большим количеством прибывших на театр войны войсковых частей и такими колоссальными массами обученных резервов, что оно могло искать решения одновременно как на юге, против карпатских перевалов, так и на севере, против Восточной и Западной Пруссии.

Генерал фон Гетцендорф со своей стороны предполагал встретить русское наступление контрударом и тем самым освободить вновь осажденную крепость Перемышль. С этой целью он сосредоточил в один кулак все имевшиеся в его распоряжении силы, образовал в Буковине новую армию под командой фон Пфланцера-Балтина и одновременно просил еще о присылке германских подкреплений. Генерал Людендорф поддерживал эти просьбы, даже при условии, что подкрепления будут отправлены за счет главнокомандующего Восточ-

ным фронтом. Из трех новых дивизий была образована германская южная армия под командой генерала фон Линзингена, которую отправили в район Мункача, где под команду Линзингена стали еще четыре австро-венгерских дивизии.

О русских планах против германцев пока, конечно, ничего не было известно. Только в разных радиограммах и донесениях агентов проскальзывали сведения о каком-то „гигантском" плане наступления на Восточную и Западную Пруссию. Лишь впоследствии были получены более определенные сведения о том, что русское верховное главнокомандование намерено в начале 1915 г. предпринять наступление в обхват на севере Восточной Пруссии, при чем одновременно значительные силы должны были взять штурмом слабые германские позиции у Млавы и с юга вторгнуться в Пруссию.

Прусское военное министерство мобилизовало четыре новых армейских корпуса. Главнокомандующий Восточным фронтом просил верховное главнокомандование предоставить эти корпуса в его распоряжение: с одной стороны, в Восточной Пруссии ожидалось грандиозное русское наступление, для отражения которого имеющихся сил было явно недостаточно. С другой стороны, Восточная Пруссия с полным правом требовала, чтобы ее освободили, наконец, от русской оккупации. По случаю кратковременного пребывания генерала фон Фалькенгайна в Познани я имел возможность еще раз настоятельно повторить эту просьбу в устной форме и одновременно изложить план использования этих четырех корпусов. Предполагалось отправить три корпуса на левый фланг 8-й армии непосредственно к югу от Немана, чтобы наступлением в обхват разгромить северное крыло русских. Одновременно усиленный четвертый корпус должен был нацелить удар южнее Мазурских озер, прорвать или разбить левое, повидимому слабое крыло русской армии и, таким образом, завершить обхват русских с двух сторон.

Удачное завершение этой операции было возможно только при непременном условии, что нам удастся отстоять южную границу Восточной Пруссии, где теперь стоял только корпус Шастрова с двумя кавалерийскими дивизиями. В этом районе противник, подготовляя проведение своего „гигантского" плана, начал уже сосредоточивать крупные силы. Чтобы отразить ожидаемый удар, необходимо было направить в этот

район все силы, которые можно было выделить еще из 9 й армии. Поэтому в район Ортельсбург—Вилленберг—Нейденбург—Сольдау были переброшены 2 корпуса и 3 дивизии Верховное главнокомандование сообщило, что к первой половине февраля в распоряжение главнокомандующего Восточным фронтом будет предоставлена для намеченной операции 10-я армия генерала фон Эйхгорна в составе 4 корпусов.

Было, конечно, важно по возможности скрыть от русских переброску войск 9-й армии на север, чтобы не привлечь слишком рано внимания противника в Восточной Пруссии. Поэтому главнокомандующий Восточным фронтом охотно принял предложение верховного главнокомандования предпринять на фронте 9-й армии опыт применения газовой атаки. С этой целью верховное командование предоставило нам 18.000 выстрелов — количество, которое теперь может вызвать только улыбку; но тогда оно казалось нам довольно внушительным. Вместе с газовой амуницией прибыл из главной ставки генерал Шабель—специалист по применению крупных масс артиллерии и газовой стрельбы.

В намеченный для атаки день 31 января, рано утром я прибыл в Болымов и с колокольни местной церкви следил за ходом боя. Я был несколько разочарован, так как после хвастливых заявлений генерала Шабеля ожидал большего эффекта от газовой атаки. Тогда еще не было известно, что действие газа было в общем парализовано сильным морозом. Кроме причинения русским значительных потерь, тактический успех выразился лишь в небольшом улучшении позиций; с другой же стороны, все это дело вновь обратило внимание русских на 9-ю армию.

К вечеру 6 февраля 8-я и 10-я армии были приведены в полную боевую готовность. Ставка главнокомандующего Восточным фронтом была перенесена в Инстербург. 7 февраля южная ударная группа под командой генерала фон Лицмана перешла в наступление на Иоганнесбург и на линию реки Писсы; на другой день за ней последовала 10-я армия на левом крыле. Фронту 8-й армии было приказано при первых же признаках отступления противника также перейти в наступление и следовать за неприятелем по пятам. Решение придерживаться отданных распоряжений далось нам не легко. Уже в течение нескольких дней бушевала страшная метель,

глубина снега всюду достигала нескольких метров, и резкий восточный ветер местами образовал высокие снежные валы; продвигаться вперед сомкнутыми колоннами было совершенно невозможно, орудия и повозки застревали в снегу.

Русские ничего не пронюхали о наших планах. Утром 7-го и даже еще 8-го донесения со всего фронта гласили: „Положение у противника без перемен, он всюду выгребает снег из окопов". Между тем, генерал фон Лицман еще 7-го после полудня переправился через Писсу южнее Иоганнесбурга, 8-го занял этот город и в течение следующих дней, оставив заслон против Осовца, продвинулся до Райгорода. Тут он натолкнулся на решительное сопротивление русских, которые одновременно предприняли также атаку со стороны Осовца. Однако, благодаря энергичным и толковым распоряжениям генерала фон Лицмана, противник у Райгорода был отброшен, а атака из Осовца — отражена.

Начатое утром 8-го наступление 10-й армии встретило только незначительное сопротивление со стороны русских, которые были застигнуты совершенно врасплох и, как всегда при обхватах, искали спасения в поспешном отступлении. К отходу правого русского крыла вскоре присоединился и центр. 8-я армия немедленно выступила и следовала за отступающим противником по пятам. Главным противником 10-й армии в эти дни были не русские, а погода: из-за свирепствовавшего уже несколько дней снежного бурана войска только с трудом пробивались вперед. Пехотные колонны далеко растягивались, масса артиллерии и повозок застревала, двигались вперед только отдельные орудия, в которые были запряжены 12—18 лошадей. Тем не менее, колонны 10-й армии уже в ночь с 10-го на 11-е достигли большой дороги на Ковно у Вержболова и Сталлупенена.

Здесь были отрезаны отступающие по большой дороге некоторые русские части и взято первое значительное количество пленных. Кроме того, в руки наших войск попали большие массы продовольствия и всякого рода припасов. Только это и дало возможность войскам 10-й армии продолжать наступление, ибо о подвозе продуктов при состоянии занесенных снегом дорог нечего было и думать. Все от командного состава до последнего солдата проявляли на фронте исключительную доблесть, но ожидаемый крупный

успех все же не был достигнут, вследствие физической невозможности быстрее продвигаться вперед при такой погоде. Вследствие этого значительной части русской 10-й армии удалось уйти от опасности, пока окружение их еще не было закончено.

14 февраля наступающая 8-я армия заняла гор. Лык, который защищался III сибирским корпусом. К сожалению, генерал фон Лицман не мог двигаться вперед достаточно быстро, и русский корпус спасся через Августово за Бобр. Лицман достиг Августова только в ночь с 16-го на 17-е после ожесточенных боев. Обходные колонны 10-й армии достигли 14 февраля линии Сувалки — Сейны. Надеясь, что еще удастся отрезать в районе Августова значительные части противника, командование 10-й армии приказало продолжать дальнейшее продвижение с личии Сувалки—Сейны. Тем временем погода переменилась, наступила оттепель, снег превратился в бесконечную грязь и наводнение. Авангард XXI армейского корпуса, продвигавшийся из Сейн по большой дороге через Августовские леса, натолкнулся на отступающие сильные колонны противника; они были разгромлены, а отчасти даже взяты в плен. Но командование 10-й армии пришло теперь к убеждению, что застигнуть противника у Августова уже невозможно. Было принято смелое решение направить значительные части левого крыла вдоль северной опушки Августовских лесов в район к северо-западу от Гродно и здесь, не считаясь с близостью крепости Гродно, отрезать противника при его выходе из лесов.

Передовые части 8-й армии еще не достигли Августова, когда были получены сведения о сосредоточении значительных русских сил в районе Ломжи. При дальнейшем продвижении части 8-й армии сомкнулись плотнее, что дало возможность выделить из нее две дивизии и направить их против Осовца. С одной стороны, мы стремились воспрепятствовать выходу неприятельских сил из Осовца; с другой стороны, мы хотели попытаться взять эту крепость.

Положение войск 10-й армии, закрывших выходы из Августовских лесов к западу от Гродно, становилось весьма затруднительным, так как русский XX армейский корпус, главные силы которого были отрезаны в лесах, предпринимал упорные попытки прорваться. Одновременно вновь прибывшие

в Гродно русские части наступали оттуда, чтобы открыть выход своим отрезанным товарищам. Все же атаки с востока и запада были отбиты, и в конце концов отрезанным русским частям пришлось капитулировать.

Поражение 10-й русской армии, взятие в плен свыше 100 000 человек, захват нескольких сот орудий и огромной массы снаряжения — все эти результаты были, конечно, отрадны; но все же нам не удалось довести операцию до конца и использовать Бобр. Правда, условия местности были затруднительны: под влиянием оттепели и разразившихся теперь беспрерывных дождей низины Бобра превратились в болото, а на другом, высоком берегу в укрепленных позициях был расположен III сибирский корпус. Лобовая атака против Осовца также не имела успеха, несмотря на применение самой тяжелой артиллерии. Таким образом, мы вынуждены были отказаться от попытки переправиться через Бобр.

Итак, мы путем наступления 8-й и 10-й армий разрушили первую половину „гигантского" плана русского командования — охват германской армии на севере. Однако, теперь начала осуществляться вторая половина русского плана— наступление крупных сил на южную границу Восточной и Западной Пруссии.

10-я армия решила отодвинуть свое левое крыло только до района Сейн, чтобы здесь еще раз атаковать русских, если они последуют за нами. Командование армии надеялось еще раз повторить свою операцию в небольшом масштабе. Но русские следовали за нашими войсками нерешительно и при первых признаках готовящегося германского наступления поспешно отходили обратно. Поэтому командование армии решило отказаться от мысли о наступлении и отвело левое крыло на линию Кальвария—Мариамполь—Пильвишки. В течение марта русские предприняли наступление против этих позиций, но легко были отбиты.

Когда XL запасный корпус начал наступление, XX армейский корпус продвинулся вперед на Ломжу, чтобы прикрыть фланг наступления генерала Лицмана. Корпус встретил сильного противника, и ему удалось образовать заслон в восточном направлении только до Ставишек. В пространство между Ставишками и Бобром были вдвинуты 3-я запасная дивизия и 5-я пехотная бригада. Эти войска пришли как раз во-время,

чтобы дать отпор атаке русского гвардейского корпуса и V армейского корпуса из Ломжи. Завязалась отчаянная борьба; русские храбро наступали, не считаясь ни с какими потерями, и 3-й запасной дивизии только с большим трудом удалось удержаться. Лишь в начале марта мы сумели перебросить в этот район одну дивизию и тем самым придать фронту необходимую устойчивость.

Такие же яростные атаки были предприняты противником с линии Остролен а—Новгород против 37-й пехотной дивизии, которая прикрывала район у Мышинца между Оржичем и Писсой. Бои продолжались здесь в течение всего марта, но германским войскам удалось отстоять свои позиции.

К западу от Оржича, где стояли войска под командой генерала фон дер Гальвица, усиленные русские части в середине февраля начали продвигаться по направлению на Млаву. После прибытия подкреплений фон дер Гальвиц решил контрударом предупредить наступление русских. 22 февраля генерал фон Морген перешел в наступление, в котором участвовали I запасный корпус, 3-я дивизия и части ландвера и ландштурма. Первоначально наши войска продвигались успешно, и одной дивизии удалось даже захватить Прасныш, но затем наступил перелом, вызванный плохой боеспособностью одной бригады ландвера. Значительные русские силы продвинулись с юга на Прасныш и ударили нам во фланг с Оржича. Под этой двойной угрозой нашим войскам пришлось оставить Прасныш и отступить на укрепленные позиции. К югу от них, между Млавой и Оржичем в первой неделе марта последовали ожесточенные русские атаки, которые, однако, все были отбиты.

Получив подкрепления, фон дер Гальвиц 8 марта возобновил наступление по обоим сторонам Оржича, и к 12 марта ему удалось оттеснить противника до района севернее Прасныша. Тут русские вновь предприняли сильные контр-атаки, которые хотя и не имели успеха, но все же приостановили продвижение наших войск. Бои продолжались до конца марта и только потом постепенно прекратились.

До апреля русский натиск был отбит на всем южно-прусском фронте, и тем самым сведена на нет также вторая часть „гигантского“ плана Николая Николаевича. Однако, нашему австро-венгерскому союзнику не удалось осуществить свои

планы с таким же успехом. Наступление для освобождения Перемышля вскоре приостановилось под влиянием контрнаступления русских. Тем самым участь Перемышля была предрешена.

В уголке Восточной Пруссии к северу от Немана в середине февраля начались мелкие бои. Русские пограничные отряды еще стояли здесь на германской территории к северо-востоку от Тильзита. Конечно, главнокомандующий Восточным фронтом стремился очистить от неприятеля и этот уголок германской территории. Соответствующее поручение было дано губернатору Кенигсберга генералу фон Папприцу, который располагал только ландштурмом и небольшой крепостной артиллерией. Несмотря на это, наступление увенчалось успехом: в середине февраля мы оттеснили противника через границу и заняли Таурогеи.

Наше удовлетворение по поводу очищения всей Восточной Пруссии от неприятеля продолжалось недолго. 17 марта генерал Потапов с наскоро собранными отрядами пограничной стражи и ополчения совершил налет на Мемель. Мы были застигнуты врасплох. Правда, были получены сообщения о стягивании русских войск в районе Таурогена и Мемеля, но мы не придали им серьезного значения, ибо подобные сообщения вообще получались ежедневно десятками и нельзя было сразу же откликнуться на каждый из этих слухов. Точное сообщение о занятии Мемеля русскими мы получили от одной телефонистки мемельского почтамта; она проявила больше энергии, чем ее товарищи-мужчины, и продолжала разговор со мной до момента занятия почтамта русскими.

Одновременно с налетом на Мемель русские предприняли также наступление на Таурогеи. Генерал фон Папприц был вынужден оставить город, так как ему пришлось теперь направить свои слабые силы в первую голову против неприятеля в Мемеле. Никакими подкреплениями для этой цели главнокомандующий Восточным фронтом не располагал; только из Штеттина мы получили два запасных батальона. Однако, нам повезло: у русских также не было крупных сил, и при наступлении Папприца на Мемель они оставили город, при чем удалось отнять у них 3 000 насильно вывезенных ими из города жителей. Затем Папприц снова обратился против неприятеля у Таурогена, отбросил его через границу и 29 марта

опять занял Тауроген. Чтобы предупредить повторение такого нападения, из фронта Гальвица была выведена ненужная там уже 6-я кавалерийская дивизия и отправлена в район к востоку от Мемеля.

В середине апреля на нашем Восточном фронте наступило некоторое затишье.

7. Прорыв у Горлицы и завоевание Польши.

Тем временем положение на южном театре войны принимало особенно неблагоприятный характер. Видя крушение планов против Пруссии, русское командование все больше усиливало атаки против австро-венгерских войск. На Карпатах завязались тяжелые, кровавые бои, которые, хотя и причинили русским неслыханные потери, но все же заставили наших союзников медленно отступать. Положение австро-венгерской армии становилось критическим: если бы русским удалось прорвать фронт и проникнуть в венгерскую равнину, то это было бы концом двуединой монархии. Нам необходимо было предпринять какой-нибудь решительный шаг для поддержки союзной армии.

В этом смысле главнокомандующий Восточным фронтом и сделал представление верховному главнокомандованию; от себя он предоставил союзникам одну дивизию из состава 9-й армии. Верховное главнокомандование одобрило эту меру и приказало перебросить в Карпаты еще две дивизии. Еще незадолго перед этим верховное главнокомандование стало выделять из каждой дивизии на Западном фронте по одному полку пехоты и образовывать из этих полков новые дивизии. Таким путем было получено большое число новых тактических единиц. При позиционной войне и с развитием окопного строительства осуществление этой гениальной идеи, автором которой явился начальник департамента военного министерства генерал фон Врисберг, было вполне возможно. Впоследствии между военными авторитетами возник спор о целесообразности сокращения дивизий с 12 батальонов до 9. Преимущество более слабой дивизии состоит в том, что она может легче оперировать, но зато в ней слишком мало пехоты для решения некоторых задач. Во всяком случае, мы на Восточном фронте

к этому времени также приступили к преобразованию наших дивизий.

Отправленные на Карпаты германские подкрепления могли только укрепить фронт, но не могли вызвать перелома. Между тем, положение австрийцев становилось все серьезнее и на всех других фронтах, а главное — выяснялось все более, что Италия также присоединится к стану врагов. Чтобы не быть в военном отношении застигнутым врасплох при выступлении Италии, австрийское командование было вынуждено усилить свои части у итальянской границы, взяв необходимые подкрепления с русского, и без того уже слабого фронта. Все эти затруднения были бы избегнуты, если бы германское верховное командование поздней осенью 1914 г. перебросило на Восток достаточные подкрепления, чтобы нанести русским решающее поражение. А теперь получилось явление, какое неоднократно приходилось наблюдать в эту войну: своевременно предлагается правильная операция, осуществимая сравнительно небольшими силами; предложение встречает отказ, а потом наступают события, заставляющие верховное главнокомандование предоставить более значительные силы, чем было испрошено раньше, с той только разницей, что эти силы служат уже не для одержания решительной победы, а для исправления возникшей беды.

Генерал фон Гетцендорф еще раньше во время личной беседы с генералом фон Фалькенгайном изложил ему план прорыва русского фронта у Горлицы с целью разгрома русских линий у карпатских перевалов. При создавшихся условиях этот путь, пожалуй, был единственным, который обещал своевременно облегчить положение на карпатском фронте. Было бы желательно, конечно, ударить по одному из флангов, с целью охвата русской армии. Но нацелить удар против русского фронта в Буковине было невозможно, ибо вследствие малой пропускной способности австро-венгерских железных дорог возможность переброски крупных воинских транспортов в этот район была исключена. Атаковать в обхват северный фланг русских, захватить Ковно и направить сильный удар из Ковно на Вильно — это, разумеется, было возможно и сулило хороший успех. Но результаты этой операции могли ощущаться на русском левом крыле у Карпат только через некоторое время. Поэтому генерал фон Фалькенгайн

в беседе с Гетцендорфом признал, что прорыв у Горлицы является сейчас наилучшей идеей; однако, он тогда отказался предоставить необходимые для этой цели войска.

Во время войны мы часто имели основание жаловаться на недостатки австро-венгерской армии; тем более мы имеем основание признать также то хорошее, что имелось налицо у наших союзников. Хороши были все идеи начальника австро-венгерского генерального штаба, чего нельзя сказать о всех идеях нашего верховного главнокомандования; несчастье гениального человека состояло в том, что он не располагал орудием, которым мог бы претворить свои идеи в дело. Его армия сражалась плохо, в то время как наши войска, наоборот, всегда, вплоть до лета 1918 г., сражались великолепно, независимо от хороших или плохих качеств командования.

Когда генерал фон Фалькенгайн, наконец, убедился в необходимости предотвратить катастрофу на карпатском фронте, он решил осуществить план Гетцендорфа о прорыве у Горлицы. С этой целью была образована 11-я армия, командиром которой был назначен генерал фон Макензен, а начальником его штаба — полковник Зект. Командование 9-й армией вместо Макензена принял на себя фельдмаршал принц Леопольд Баварский.

Чтобы скрыть приготовления у Горлицы и отвлечь внимание противника, главнокомандующему Восточным фронтом было поручено предпринять демонстрацию на своем фронте. Главнокомандующий решил начать операции в трех местах: на фронте 9-й армии предполагалось произвести газовую атаку; 10-я армия должна была предпринять местное наступление у Сувалок для улучшения позиций, и, наконец, мы разработали план вторжения в северную Литву и Курляндию. Первые две операции имели только местное значение, от третьей же мы ожидали более крупных результатов, полагая, что она вынудит русских принять более широкие контрмеры.

Аппараты для газовой атаки были получены нами еще некоторое время тому назад и установлены в районе Скерневиц; 9-я армия ждала только благоприятного ветра. Вообще говоря, идею пользования газами нельзя признать удачной; этот способ был применим вообще только на немногих участках фронта, установка аппаратов была связана с массой хлопот, и ежеминутно грозила опасность, что противник заметит уста-

новку аппаратов, разрушит их сильной артиллерийской атакой и вызовет распространение газа по нашим собственным окопам. К тому же атмосферные условия на наших фронтах совершенно не благоприятствовали выпуску газа; на Востоке нам необходим был западный ветер, а на Западе — восточный; между тем, мы имели преимущественно противные ветры. Наша надежда, что противник технически не сумеет воспроизводить наш способ, также не оправдалась. Впоследствии я как-то спросил изобретателя наших газов, тайного советника Габера, каким образом ему пришла в голову эта несчастная идея. Он заявил, что с самого начала предвидел все эти недочеты и предлагал только начинять газом гранаты для обстрела неприятеля, но ему в первое время не давали достаточного количества материалов, и только поэтому он счел возможным выпускать газ. Можно только крайне сожалеть о том, что первоначальный план Габера не был приведен в исполнение. Применение тайно изготовленного большого количества газовых гранат во время большого наступления на Западе, — в момент, когда противник еще ничего не подозревал о газовой опасности и еще не был снабжен противогазовыми масками, — могло бы привести к успеху, размеры которого трудно себе представить.

На фронте 9-й армии газ был выпущен 2 мая при благоприятном ветре. Впоследствии мы узнали, что атака произвела среди русских большие разрушения, но наши войска не заметили этого своевременно. Они думали, что после прохождения газа через русские позиции противник будет совершенно уничтожен; когда же при атаке нашей пехоты раздались еще кое-где выстрелы с неприятельских позиций, у нас решили, что газовая атака не удалась, и отказались от дальнейшего наступления Вторая газовая атака, предпринятая впоследствии на фронте той же 9-й армии, также не укрепила веру наших войск в действие газа: вскоре после выпуска газа ветер переменил направление, часть газа понеслась обратно в наши собственные окопы и причинила нам значительные потери. Газовыми масками войска на Восточном фронте были снабжены только гораздо позднее.

Операция на фронте 10-й армии привела к намеченному тактическому успеху в смысле небольшого улучшения позиции. Дальнейшие операции 9-й и 10-й армий хотя и возбудили внима-

ние русских, но не могли привлечь туда крупные русские силы, как того желало наше верховное командование. К этой цели могло привести только вторжение в северную Литву и Курляндию. Во второй половине марта верховное главнокомандование запросило главнокомандующего Восточным фронтом, считает ли он возможным предпринять на левом фланге кавалерийский рейд по направлению, примерно, на ковенскую железную дорогу. Получив утвердительный ответ, верховное главнокомандование предоставило нам для этой цели две кавалерийских дивизии с Западного фронта, которые прибыли к нам в середине апреля. 26 апреля четыре кавалерийские дивизии, за которыми стояли еще две запасные дивизии, были готовы к выступлению.

27 апреля генерал фон Лаценштейн начал с этими войсками продвижение с линии Юрбог-Мемель в Курляндию. Он отбросил слабые русские силы и одним наскоком проник до Шавель. Русские подвезли подкрепления, и на линии р. Дубисса — Шавли — Можейки завязались бои, которые и заставили нас подвезти подкрепления. Тяжелые бои продолжались весь май и июнь; нам удалось удержаться на линии Дубиссы, а левое крыло в общем отстояло позиции у реки Виндавы. На крайнем левом фланге 7 мая лихим наскоком кавалерийской бригады была взята маленькая крепость Либава. Шавли пришлось очистить под давлением превосходных русских сил.

2 мая генерал фон Макензен во главе германской 11-й армии и австро-венгерской 4-й армии занял на линии Горлице — Тарнов первые русские позиции. В течение следующих дней он взял штурмом вторую и третью линии русских позиций и вынудил противника отступить на всем карпатском фронте. 15 мая 11-я армия достигла Сана; в начале июня был взят Перемышль. После кратковременной задержки на Сане наступление продолжалось; 22 июня пал Львов. Затем была взята штурмом Рава-Русская, и русские были оттеснены дальше к Бугу. На каждом из этих этапов Фалькенгайн хотел прекратить наступление и закончить операцию; только благодаря повторным настояниям Гетцендорфа удалось побудить его в каждом случае соглашаться на продолжение похода.

На нашем фронте поражение русских привело к тому, что они всюду выделяли силы для переброски на юг. Главнокомандующий Восточным фронтом не располагал достаточными си-

лами, чтобы помешать этому; он только мог со своей стороны также выделить силы для какой-нибудь новой операции. Но вопрос о том, где следует предпринять эту новую операцию, вызвал довольно оживленные споры в нашей ставке. Я с самого начала отстаивал взгляд, что теперь, может быть, в последний раз представляется возможность нанести сокрушительный удар русским армиям. Наступление фон Макензена должно было постепенно выдохнуться вследствие необходимости двигаться вперед путем все новых лобовых атак; это наступление не могло привести к полному разгрому русской армии. Единственным свободным неприятельским флангом, который мы еще имели перед собой, было правое русское крыло, противостоявшее войскам главнокомандующего Восточным фронтом. Против него следовало начать широкое наступление в обхват, нацеля удар так далеко на севере и востоке, что русский центр, все еще стоявший южнее Варшавы, на Равке и Бзуре, не мог бы спастись путем отступления, а должен был бы быть отрезан.

Я отстаивал взгляд, что необходимо выделить из состава войск главнокомандующего Восточным фронтом максимально крупные силы, испросить у верховного главнокомандования возможно значительные подкрепления, сосредоточить все эти части на левом фланге 10-й армии, захватить Ковно и повести ударное наступлеиие через Вильно в тыл русских главных сил. Я и теперь убежден, что эта операция привела бы к желанной цели — полному разгрому русской армии.

Генерал Людендорф присоединился к моему мнению, и мы приступили к подготовке наступления на Ковно. Приказы, поскольку они касались переброски войск главнокомандующего Восточным фронтом, были уже выработаны, когда Гинденбург и Людендорф по телеграфу были вызваны 1 июня на доклад к императору в Познань. Генерал Людендорф и я не сомневались, что его величество присоединится к плану наступления через Ковно; поэтому мы условились, что генерал Людендорф немедленно после доклада позвонит мне по телефону с тем, чтобы я отправил по назначению подготовленные приказы. Однако, я тщетно ждал звонка и только после полудня получил по телефону приказание задержать приказы, ибо все будет иначе, чем мы предполагали. Его величество согласился в Познани с фон Фалькенгайном, кото-

рый придерживался того мнения, что генерал фон Гальвиц должен был на своем участке прорвать русский фронт и начать наступление на Нарев. Таким образом, на мой взгляд, была упущена последняя возможность провести сокрушающую операцию против русской армии. Даже при наиболее успешном ходе операция Гальвица могла иметь только тот результат, что русские оставят Варшаву и очистят выдвинутые вперед позиции в Польше.

Войска Гальвица были преобразованы в 12-ю армию. 13 июля все было готово для наступления на Прасныш и на неприятельские позиции по обеим сторонам этого города. Благодаря образцовым приготовлениям армейского командования, атака увенчалась полным успехом. Армия прорвала русские позиции и уже 17-го достигла Нарева. Там, естественно, наступила некоторая задержка. Взяв 23 июля Пултуск и 4 августа Остроленку, наши войска широким фронтом переправились через реку. Правое крыло обратилось против Новогеоргиевска и Згержа.

Правое крыло 8-й армии также перешло в наступление и после ожесточенных боев достигло Нарева, где русские оказали упорное сопротивление. Это решительное сопротивление на фронте 12-й и 8-й армий имело, конечно, единственной целью выиграть время для очищения русскими войсками выступа фронта у Варшавы. Как мы и предвидели, русское командование, убедившись в невозможности отразить прорыв на фронте 12-й армии, приказало начать общее отступление из Польши. Армия Войрша на Ильжанке и у Радома встретила еще сильные арьергарды, которые были разбиты и оттеснены за Вис у. К северу от Пилицы и на фронте 9-й армии сколько-нибудь крупных боев не было: русские очистили территорию к западу от Вислы и отошли к Варшаве.

Тем временем на левом фланге главнокомандующего Восточным фронтом Неманская армия в середине июля также возобновила наступление и победоносно продвигалась вперед. Одновременно 10-я армия продолжала движение на Ковно и оттеснила русских за участок Лесны. Генерал Людендорф снова обратился к верховному главнокомандованию с указанием, что наступление генерала Гальвица привело только к предсказанному главнокомандующим Восточным фронтом результату и не может уже привести к крупному успеху и в дальнейшем. Он

еще раз повторил предложение выделить все свободные войска, захватить Ковно и всеми силами повести ударное наступление на Вильно. Нет сомнения, что эта операция могла и теперь еще дать крупные результаты, хотя я и не берусь решить, насколько еще было возможно решительное поражение русских, которое заставило бы царя склониться к заключению мира.

Однако, верховное главнокомандование снова отклонило предложение и приказало продолжать наступление в прежнем направлении. Тем не менее, главнокомандующий Восточным фронтом остался при своем плане взять Ковно и продвинуть возможно дальше вперед левое крыло свои войск.

При отступлении русское командование, повидимому, пыталось подражать практике 1812 года: оно разрушало не только пути сообщения, но сжигало также города и села и погнало людей и скот на восток вместе с отступающими войсками. Почему-то русские, очевидно, полагали, что это создает нам более чем временные затруднения, иначе их образ действий был бы излишней жестокостью против собственного народа. Весьма странно, однако, что и в германской печати еще теперь часто появляются сравнения с 1812 г. Эти люди не уясняют себе, что те трудности, с которыми сталкивался тогда Наполеон, устранены современными средствами сообщения. Если бы Наполеон располагал железной дорогой, телефоном, телеграфом, автомобилями и летчиками, он находился бы в Москве и по сей день.

Если не считать временных затруднений с расквартированием, русские разрушения были для нас отчасти только удобны. Возьмем, например, Брест-Литовск, где впоследствии помещалась в течение почти двух лет ставка главнокомандующего Восточным фронтом. Несмотря на сожжение города, расквартирование оказалась возможным, а вместе с тем не было тех 80.000 жителей города, о пропитании которых нам пришлось бы заботиться. Полное очищение города было для нас удобно также в смысле отсутствия шпионажа и других опасностей.

После прибытия подкреплений продвижение 12-й армии возобновилось. Армии Макензена также продолжали наступление с юга. Верховное главнокомандование попыталось еще осуществить местные обхваты кое-каких частей русской

армии, но в общем это, как мы уже предвидели раньше, не удалось. В конце июля были заняты Холм и Люблин. Армия Войрша и группа Кевеша взяли штурмом ивангородское предмостное укрепление, а Войрш в конце июля на виду у русских переправился через Вислу севернее Ивангорода. Это был большой подвиг, который, однако, не привел к сколько-нибудь крупному успеху; наоборот, переправившиеся части подверглись сильным атакам со стороны русских и временно попали в затруднительное положение.

На фронте 9-й армии русские в начале августа очистили позиции у Варшавы и самый город, который был занят 9-й армией 5 августа. В тот же день армия Войрша и 9-я армия были исключены из состава войск, подчиненных главнокомандующему Восточным фронтом, и образовали особую группу под начальством принца Леопольда Баварского. Никакой тактической причины для такой перемены ни тогда, ни впоследствии установить не удалось. Наоборот, когда в 1917 г. на Восточном фронте возникли затруднения, главнокомандующему Восточным фронтом были вновь подчинены не только эти армии, но даже все войска вплоть до Карпат. Таким образом, я могу усмотреть в указанном мероприятии верховного главнокомандования только результат разлада между ним и главнокомандующим Восточным фронтом.

После занятия Варшавы группа Леопольда Баварского полностью переправилась через Вислу в районе между Варшавой и Ивангородом и продолжала преследование по направлению на Буг севернее Брест-Литовска, в то время как группа Макензена держала направление на самый Брест-Литовск. 12-я армия, переправившись через Нарев, повернула сначала на юг, надеясь, что у Варшавы удастся еще отрезать кое-какие русские части. Когда эта надежда не оправдалась, она также взяла направление на восток, а 8-я армия, взяв Остроленку, наступала на Ломжу.

Осада и ускоренное занятие Новогеоргиевска были поручены покорителю Антверпена генералу фон Безелеру. Благодаря прекрасному руководству и энергичным действиям осаждающих войск, состоявших исключительно из ландвера и ландштурма, крепость пала уже 19 августа. Русское командование несомненно переоценило силу заградительных крепостей, иначе оно не решилось бы упорно оборонять Новогеор-

гиевск и оставить там гарнизон в 80 000 человек. Горький опыт с Новогеоргиевском и Ковно, повидимому, и привел к тому, что русские затем и не пытались даже защищать сильный Брест-Литовск.

Несмотря на все затруднения, главнокомандующий Восточным фронтом в начале августа приступил к занятию Ковно. Из самой тяжелой артиллерии имелись для этой цели только 2 батареи 42-сантиметровых орудий, так как главную массу нашей артиллерии пришлось обратить против Новогеоргиевска. Верховное главнокомандование отказалось отпустить нам амуниции, но генерал Людендорф во время прежних операций сэкономил небольшой запас амуниции, который и был предоставлен в распоряжение 10-й армии. Чтобы собрать необходимые для штурма крепости войска, пришлось еще более разредить линии 10-й армии на других участках фронта и ослабить их почти до непозволительной степени. Но войска в такой мере ощущали свое превосходство над русскими, что командиры, и прежде всего генералы фон Эйхгорн и Лицман, с готовностью взяли на себя этот риск.

6 августа пехота подошла ближе к крепости, и 8-го артиллерия открыла огонь. Несмотря на ожесточенное сопротивление русских, генерал Лицман отбросил их на линию фортов; 16 августа одной роте удалось неожиданно проникнуть в линию фортов непосредственно на берегу Немана. Завязавшиеся в результате этого успеха бои закончились занятием линии фортов, а 17-го генерал Лицман переправился через реку и занял город и восточные форты. После падения западных фортов русские отказались от всякого дальнейшего сопротивления и начали поспешное отступление на Вильно. Они, конечно, взорвали мосты через Неман и прежде всего, конечно, железнодорожный мост, что было для нас особенно досадно. Зато железнодорожный туннель был поврежден только незначительно, и нам удалось при помощи некоторого захваченного материала вскоре открыть сообщение с пересадкой, что было весьма важно для продолжения операции.

После взятия Ковно генерал фон Эйхгорн направил войска своего левого крыла через Неман и вдоль железной дороги на Вильно. Для состояния дорожного дела в царской России было весьма характерно, что между Вильно и Ковно не было ни шоссе, ни даже утрамбованной дороги. Правому крылу

своих войск под командой генерала фон Ютье Эйхгорн также приказал начать наступление в направлении на Олиту. Через Августовские леса были отправлены на Гродно более мелкие части, державшие связь с левым крылом 8-й армии, которая тем временем заняла Осовец и также наступала на Гродно.

Генерал фон Ютье оттеснил русские арьергарды, оказавшие в лесах ожесточенное сопротивление, через Неман и 26 августа достиг Олиты. В конце августа он переправился через Неман и продолжал наступление на железную дорогу Гродно — Вильно. Тут сопротивление русских стало более упорным, но все же они под давлением частей Ютье вынуждены были очистить Гродно: 1 сентября левое крыло 8-й армии заняло юго-западный форт, а на другой день после ожесточенных уличных боев — и самый город. Восточнее Гродно мы вновь встретили ожесточенное сопротивление. Правее 8-й армии 12-я армия тем временем достигла реки Свислочи, а армии группы принца Леопольда Баварского проходили по Беловежской пуще.

На крайнем левом фланге Неманской армии генералу фон Белову удалось удержаться на линии Дубиссы и Виндавы до Шавель на юге и Газенпота на севере. После прибытия подкрепления генерал фон Белов в начале июля получил приказ снова перейти в наступление с целью прежде всего атаковать в обхват и разбить противника у Шавель.

Генерал фон Белов сосредоточил против Шавель I запасный корпус и образовал на своем левом фланге сильный ударный кулак, оставив на остальном фронте только совсем слабые силы. Наступление началось в середине июля. Сильное левое крыло должно было взять общее направление на Митаву с целью обхвата стоящего у Шавель противника с севера, при одновременном наступлении I запасного корпуса с юга. Русские опять были застигнуты врасплох. Они, как всегда, оказывали энергичное сопротивление и ударом против 6-й запасной дивизии даже заставили ее отступить на запад. Но нажим с юга вынудил русских прекратить операцию против 6-й запасной дивизии и в свою очередь начать отступление. 17-го левое крыло разбило русских у Ауца, и в результате боев под Шавлями, продолжавшихся несколько дней, вся 5-я русская армия была отброшена на Поневеж. 29 июля мы

взяли Поневеж, а 1 августа — Митаву. Слабое правое крыло также переправилось через Дубиссу и выдвинуло один отряд против Ковно.

К югу от Риги русские остановились у большого и сильного предмостного укрепления. Зато нам удалось между Икскюлем и Фридрихштадтом отбросить русских на северный берег Западной Двины. Этим наступательная сила Неманской армии была в общем исчерпана. Ее слабые силы занимали сравнительно очень большое пространство, а подвоз подкреплений затруднялся плохими дорогами. К тому же главнокомандующий Восточным фронтом вынужден был предоставить главную массу своих войск в распоряжение 12-й армии Гальвица.

Только в середине августа главнокомандующий Восточным фронтом получил разрешение продолжать наступление на Вильно. Теперь, конечно было слишком поздно рассчитывать на решающую победу; пришлось ограничиться успехами местного значения. Верховное главнокомандование разрешило предоставить 10-й армии войска из-под Новогеоргиевска и несколько дивизий из резервов 8-й и 9-й армий. Главная масса войск, которая освободилась при дальнейшем продвижении вследствие сокращения линии фронта, была предназначена для театров войны на Западе и в Сербии.

Тем временем на фронте 10-й армии между Ковно и Вильно завязались упорные бои: русское командование направило на север часть отступавших из Польши войск. При дальнейшем продвижении левого крыла по линии Вильно—Минск необходимо было прежде всего отрезать железнодорожные линии на Двинск и Молодечно во фланге и в тылу наступающих войск. Поэтому Неманская армия получила приказ одновременно с возобновлением наступления 10-й армии подойти к Двинску. Против железной дороги у Полоцка и железнодорожного узла Молодечно была брошена сильная кавалерия 10-й армии.

Подвоз подкреплений занял бесконечно много времени: железная дорога Вержблово—Ковно обладала только слабой пропускной способностью, и ее предварительно пришлось привести в порядок; дороги были плохие, а лошади устали и были сильно истощены. Только 9 сентября удалось начать наступление. Прорыв, правда, увенчался полным успехом, кавалерия достигла железной дороги, а 1-я кавалерийская диви-

зия добралась даже до Сморгони; русские были вынуждены оставить Вильно. Однако, движение затем приостановилось: оно было начато слишком поздно. Русское отступление из Польши к этому моменту было проведено уже в такой мере, что русские просто могли повернуть фронт своих более южных дивизий.

Геройскую борьбу вела 1-я кавалерийская дивизия у Сморгони. Атакованная превосходными русскими силами, она полагала, что должна и сможет удержать Сморгонь до прибытия германской пехоты; но последняя опоздала вследствие плохих дорог, и дивизии с тяжелыми потерями пришлось оставить Сморгонь. В район Двинска русское командование также перебросило большие силы; Неманской армии не удалось взять Двинск, и движение остановилось и в этом районе.

Теперь русские перешли в наступление по всему фронту 10-й армии и на правом крыле Неманский армии. Их атаки всюду были отбиты, и в некоторых местах нашим войскам еще удалось несколько продвинуться вперед. Все же генерал Людендорф убедился в том, что достигнуть успеха больше невозможно и что необходимо закончить операцию. Наступление было прекращено по всему германскому фронту, левое крыло 10-й армии отошло немного назад, и наши части установили связь с армиями принца Леопольда Баварского, которые тем временем достигли линии Минск—Барановичи. Мы заняли зимние позиции по линии Березина — Крево — В. Нарочь — оз. Дрисвяты — Новоалександровск — Зап. Двина. У оз. Нарочь и прежде всего под Двинском, где I запасный корпус все еще лелеял надежду, что ему удастся взять двинское предмостное укрепление, бои продолжались некоторое время, но затем и здесь наступило затишье.

В конце октября ставка главнокомандующего Восточным фронтом была перенесена в Ковно. Занятием зимних позиций кампания 1915 г. на Восточном фронте была закончена. План Антанты закончить войну путем одновременного наступления русских масс на Пруссию и в Карпатах потерпел крушение. Русские потерпели поражение на всем фронте и понесли потери, от которых они уже больше не оправились. Но нам не удалось разгромить русских в такой степени, чтобы они были вынуждены заключить мир.

8. Кампания 1916 г.

1915 год не принес нам окончательной победы ни на одном фронте. Мы утвердились на Западе и добились крупных успехов на Востоке. Развязки, которую на мой взгляд, мы могли бы добиться на Востоке, верховное главнокомандование, повидимому, не искало. Австро-венгерское командование легко отбило все итальянские атаки и после разгрома Сербии обеспечило себе спокойный тыл.

Теперь перед германским и австро-венгерским командованиями стоял вопрос, каким путем провести кампанию 1916 г. Еще в декабре 1915 г. генерал Конрад фон Гетцендорф обратился к германскому верховному главнокомандованию с просьбой направить в Галицию 9 германских дивизий с тем, чтобы освободить оттуда соответствующее число австро-венгерских дивизий. Освободившиеся силы Конрад предполагал отправить на итальянский фронт и провести там решающее наступление. Эту просьбу генерал Фалькенгайн отклонил. Наше верховное главнокомандование придерживалось той точки зрения, что наступление на Италию и даже полное поражение итальянцев не окажет ни малейшего влияния на исход войны. В этом отношении я совершенно не согласен с генералом Фалькенгайном. На его месте я бы не отклонил предложения Конрада. Поскольку на главных фронтах нельзя было нанести решающий удар, я бы предпринял операцию в большом масштабе на итальянском фронте. Если бы предложенное генералом Конрадом наступление на участке Арсиэро—Азиаго мы связали с одновременным наступлением на фронте Флич—Тольмейн, то, судя по успеху, которого 11-я германская армия действительно добилась в 1917 г., этот комбинированный удар привел бы к полному поражению итальянцев.

Само собой разумеется, трудно сказать, привело ли бы это поражение к миру. Все же, несмотря на противодействие Англии, внутренние беспорядки в Италии могли бы толкнуть ее на мирные переговоры. Если бы нам удалось провести наступление до линии Генуя—Венеция, то мы добились бы больших последствий не только на итальянском, но и на французском фронте.

Я не могу согласиться с правильностью решения генерала Фалькенгайна атаковать более сильного противника — французов—у Вердена. Из соображений престижа французы не могли

сдать этой крепости. Они были вынуждены бросить на ее защиту все свои свободные силы. Несчастное верденское предприятие стоило французам больших потерь. Однако, и наши потери были очень велики, и французы по праву считают бои у Вердена своей победой. Германское наступление у Вердена вызвало тотчас же наступательные действия со стороны наших противников на других фронтах. Итальянцы безуспешно в 5-й раз наступали на Изонцо, а русские делали приготовления к большому наступлению на Восточном фронте. Это наступление велось во второй половине марта в большом масштабе и с огромным количеством амуниции. Повидимому, русские предпринимали операцию в большом масштабе с целью прорвать наш фронт, чтобы облегчить положение французов у Вердена. Это наступление было предпринято раньше намеченного срока, иначе русские не начали бы своих военных действий в марте, во время бездорожья.

Пункты для наступления были выбраны хорошо. Главный удар последовал с одной стороны между Вышневским и Нарочским озерами, а с другой — у Поставы. Двойной удар преследовал цель окружить германский XXI корпус и создать широкий прорыв фронта на линии Вильно—Ковно. Одновременно русские наступали южнее Двинска у Видзы, у самого Двинска и у Якобштадта. Последние наступления имели целью отвлечь наше внимание и помешать нам бросить резервы к главному пункту наступления. Операция началась 15 марта таким ураганным огнем, которого мы еще никогда на Восточном фронте не видали.

От 18-го до 21 марта, а потом снова 26 марта происходили пехотные атаки. Русские дрались весьма храбро и не обращали никакого внимания на свои тяжелые потери. К концу марта все атаки были отбиты, и мы потеряли только небольшую позицию на озере Нароче.

В начале апреля на всем фронте наступило спокойствие, и в конце апреля нам удалось даже занять обратно утерянную было нами позицию на Нароче. Во время этой операции артиллерийскую подготовку провел начальник артиллерии одной дивизии ландвера подполковник Брухмюллер. В его лице мы открыли талантливейшего артиллериста, который впоследствии прославился не только на Восточном фронте, но и во всей нашей армии.

Я считаю Брухмюллера гением артиллерийской стрельбы. Он обладал исключительным даром инстинктивно угадывать, сколько необходимо выпустить по каждому пункту снарядов, прежде чем начать атаку. Войска также быстро заметили, что всякое наступление под артиллерийским руководством Брухмюллера неизменно сопровождается успехом и охотно шли на всякое дело, если только знали, что артиллерийская подготовка находится в руках Брухмюллера и его штаба. Несмотря на то, что русские не добились никакого успеха, мы получили сведения, что они готовятся к дальнейшим атакам. Особенно много войска они сосредоточили в районе Сморгони, у Двинска и у Рижского предмостного укрепления. Верховное главнокомандование перевело в наше распоряжение несколько дивизий с южного фронта и таким образом мы могли спокойно ждать дальнейших событий. Разумеется, главнокомандующий Восточным фронтом считал для себя наиболее приемлемым, не дожидаясь русского наступления, предпринять против них контратаку. Желательнее всего было бы предпринять эту атаку в районе Риги. Однако, превосходство русских сил был слишком очевидно, чтобы мы могли решиться на такое наступление с имевшимися тогда в нашем распоряжении силами. Самым опасным для нас пунктом было Рижское предмостное укрепление. Если бы русским удалось успешно провести против нас наступление с этого пункта в направлении Митавы, то весь наш фронт должен был бы податься назад. Чтобы предотвратить такую возможность, генерал Белов предложил нам предпринять переход через Двину у Икскюля. Это предложение можно было осуществить при том условии, если бы верховное главнокомандование выделило бы нам 6 дивизий. Если бы нам удалось неожиданно форсировать Двину у Икскюля и продвинуться вплоть до моря, мы тем самым отрезали бы все сосредоточенные в предмостном укреплении русские части. Падение Риги доставило бы нам крупный моральный успех, значительно сократило бы наш фронт и дало бы нам возможность в кратчайший срок освободить те дивизии, которые нам необходимо было дополнительно получить для проведения всей операции. С другой стороны, русские вынуждены были бы бросить к этому району свои резервы и таким образом отказаться от наступления на других участках.

Главнокомандующий фронтом просил предоставить ему необходимые 6 дивизий. Его величество был вынужден отклонить эту просьбу, так как генерал Фалькенгайн указывал, что эти войска ему необходимы у Вердена. Он все еще надеялся, что верденская операция доставит ему крупную победу, что там удастся уничтожить главную массу французских войск. Людендорф и я не разделяли этого мнения. Трудно сказать, могло ли верховное главнокомандование выделить нам 6 дивизий. Однако, через несколько недель, когда русские разгромили австрийский фронт, мы все же вынуждены были снять с Западного фронта такое же примерно количество войска, чтобы спасти положение.

В мае продолжались бои у Вердена, на всех же остальных участках Западного фронта, как и на Востоке, было сравнительно спокойно. Бои происходили только в Мессопотамии после того, как в апреле туркам удалось занять Кут-Эль-Амар.

15 мая генерал Конрад начал свое наступление против Италии, которое так долго затянулось из-за неблагоприятной погоды. Мощным ударом армия эрцгерцога Евгения прорвала фронт у линии Реворето-Триент, сбросила итальянцев с гор и прорвала неприятельскую линию на участке Арсиэро—Азиаго. В конце мая австрийская армия вела бои за обладание последними перевалами, которые должны были открыть выход на итальянскую низменность.

Благоприятный исход этих боев был только вопросом дней, а может быть и часов. В штабе главнокомандующего Восточным фронтом мы обсуждали с австрийскими офицерами наш дальнейший план и перспективы, когда внезапно 4 июня разыгралось большое сражение против австро-венгерской армии на южном участке Восточного фронта. Это сражение значительно изменило благоприятный до того ход кампании 1916 г. Как я впоследствии выяснил, Антанта разработала на 1916 г. общий план наступления против всей германской армии. 1 июля наступление должно было начаться на Западе у Соммы, а на Востоке на линии Барановичи — Сморгонь. Главный удар против линии Барановичи — Сморгонь должен был быть поддержан побочными атаками у Риги, у Люка, у Тарнополя и на Днестре. Как я уже выше указывал, сосредоточение русских войск на Восточном фронте точно соответствовало этому плану.

Австро-венгерское наступление против Италии заставило итальянцев попросить русских поторопиться с их наступлением против австрийцев на Восточном фронте, так что эта операция была предпринята раньше предполагаемого срока. Когда 4 июня русские без особых резервов и без соответствующей артиллерийской подготовки предприняли наступление против 4-й австрийской армии у Люка и против 7-й армии в Буковине, австрийские войска, не оказав никакого сопротивления, дрогнули и начали отступать. Особенно тяжело пришлось 4-й армии, отступление которой носило характер беспорядочного бегства. 7 июня русские заняли Люк, и 13 июня их передовые части достигли Стохода юго-восточнее Ковеля. В первые же 3 дня в их руки попало больше 200 тысяч пленных.

Неожиданный успех заставил русское командование переменить свой план. Они отказались от предполагаемого наступления в районе Барановичи — Сморгонь и стали постепенно стягивать свои части на юг, чтобы закрепить там достигнутую победу. Это решение нельзя признать правильным. В частности, если бы русские предприняли сейчас наступление против германских частей, они отняли бы у нас возможность выделить необходимые силы для подкрепления австрийских войск, а без нашей помощи австрийская армия потерпела бы полное поражение.

Уже при первом известии о прорыве 4-й австро-венгерской армии главнокомандующий Восточным фронтом, несмотря на то, что ему приходилось еще считаться с возможностью русского наступления, выделил необходимые дивизии для отправки на юг. Однако, этих войск было недостаточно, и верховное главнокомандование было вынуждено снять значительные части с Западного фронта для подкрепления союзной австрийской армии. Тут опять повторилась старая история. Если бы верховное главнокомандование дало бы нам своевременно необходимые силы для занятия Рижского предмостного укрепления, мы бы закончили летнюю кампанию 1916 г. крупным успехом на Восточном фронте. Теперь же верховное главнокомандование все равно должно было расстаться со своими шестью дивизиями, но уже только с тем, чтобы предотвратить то критическое положение, в котором оказался весь Восточный фронт. Решение снять значительные силы

с Западного фронта, где, по всем данным, должно было начаться наступление Антанты у Соммы, было очень тяжелым, но все же неминуемым. Генерал Конрад тотчас же приостановил наступление против Италии и стал переотправлять войска с итальянского фронта на Восток. При помощи первых же подкреплений верховное главнокомандование попыталось приостановить путем контратаки отступление австрийской армии. Однако, 4-я австро-венгерская армия была совершенно разгромлена и в своем отступлении увлекла за собой и первые подошедшие к ней на помощь германские части. Дальнейшие германские подкрепления образовали на Стоходе новый фронт и приостановили, наконец, русский натиск. Остатки 4-й армии были приняты в районе Кизелина. Тут их перемешали с германскими частями и в районе Гороховa образовали из них новую группу, которая должна была бы повести контрнаступление. Это наступление, однако, было предпринято с незначительными силами и не дало никаких результатов, так как отсутствие достаточной сети железных дорог привело к тому, что наши подкрепления прибывали в этот район только в самом незначительном количестве. Так или иначе, русское наступление было приостановлено. Нас спасло еще то обстоятельство, что атака русских была предпринята без надлежащей подготовки и без достаточных резервов.

Примерно в таком же роде, хоть правда не столь катастрофично, разыгрались события в Буковине. Русские прорвали 7-ю армию во многих пунктах, заняли Черновицы и в конце июня достигли линии Днестр — Коломыя — Кимполунг. Из-за плохого сообщения было трудно подвезти сюда подкрепления, хотя со стороны немцев и австро-венгерцев было сделано все, что возможно. К счастью, русские также не могли из-за транспортных затруднений подвести сюда необходимые резервы и тем самым закрепить свой успех.

13 июня русские предприняли сильные атаки против группы Войрша у Барановичей. Тут нам пришлось пережить несколько тревожных дней. Однако, Войршу удалось отбить все атаки, и русским удалось только прорвать на небольшом участке расположение одной австро-венгерской дивизии. Чтобы выйти из критического положения, Войршу пришлось пустить в дело все свои резервы. Кроме того главнокомандующий Восточным фронтом предоставил ему все имевшиеся еще в его распоря-

жении свободные части. Главнокомандующий пошел при этом на известный риск, ибо хотя русские и начали уже отправлять свои войска на юг, все же они были еще достаточно сильны, чтобы начать наступление и против расположения главнокомандования Восточным фронтом. В самом деле русские непрерывно предпринимали атаки и на Нароче, и у Сморгони, и у Двинска, и у Фридрихштадта, и у Рижского предмостного укрепления. Однако, эти атаки носили больше демонстративный характер и были легко отбиты. Снятые с Восточного фронта русские резервы вскоре прибыли на фронт Брусилова, и таким образом он мог предпринять дальнейшие наступательные действия.

В результате этих действий мы вынуждены были вернуть русским отнятые у них путем контр-атаки некоторые позиции на фронте у Люка. Командующий 2 й австро-венгерской армией генерал Бем-Ермоли должен был оттянуть к галицийской границе левый фланг и центр своей армии.

Наступление русских против Стыря, севернее Люка также увенчалось успехом. И здесь австро-венгерские войска вынуждены были отступить. В связи с этим, должен был отвести свой левый фланг со Стохода и генерал Линзинген. Это отступление коснулось и правого фланга группы принца Леопольда Баварского, расположенной южнее Припяти.

Положение стало критическим для всего Восточного фронта. Особенно нас беспокоила неуверенность в силах наших союзников. Не было ни одного участка, на котором они оказали бы серьезное сопротивление русским войскам. Отовсюду, где только можно было, мы стянули резервы, совершенно обнажили спокойные участки и таким путем выделили несколько полков. Это дало возможность подтянуть некоторые части к Ковелю для укрепления группы Линзингена, и он таким образом оказался в состоянии удержать за собой Стоход. После этого кризис миновал. Командующий южной германской армией граф Ботмер также был вынужден в начале июня, вследствие подвоха со стороны австро-венгерцев, отвести свой правый фланг южнее Днестра. Однако, ему удалось отбить все русские атаки на свои новые позиции.

Все это лишний раз убедило нас в нецелесообразности организационной структуры командования, согласно которой существовало два совершенно различных командования — гер-

манскими и австро-венгерскими войсками. На всех участках, где были расположены германские войска или, по крайней мере, они были перемешаны с австро-венгерскими частями, нам неизменно удавалось отбивать все неприятельские атаки. Там же, где стояли исключительно австро-венгерские части, русские всюду добились успеха. Это вызывало необходимость еще больше перемешать части обеих союзных армий.

Главнокомандующий Восточным фронтом давно уже указывал на эту необходимость. В конце июня фельдмаршал Гинденбург и генерал Людендорф были вызваны в главную ставку где они защищали эту точку зрения. Генерал Фалькенгайн не согласился с предложением Гинденбурга подчинить ему весь Восточный фронт. Он носился в то время с идеей объединить все оперировавшие в южной части Восточного фронта германские войска под главным командованием генерала Макензена.

В конце июля фельдмаршал Гинденбург и генерал Людендорф были снова вызваны в главную ставку. Тяжелое положение Восточного фронта требовало принятия решительных мер. В главной квартире не решались еще передать Гинденбургу весь Восточный фронт вплоть до Карпат. Однако, в его ведение перешел все-таки фронт вплоть до участка южнее Броды. Таким путем, в круг командования Гинденбурга вошла и группа Бем-Ермоли.

К этому времени относится возобновление сильных атак со стороны противника. 25-го и 27 июля русские предприняли наступление в районе Барановичей, но были отбиты. В районе расположения группы Линзингена бои на Стоходе не прекращались. В течение нескольких дней, от 28 июля до 1 августа, русские, не взирая на тяжелые потери, бросили здесь в бой огромные силы с целью прорвать наш фронт. Моментами положение было очень серьезно, но все же нам удалось удержать свои линии. Русские предприняли также атаки на южном и северном участках группы Линзингена, но были легко отбиты. Чтобы находиться ближе к военным действиям, генерал Людендорф перевел свой военный штаб из Ковно в Брест-Литовск. Географически Брест-Литовск был самым подходящим местом для ставки. Однако, город был почти совершенно разрушен и в этом отношении представлял для нас много неудобств. Офицеры обосновались в крепости. Их новые квартиры были страшно загажены, и потребовалось некоторое

время, чтобы привести их в порядок. Вплоть до окончания ремонтных работ нам пришлось жить в нашем поезде на Брест-Литовском вокзале. Из Брест-Литовска фельдмаршал Гинденбург, ген. Людендорф и я предприняли объезд фронта, состояние которого произвело на нас самое неблагоприятное впечатление. Линии фронта были очень тонки; на бо́льшую часть австро-венгерских войск нельзя было положиться, и повсеместно продолжались еще неприятельские атаки.

Австрийские генералы не скрывали тяжелого состояния своих частей, и все они требовали, чтобы им предоставили германские подкрепления. В этом отношении главнокомандующий Восточным фронтом не мог пойти им навстречу. Правда, сильные атаки русских у Риги были отбиты, но у нас не было никакой уверенности в том, что они снова не возобновятся. Как я уже выше указывал, Рига была опаснейшим участком нашего фронта, и если бы русским удалось прорвать здесь наше расположение, то нам пришлось бы отступить на всем фронте. С большим трудом нам удалось выцарапать только 3 батальона и артиллерийский отряд, а также кавалерийскую бригаду. Эти ничтожные части составляли в то время все наши резервы. Верховное главнокомандование обещало нам еще 3 дивизии с Западного фронта и один турецкий армейский корпус, выделенный для Восточного фронта Энвер-пашой. Однако, мы не могли рассчитывать, что этот корпус быстро прибудет к нам, так как турки могли предоставить для его перевозки только по одному поезду в сутки. Впоследствии этот корпус поступил в распоряжение южной армии графа Ботмера и великолепно дрался.

Мы настойчиво стали просить верховное главнокомандование, чтобы оно поторопилось с присылкой трех дивизий. Однако, главная квартира медлила несколько дней, прежде чем она выполнила нашу просьбу. Эта проволочка привела к тому, что главнокомандующий Восточным фронтом был лишен возможности предотвратить новое несчастье в районе группы Бем-Ермоли.

Русское командование тем временем убедилось в том, что ему не удастся прорвать германскую линию, и обрушилось со всеми своими силами на позиции южнее Припяти. Сильнейшие русские атаки, продолжавшиеся от 8-го до 10 августа в районе группы Линзингена и левого фланга генерала Гронау,

были в общем отбиты, но все же неприятелю удалось утвердиться в двух пунктах на западном берегу Стохода, а именно у Тоболы и Кизелина. Одновременно русские атаковали 2-ю австро-венгерскую армию и группу эрцгерцога Карла. Им удалось прорвать правый фланг 2-й армии и занять его позиции на Серете. Только тогда верховное главнокомандование предоставило нам вместо обещанных трех лишь две дивизии, которым удалось в тяжелых и кровопролитных боях приостановить отступление австро-венгерских войск.

К сожалению, русские достигли успеха также и в боях с войсками эрцгерцога Карла. Они прорвались здесь у Тлумача и заняли Надворну и Станиславов. Ввиду победы неприятеля у обоих флангов южного фронта, расположенная в центре германская армия графа Ботмера, который до сих пор отбила все атаки неприятеля, была также вынуждена отойти за линию Золотая Липа. Благодаря контратаке германских частей, удалось все-таки отбить русское наступление против Карпат. Несмотря на этот частичный успех, поражение австро-венгерских войск у самой румынской границы произвело такое сильное впечатление, что теперь румыны с часу на час могли объявить нам войну.

В середине августа мы перебрались с Брест-Литовского вокзала в крепость. Когда я распаковывал свои чемоданы, я не предполагал, что мне придется прожить в этом городе около двух лет.

28 августа фельдмаршал Гинденбург и генерал Людендорф были вызваны в главную квартиру, а на следующий день я получил известие, что Гинденбург назначается начальником штаба верховного главнокомандующего, а генерал Людендорф—генерал-квартирмейстером, новым главнокомандующим Восточным фронтом назначается фельдмаршал принц Леопольд Баварский, а я—начальником его штаба.

2 года я работал вместе с генералом Людендорфом, 2 года неистощимого труда, забот и побед. За все время между нами не было ни малейших недоразумений, и я надеялся, что дружба, связывавшая нас в эти тяжелые дни, ничем не нарушится и впредь. Многие утверждали, будто бы я очень обиделся, что генерал Людендорф не взял меня в главную квартиру. Это утверждение ни на чем не основано, так как мое назначение начальником штаба главнокомандующего Восточным фронтом было для меня большим повышением.

Известие о новых переменах я получил в Восточной Пруссии, где я пробыл один день. Когда 27 августа я возвращался из Восточной Пруссии обратно в Брест-Литовск, поезд по небрежности машиниста потерпел севернее Белостока крушение. Много людей было ранено, и я сам получил сильные ушибы.

* * *

Прежде чем приступить к своим дальнейшим воспоминаниям, я бы хотел вкратце остановиться на двух вопросах на решение которых я не оказывал ни малейшего влияния. Эти вопросы однако часто обсуждались в штабе главнокомандующего Восточным фронтом во время пребывания там различных политических деятелей Германии. Речь идет о польском вопросе и о подводной войне.

Я не знаю, кто первый пришел к несчастной мысли о создании самостоятельного польского государства. Думаю, однако, что эта идея принадлежит барону Бурману, который подписал с канцлером Бетман-Гольвегом окончательное соглашение. Эта идея была уже глупа потому, что она отняла у русского царя всякую возможность заключить с нами сепаратный мир.

На мой взгляд, мы уже совершили ошибку, образовав германское генерал-губернаторство в Варшаве и австро-венгерское—в Люблине. Этим самым мы подчеркнули, что эти отвоеванные у России области находятся на каком-то особом положении. Было бы гораздо лучше управлять этими областями точно так же, как и другими занятыми нашими войсками русскими губерниями.

Ген. Людендорф неоднократно обсуждал со мной идею создания польского государства. При этом он заявлял, что всецело придерживается моей точки зрения и согласится на образование самостоятельной Польши только в том случае, если поляки предоставят нам отдельную армию, состоящую по крайней мере из 4-х дивизий. Я очень скептически относился к боевой ценности польской армии. Все же у нас в то время была такая нехватка в резервах, что мы вынуждены были приветствовать всякое подкрепление какого бы то ни было качества.

В пользу создания польской армии было еще то соображение, что такой многочисленный народ, как поляки, должен был сам с оружием в руках завоевать свою свободу и неза-

висимость, а не полагаться на то, что за их свободу будут сражаться другие. Как известно, мы ошиблись в своих расчетах, и наши политические деятели при переговорах с поляками не выставили требования о создании польской армии.

Что же касается подводной войны, то для каждого разумного человека было ясно, что, когда мы боролись за самое существование Германии, мы не могли отказаться от применения какого бы то ни было оружия. Смешно говорить о том, что подводная война бесчеловечна, когда Англия первая предприняла голодную блокаду против женщин и детей. Чтобы избежать последствий этой блокады, мы, немцы, не имели другой возможности, кроме объявления подводной войны. При этом у американцев вовсе не было необходимости предпринимать свои увеселительные поездки непременно в районе действий наших подводных лодок. Единственно, против чего можно возразить,—это то, что мы провозгласили подводную войну, не имея еще достаточного количества подводных лодок.

Я высказал эти соображения председателю союза землевладельцев доктору Резике, когда он посетил фельдмаршала Гинденбурга в Ковно. При этом он мне бросил тяжелый упрек в отсутствии любви к отечеству и т. д. Дальнейшие события доказали, что я был прав. Мы начали подводную войну слишком рано, т. е. со слишком маленьким числом подводных лодок. При этом повторилась приблизительно та же картина, что и с газовой войной. Мы показали противнику, каким страшным оружием мы обладаем, в то время когда это оружие еще не было достаточно отточено.

Я не сомневаюсь, что подводная война доставила бы нам величайший успех, если бы мы заблаговременно направили бы все имевшиеся в нашем распоряжении силы на постройку подводных лодок. Поскольку морское командование, как об этом пишет в своей книге адмирал Тирпиц, все равно решило не выводить надводного флота для решающего морского сражения, постройка новых надводных судов во время войны была совершенно бесполезным и излишним делом.

9. Перемена командования.

30 августа я принял дела начальника штаба Восточного фронта. На следующий день приехал также новый главнокомандующий Восточным фронтом генерал-фельдмаршал

принц Леопольд Баварский. Еще в мирное время я сталкивался с ним несколько раз на больших маневрах и знал его, как умного и храброго солдата. В этих его качествах я убедился и во время нашей совместной деятельности на Восточном фронте в течение $2^1/_2$ лет. Принц был страстным солдатом, охотником и наездником. При всех трудных обстоятельствах он сохранял спокойствие и железные нервы. В течение всей нашей совместной работы у нас никогда не было никаких разногласий в военных вопросах.

Ко времени нашего назначения положение на Восточном фронте было в общем устойчивым, хотя мы, конечно, должны были считаться с возможностью дальнейших наступательных действий со стороны русских. Мы подкрепили австро-венгерскую армию 195 й и 197-й германскими дивизиями под начальством генерала фон Эбена и добились того, что отступление австрийской армии приостановилось. Нам удалось также отбить сильные атаки русских против армии генерала Войрша. Некоторое напряжение чувствовалось только в расположеиии группы Линзингена на Стоходе. Однако, полковник Гель, новый начальник штаба группы Линзингена, принял все меры против возможных осложнений. Не совсем устойчивым было положение группы эрцгерцога Карла. Кроме того, в нашем распоряжении не было почти никакого войска против нашего нового врага Румынии.

На Западном фронте продолжались тяжелые бои на Сомме и у Вердена, стоившие нам тяжелых потерь, которые мы уже не в состоянии были пополнять. Впервые мы потеряли веру в абсолютное превосходство германского солдата, и во многих кругах начали уже появляться признаки усталости и малодушия. В течение двух лет генерал Фалькенгайн, не добившись никакого успеха, растратил весь наш капитал, состоящий в отличном настроении войска и в национальном воодушевлении.

Только благодаря энергии ген. Людендорфа нам удалось преодолеть все трудности. Несчастная верденская авантюра была ликвидирована. Нам удалось также, правда, с большими потерями, удержаться на Сомме. Кроме того мы подкрепили группу эрцгерцога Карла и выделили необходимые силы для проведения кампании против Румынии. При этом главная работа выпала на долю главнокомандования Восточным фрон-

том. Если не считать группы Линзингена, положение которой, как я указывал выше, было не совсем устойчивым, нам удалось выделить отдельные полки со всех более или менее спокойных участков и создать из них новые дивизии. Выделяя эти полки, мы пошли на известный риск, но охотно приняли на себя всю ответственность. Мы все больше и больше убеждались в том, что русской армии не удалось выделить крупного полководца с широким стратегическим умом. Вместо того, чтобы предпринять против нас наступление на всем фронте и помешать нам таким путем создавать новые дивизии, Брусилов приостановил наступление, и русские оттянули свои резервы к югу, чтобы присоединиться к румынскому наступлению.

Через некоторое время бои в Румынии благополучно закончились.

К новому году немецкие войска приближались к Серету, у которого, повидимому, мы должны были задержаться. Русские тем временем отвели значительные войска на румынский фронт.

Незадолго до этого, 21 ноября 1916 г., умер император Франц-Иосиф. С его смертью порвалась последняя нить, связывавшая политически разрозненные части Австро-Венгерской монархии. Его преемник, обыкновенный кавалерийский офицер, был сознательно отстранен от участия в политических делах убитым в Сараево кронпринцем Францем-Фердинандом. Новый император стоял перед почти неразрешимой задачей. Хуже всего было то, что молодой монарх, ненавидевший Германию и Гогенцоллернов, был женат на властолюбивой женщине, все симпатии которой были на стороне враждебного нам лагеря. Окружавшие молодого императора льстивые советники настойчиво предлагали ему взять в свои руки управление всеми политическими и военными делами. В результате этого почти в грубой форме был отстранен главнокомандующий всей австро-венгерской армией эрцгерцог Фридрих, и император сам себя провозгласил главнокомандующим. Если эрцгерцог Фридрих и не играл большой роли, то все же у него был очень умный и дельный начальник штаба генерал Конрад фон Гетцендорф, который мог от имени императора вершить всеми делами. При всех недоразумениях с союзниками Конрад, благодаря своему спокойному и милому характеру, всегда до-

бивался соглашения. Одним из первых военных мероприятий нового императора было перенесение главной квартиры из Тешена под Вену. Этим путем император хотел избавиться от влияния германского командования. Конрад протестовал, но без всякого успеха. Вообще, генерал Конрад придерживался определенных и решительных взглядов, которые он открыто высказывал. Это привело к тому, что через короткое время он должен был покинуть свой пост. Его преемник, генерал фон Арц, был личностью весьма посредственной. Он верой и правдой служил своему императору, но не был, как Конрад ответственным полководцем. Новый начальник штаба не имел никакого влияния на императора, хотя и сопровождал его во время всех многочисленных поездок. Этим и ограничивалась вся его деятельность.

Я имел только один раз случай подробно говорить с императором Карлом во время его первого посещения группы Линзингена. В качестве представителя отсутствовавшего тогда главнокомандующего Восточным фронтом я принял его величество и после делового рапорта был приглашен к завтраку, после которого провел 2 часа в свите. Император, который тогда еще не имел такого усталого вида, как в конце войны, очень оживленно беседовал со мной в течение двух часов и высказывал свои смехотворные, лишенные всякого благоразумия военные соображения.

Насчет мирного предложения, которое Германия сделала в декабре 1916 г., главнокомандующий Восточным фронтом не получал никакого запроса ни официально, ни в частном порядке. Если бы это случилось, он бы несомненно высказался против такого шага, который неминуемо должен был бы еще больше увеличить нежелательное настроение в тех кругах, которые давно уже не верили в благоприятный исход войны. Резкий отказ на наше предложение со стороны Антанты заставил нас объявить 1 февраля 1917 г. подводную войну. Я придерживаюсь того мнения, что Германия безусловно имела право вести эту войну, так как мы должны были использовать все средства, которые имелись в нашем распоряжении, для достижения победы. Военные действия против женщин, детей и мирного населения начали не мы, а сама Англия своей политикой блокады. Мы несомненно имели право последовать в этом отношении английскому примеру. Яростный

вой, который подняли американцы, ни на чем не основан. С таким же правом американцы могли потребовать, чтобы мы прервали сражение и приостановили артиллерийский огонь, если бы некоторым американцам вздумалось бы в это время предпринять увеселительную прогулку по полю сражения.

К сожалению, при первой же попытке предпринять подводную войну мы дали англичанам время и возможность предпринять некоторые меры против подводных лодок. К тому же мы во-время не сумели мобилизовать все силы для постройки новых подводных лодок. Таким образом уверения морского командования, что путем подводной войны удастся в течение 6 месяцев поставить Англию на колени, было слишком оптимистическим.

10. Русская революция.

Положение серединных держав в начале 1917 г. было довольно серьезно. Насчет Восточного фронта мы были совершенно спокойны, но и этот фронт не мог выделить достаточно сил, чтобы отправить их на Запад для предполагавшегося там наступления. Настроение наших войск на Западном фронте несколько упало в связи с тяжелыми боями у Соммы и у Вердена. Дух войск не был таким высоким, как раньше. Слишком тяжело давало себя знать преимущество противника в отношении военных припасов. Продукция нашей промышленности не могла угнаться за выработкой заводов всего мира, который ополчился против Германии. Настроение в стране все более и более ухудшалось. Продовольственные затруднения росли с каждым днем, а высокие ставки, которые Гинденбург ввел для оставшихся в тылу рабочих, вызвали недовольство в армии. Действительно, было очень несправедливо, что оставшиеся в тылу люди получали высокое жалованье только за то, что они не разделяют вместе со своими товарищами всех тягот и ужасов окопной жизни. Наши затруднения увеличились еще вследствие вступления Америки в войну. Хотя к тому времени Америка не обладала еще своей армией, и наше морское командование объявило, что даже после создания такой армии Америке не удастся перетранспортировать ее через океан, однако значительное число наших серьезных деятелей считали, что со вступлением Америки в войну Гер-

мания потеряла всякие надежды на победоносное окончание борьбы.

В это тяжелое для нас время, в марте 1917 г. произошло событие мировой важности, которое снова воскресило наши надежды на победу. Я имею в виду русскую революцию. Для всех было ясно, что она сильно отразится на боеспособности русской армии. В виду этого у нас зародилась мысль путем сильного наступления на Восточном фронте завершить развал русской армии. Однако, эту мысль не удалось провести в жизнь, так как, с одной стороны, главнокомандующий Восточным фронтом не обладал необходимыми для наступления силами, а с другой стороны — наше министерство иностранных дел увлеклось несбыточной мечтой вступить с Керенским в мирные переговоры. Таким образом, мы решили не предпринимать никаких наступательных действий против русских и оставить их в покое.

Теперь, когда события того времени нам представляются в более ясном свете, приходится сожалеть, что мы тогда не попытались использовать настроение русского солдата, который хотел немедленно пожать плоды революции, т. е. сложить оружие и бежать домой. Если бы мы в те дни предприняли наступление, то никакая сила не была бы в состоянии приостановить развал русской армии.

Как известно, благодаря нашей бездеятельности, Керенскому удалось убедить свою армию в необходимости наступления и наши 80 дивизий оказались пригвожденными к Восточному фронту. Чтобы поддерживать иллюзии нашего правительства о возможности заключить сепаратный мир, Керенский в течение всего лета 1917 г. поручал своим иностранным агентам вести переговоры с представителями Германии.

Как доказательство этого, я могу привести следующий случай. Будучи в то время однажды в Берлине, я получил указания от министерства иностранных дел, что мне необходимо вечером встретиться с прибывшим из Стокгольма депутатом Эрцбергером. Эрцбергер мне сообщил, что он вел переговоры с представителем Керенского и что мы очень близки к заключению сепаратного мира с Россией. По его словам, я должен был готовиться поехать в ближайшее время в Стокгольм для ведения мирных переговоров. Я более скептически относился к такой возможности, чем Эрцбергер, но все же

должен был считаться со стремлением русского народа к миру.

Несмотря на все это, главнокомандующий Восточным фронтом все же не мог воздержаться от военных действий. Из обоих предмостных укреплений на Стоходе, которые русские после тяжелых боев во время наступления Брусилова крепко удерживали в своих руках, нам удалось осенью 1916 г. отбить у них только меньшее предмостное укрепление у Винницы. Большее же укрепление у Тоболы русские в то время еще удерживали. Это создавало для нас большую опасность, и потому еще в марте главнокомандующий Восточным фронтом предпринял все приготовления, чтобы отбить предмостное укрепление у Тоболы. Наступление должно было начаться после обильных дождей, которые должны были затопить стоходовскую долину и все 4 моста, связывавшие предмостное укрепление с восточным берегом.

В начале апреля дожди действительно начались и превратили всю местность в тылу предмостного укрепления в обширное озеро, шириною почти до тысячи метров. С военной точки зрения было бы большой ошибкой упустить этот подходящий момент, так как укрепление было отрезано от восточного берега, а находившиеся в нем войска не были в состоянии оказать нам серьезное сопротивление. Ввиду этого главнокомандующий Восточным фронтом попросил разрешения наступать, на что последовало согласие со стороны верховного главнокомандования.

Наступление началось 3 апреля в 3 часа дня. Благодаря прекрасной работе начальника артиллерии подполковника Брухмюллера, наступление протекало так благоприятно, что русские не оказывали почти никакого сопротивления. Ввиду ограниченного количества военных припасов, сначала предполагалось занять южные укрепления, а потом после некоторой подготовки предпринять наступление против северного участка. Однако, южные укрепления были заняты так быстро и с такими сравнительно малыми потерями, что войска по своей инициативе сейчас же двинулись и на северную часть укреплений и быстро захватили ее в свои руки.

Успех этого дня превзошел все наши ожидания. В наши руки попало много военных материалов и около 10 тысяч пленных. Это создавало даже некоторое затруднение для вер-

ховного главнокомандования, которое договорилось с правительством о том, что мы не предпримем на Восточном фронте крупных наступательных операций. Главная ставка не знала даже, в каком виде представить сводку о нашем успехе. Ввиду этого она преуменьшила нашу победу. Это естественно вызвало некоторое удивление среди войска, тем более, что на следующий день русское командование дало подробный отчет о сражении.

Хотя русское временное правительство не только не думало о мире, но, наоборот, при каждой возможности Керенский и военный министр Гучков подчеркивали свое стремление продолжать войну в союзе с Антантой до победного конца, наше правительство все же твердило, что русская революция приведет к заключению с Россией сепаратного мира. По настоянию нашего правительства, верховное главнокомандование запретило нам после победы у Тоболы продолжать какие бы то ни было наступательные действия.

Еще в феврале главная квартира переехала из Плесса в Крейцнах, чтобы в связи с предполагаемым большим наступлением на Западном фронте находиться ближе к военным действиям. К 17 апреля Людендорф вызвал меня для личного доклада в Крейцнах. Во время этого доклада я высказал свою точку зрения о состоянии русской армии. Революция несомненно привела к тому, что дух русских войск упал, но все же было бы большой ошибкой считать, что они во время дальнейших боев не окажут нам никакого сопротивления. К тому же для наступления в большом масштабе главнокомандующий Восточным фронтом не располагал необходимыми силами. Если верховное главнокомандование хотело предпринять крупное наступление на Восточном фронте с целью разгромить русскую армию, то необходимо было озаботиться присылкой нам нескольких дивизий для подкрепления.

Во время нашей беседы ген. Людендорф нисколько не скрывал своей озабоченности внутренним состоянием страны. Особенно он был недоволен поведением рейхсканцлера, который обнаруживал большую нерешительность. Во время дальнейшей беседы мы коснулись вопроса о том, сможет ли Германия в случае полного разгрома русской армии предпринять где-нибудь на Западном фронте большое наступление, прорвать фронт союзников и таким образом победоносно закончить войну

Мы оба придерживались того мнения, что нам следует всеми силами стремиться к этой цели. На мой вопрос, каким образом и где именно ген. Людендорф предпримет при таких обстоятельствах наступление на Западном фронте, он мне указал, что предпринять наступление на Западе значительно сложнее, чем на Восточном фронте; прорвать фронт союзников несомненно труднее, и потому необходимо предпринять сначала на Западном фронте различные атаки, чтобы нащупать слабые места противника, на которые впоследствии можно было бы обрушиться со всеми силами. Я не совсем был согласен с такой точкой зрения и открыто высказал свои соображения по этому вопросу. Я тогда считал да и теперь придерживаюсь того мнения, что прежде всего необходимо считаться с тем обстоятельством, меньше ли у нас сил, чем у противника, или больше. Если мы решили принять на себя все тяготы наступления, то нам нужно было заранее наметить для этой цели определенный пункт и бросить туда все силы. Разумеется, это игра „ва-банк", когда все ставишь на карту. В заключение нашей беседы, которая, впрочем, носила тогда дружелюбный характер, как и наши предыдущие собеседования, ген. Людендорф обратил мое внимание на то, что многие деятели прилагают все усилия, чтобы расстроить наши добрые отношения. Я от души рассмеялся над этим сообщением и считал его совершенно невероятным, поскольку мы оба все время стремились к одной цели — к полной победе германского оружия.

Май и июнь прошли для нас на Восточном фронте в полной бездеятельности. В июне нам уже становилось ясно, что Керенский нисколько не думает о мире. В частности, все полученные нами донесения указывали на большие приготовления русских к наступлению. Такие приготовления велись у Риги, у Двинска, на Нарочском озере, у Сморгони и, наконец, на всем галицийском фронте.

К этому времени мы ввели новое средство борьбы, а именно сильно действующий газ, так называемый „Желтый крест" [1]. Тайный советник Габер, которому мы обязаны изо-

---

[1] Речь идет о горчичном газе, как его назвали англичане, или „иприте" — по французскому наименованию. Иприт был всесторонне изучен еще в 80-х годах прошлого столетия знаменитым германским физиком Майером, но в

бретением „Желтого креста", как и всех предыдущих газов, рассказывал мне после войны, что после изобретения „Желтого креста" он поехал главную квартиру и сделал о своем изобретении доклад генералу Людендорфу. „Желтый крест" отличался от всех употреблявшихся нами ранее газов тем, что он поражал противника даже при наличии газовых масок. „Желтый крест" проникал через всю защитную одежду и причинял болезненные ожоги. Защищаться от этого газа можно было только путем частой смены обмундирования.

Во время своего доклада тайный советник Габер указывал ген. Людендорфу, что только в том случае можно ввести „Желтый крест", если война будет еще продолжаться не больше одного года. Габер гарантировал, что в течение этого года противник не разгадает состава нового газа. Если же война продолжится больше одного года, то возникала опасность, что с введением „Желтого креста" мы безнадежно проиграем кампанию, ибо через год противнику удастся разгадать тайну нового газа, и он мобилизует всю свою промышленность для его выработки. У нас же не было достаточно материала для того, чтобы после введения противником „Желтого креста" снабжать все наши войска специальными резиновыми шинелями и двумя-тремя сменами обмундирования. Таким образом, войска Антанты смогут, не принимая против нас никакого наступления, просто задушить наши войска новым газом. В действительности проф. Габер ошибся только в одном пункте. Нашему противнику удалось разгадать секрет нового газа не через год, а только через 16 месяцев. К моменту заключения перемирия на Западном фронте одни французы приготовили уже 5000 тонн „Желтого креста", который, к их великому сожалению, они не успели еще пустить в дело.

Таким образом, вводя горчичный газ, ген. Людендорф пошел на огромный риск. Правда, мы все надеялись, что в течение этого года нам удастся совершенно разгромить русскую

мирное время этим газом никто не интересовался, так как он не играл никакой роли в химической промышленности. Разбирая старые химические архивы, Габер натолкнулся на изыскания Майера и пустил в ход бывший под спудом около 40 лет сильно-действующий газ. „Желтым крестом" немцы назвали иприт потому, что снаряды, наполненные этим газом, обозначались желтым крестом.

армию и бросить все наши силы для решающего наступления на Западном фронте. Однако, полной уверенности в этом у нас не было.

Разложение, которое русская революция внесла в ряды армии, мы стремились еще больше углубить путем пропаганды. Революцию в России сделали англичане, немцы же, находившиеся с Россией в состоянии войны, имели полное право предпринять все меры для того, чтобы разложить вражескую армию, поскольку русская революция не оправдала наших надежд на заключение мира. Точно так же, как мы направляли против русских окопов ураганный огонь, точно так же, как мы отравляли их ядовитыми газами, мы имели также полное право использовать против них все средства пропаганды, в том числе и провоз Ленина через германскую территорию.

Я не имел никакого понятия о переезде Ленина через Германию. Если бы у меня в свое время спросили, стоит ли его перевозить, я затрудняюсь сказать, какой бы я дал ответ, так как в то время никто ведь не мо предвидеть, какие несчастные последствия для всей Европы будет иметь приезд этого человека в Россию.

11. Последние бои на Восточном фронте.

Главнокомандующий Восточным фронтом не разделял надежд министерства иностранных дел на сепаратный мир с русским временным правительством. До конца июня все явственнее выделялись приготовления русских к наступлению, и когда это наступление началось, оно не явилось для нас неожиданностью. С открытием военных действий со стороны русских наше верховное главнокомандование вновь обрело свободу действий. Генерал Людендорф вызвал меня и спросил, целесообразно ли сейчас предпринять предложенный ему в свое время прорыв русского фронта у Тарнополя и парализовать этим ударом русское наступление. Далее Людендорф спросил меня, сколько подкреплений нам потребуется для проведения этой операции. Я с радостью подтвердил, что наш удар вдоль линии Львов—Тарнополь должен очень быстро приостановить русское наступление. Чем больше войск русские введут против австро-венгерской и нашей южной армий, тем полнее будет наш успех. В качестве подкреплений я потребовал 4 ди-

визии, верховное же главнокомандование предполагало, что нам потребуется целых шесть дивизий.

Главное командование Восточным фронтом начало энергичную подготовку к наступлению, которое было возложено на руководителя Злочовского участка генерала фон Эбена. Командование артиллерией было поручено подполковнику Брухмюллеру.

Артиллерийская подготовка и перевозка войск должны были занять около 14 дней. Таким образом, мы могли начать наступление не раньше 15 июля. Русское же наступление начало развиваться в первых числах июля. Между Зборовым и Бржезанами русские прорвали расположение австрийцев К счастью, первые части германских подкреплений уже при были на место. Эти части были тотчас же брошены в бой, и 2 июля они восстановили положение. Дальнейшие ожесточенные русские атаки потерпели неудачу.

4 июля русские предприняли наступление против нашей южной армии. Продолжавшиеся несколько дней бои кончились для нас полным успехом. 6-го и 7 июля началось русское наступление против австро-венгерской 3-й армии южнее Днестра. Мы подкрепили эту армию немецкой дивизией. Мы имели в виду, что эта дивизия должна находиться в резерве с тем, чтобы после прорыва русскими австро-венгерского фронта она могла бы предпринять контрнаступление. За несколько дней до начала русского наступления главнокомандующий Восточным фронтом лично побывал в армии, чтобы ознакомиться с положением и состоянием войск. Он вернулся оттуда в общем вполне довольный. К сожалению, австро-венгерское командование не оставило немецкую дивизию в резерве, а сейчас же пустило ее в дело. Поэтому когда 6 июля русские перешли в наступление, у австрийцев не оказалось никаких свободных войск, которые могли бы предпринять контрудар, так как австрийские войска вообще уже не были пригодны для наступательных действий. Немецкие войска были вовлечены в общее отступление, фронт 3-й армии подался к Ломнице, и Калуш был занят русскими войсками. Положение становилось весьма критическим. Если бы не удалось удержать Ломницу, вернуть Калуш и приостановить отступление 3-й армии, то под угрозой оказались бы нефтяные источники у Дрогобыча и главная база германской южной армии — Стрый.

Таким образом, перед главным командованием Восточного фронта встала настоятельная необходимость подкрепить немецкими частями австро-венгерскую армию и вообще взять под сомнение намеченное на 15 июля наступление против Злочова. На подкрепление 3-й армии были высланы пехотная дивизия и только что прибывшие два гвардейских батальона и баварская кавалерийская дивизия. От предполагавшегося удара против Злочова мы пока не отказались. На худой конец, т. е. в случае, если бы нашим подкреплениям не удалось приостановить отступление 3-й армии, мы решили стягивавшиеся к 15 июля в районе Злочова германские войска отвести к юго-западу и ударить ими во фланг наступавшим против Ломницы русским войскам.

Баварской кавалерийской дивизии удалось, однако, приостановить наступление русской армии. Положение у Калуша было также восстановлено. Таким образом наступление у Злочова могло состояться. С этим наступлением нам пришлось однако несколько дней повременить, так как многодневные дожди совершенно размыли глинистые галицийские дороги. Наступление началось только 19 июля утром. Благодаря прекрасной работе артиллерии, нам удалось полностью прорвать фронт противника на протяжении 200 километров, и в первый же день мы выдвинулись на 15 километров за неприятельской линией.

Чтобы поднять настроение в стране, мы на этот день назначили заседание рейхстага, на котором должны были доложить о нашей победе. Только случай помог нам в этот день известить рейхстаг о победе. На всякий случай генерал Людендорф просил меня сообщить ему о ходе операции до 6 часов вечера. На этот час было назначено выступление канцлера в рейхстаге. Артиллерийский наблюдательный пункт, с которого главнокомандующий и я следили за ходом сражения, был соединен телефоном с главной ставкой, и к 5 часам вечера канцлер мог уже в течение нескольких минут получить от верховного главнокомандования все необходимые сведения.

В ближайшие дни наступление планомерно развивалось. 25 июля мы заняли Тарнополь, и весь русский фронт, как и следовало ожидать, заколебался вплоть до Карпат. Наши нервы выдержали некоторое испытание только 21 июля, когда

русские повели сильное наступление у Крево, южнее Сморгони, прорвали наш фронт и оттеснили дивизию ландвера, которая впрочем прекрасно дралась. Притти немедленно на помощь этой дивизии мы не были в состоянии. Наши подкрепления могли притти туда только через несколько дней. До тех пор 10-я армия должна была продержаться, что она и сделала. При помощи сильного артиллерийского огня ей удалось задержать наступавшие русские части и вернуть обратно занятые противником немецкие окопы. В прежние времена нам не удалось бы так легко ликвидировать прорыв, теперь же русская армия, благодаря революции, значительно потеряла свою боеспособность. Германские и австрийские войска неуклонно преследовали отступавшую русскую армию. В начале августа мы уже достигли Збруча, и, таким образом, очистили от русских за небольшими исключениями всю Галицию и Буковину. На этом собственно операция и закончилась. Германские войска слишком удалились от своей базы, и преследование русской армии приостановилось. Австрийцы же не обладали достаточными силами, чтобы расширить свой успех. Попытка германского верховного главнокомандования использовать нашу победу для подкрепления румынского фронта путем переброски туда германского альпийского корпуса закончилась ничем, так как румыны в это время наступали и кой в каких местах достигли даже некоторых успехов.

Когда в начале августа стало ясно, что до восстановления галицийских железных дорог о дальнейшем преследовании русских не может быть и речи, меня вызвал к себе генерал Людендорф. Нам обоим было ясно, что положение в течение долгого времени останется без перемен и что оставлять наши войска без действия было бы очень обидно. Генерал Людендорф заявил мне, что по ходу операций на Западном фронте ему могут понадобиться те подкрепления, которые он нам послал для прорыва у Злочова. Все же очень желательно, чтобы мы возможно скорее нанесли русским еще один удар и этим ускорили бы разложение русской армии. Поэтому Людендорф интересовался давнишней мечтой главного командования Восточным фронтом о переходе через Двину и захвате Риги. Если этих дивизий нам довольно, то Людендорф обещал оставить их еще на некоторое время в нашем распоряжении. Я, разумеется, подтвердил, что этих сил нам вполне достаточно.

Еще во время галицийской операции я вызвал к себе под полковника Брухмюллера и приказал ему отправиться в Митаву и сделать там все необходимые артиллерийские приготовления для перехода через Двину. К сожалению, переброска войск с галицийского фронта в Митаву заняла довольно много времени. Это передвижение нам удалось закончить только к концу августа. Несколько дней мы находились в страшном напряжении, так как не знали, удастся ли нам сохранить наши войска, или же их придется отослать на Западный фронт еще до занятия Риги.

На Западном фронте в то время все еще продолжалось начавшееся 31 июля большое сражение во Фландрии, доставлявшее нам большие затруднения. Дважды генерал Людендорф телефонировал мне, что ему необходимы наши дивизии и дважды же он нам сообщал, что может их оставить еще на Восточном фронте. В конце концов, у нас создалось впечатление, что дивизии нам оставят, и мы предприняли последние приготовления для наступления.

1 сентября в 4 часа дня мы выпустили газы по неприятельскому расположению. Через сутки, в 6 час. вечера мы открыли артиллерийский огонь и уже в 9 ч. 10 мин. стали возводить первые понтоны. Наша артиллерия работала безукоризненно. В начале наступления нам отвечали плохо и нерегулярно только некоторые неприятельские батареи. Как только первые пехотные части перешли на северный берег, начались бои за мосты. Только при переходе через самый восточный мост наши части попали под огонь неприятельской артиллерии и понесли некоторые потери. В остальном переход через Двину достался нам чрезвычайно легко.

Некоторое сопротивление мы встретили только у Егеля, но оно было быстро сломлено. Число пленных и военной добычи было меньше, чем мы ожидали. Это объясняется тем, что еще задолго до нашего наступления русские добровольно очистили западную часть Рижского предмостного укрепления и сейчас же после начала наступления лихорадочно быстро убрали остатки укреплений. Я очень сожалею, что нам не разрешили предпринять наступление против Риги еще 2 года тому назад, как этого добивалось главное командование Восточным фронтом. Тогда еще русские не успели очистить рижское предмостное укрепление, и вся его богатая добыча по-

ала бы нам в руки. Я нисколько не сомневаюсь в том, что переход через Двину удался бы нам тогда так же легко, хотя, правда, и с большими потерями, как и во время наступления 1 сентября 1917 г.

Наши войска были чрезвычайно воодушевлены и охотно продолжали бы свой марш вплоть до Петербурга. С военной точки зрения это не представило бы никаких затруднений, если бы только верховное главнокомандование оставило в нашем распоряжении лишние дивизии. К сожалению, это было невозможно. Через несколько дней мы были вынуждены приостановить дальнейшее продвижение 8-й армии и отправить меньшую часть наших лишних дивизий на Западный фронт, а бо́льшую часть — в Италию.

В Риге нас приняли с трогательной радостью. Население очень страдало от насилий распущенных войск и от ненависти к нему со стороны латышей. Все свободно вздохнули, когда немецкие войска вступили в город и водворили там спокойствие и порядок.

Для дальнейших операций на Восточном фронте мы теперь могли полагаться только на собственные силы. Особо больших задач мы себе не могли ставить, ибо бои у Злочова и Риги и особенно у маленького Егеля показали нам, что хотя русские в известной степени и были деморализованы, однако они сохранили еще способность к сопротивлению. Два небольших военных предприятия напрашивались сами собой: нам необходимо было завладеть предмостным укреплением у Якобштадта, где русские удерживались на южном берегу Двины, и занять острова Эзель, Моон и Даго. Последнее нам было необходимо для укрепления нашего положения в Риге и еще потому, что с этих островов легче было угрожать Петербургу.

Для занятия предмостного укрепления у Якобштадта мы предоставили в распоряжение 8-й армии подполковника Брухмюллера с его артиллерией. Как всегда, Брухмюллер провел артиллерийскую подготовку образцово, и 21 сентября предмостное укрепление было занято без всякого труда. Занятие же островов потребовало более длительной подготовки, так как в этой операции должен был принять участие наш флот, который, естественно, не имел никакого опыта в такого рода делах. Однако, морское командование с радостью согласилось принять участие в нашем наступлении против островов, так

как флот после длительного перерыва, если не считать подводной войны, снова получал возможность принять активное участие в военных действиях. Длительное бездействие надводного флота и сосредоточение большого числа человеческого материала в одном месте создали благоприятную почву для пропаганды недовольных элементов. Уже давно нам приходилось слышать весьма неутешительные вести о настроении флота, главным образом в связи со случаями мятежа, которые летом имели место на некоторых кораблях. Последовавшие затем военные суды и дебаты в рейхстаге сделали эти печальные происшествия предметом гласности.

В начале октября все приготовления были, наконец, закончены, однако неблагоприятные ветры задержали начало операции. Только 11 октября военно-морской транспорт под защитой части нашего надводного флота вышел из Либавской гавани и 12 октября вступил в Таггарскую бухту на острове Эзеле. Остров был хорошо защищен сплошным рядом батарей. Однако, высадка наших войск, особенно на северном берегу, явилась для русских полной неожиданностью. Десантные войска на острове Эзеле быстро пробились к югу и востоку, смелым натиском захватили дамбу, ведущую на остров Моон, и без особого труда заняли в ближайшие же дни Моон и Даго.

В то время как на Востоке мы легко побеждали все более и более разваливавшуюся русскую армию, на Западном фронте все еще продолжалось ожесточенное сражение во Фландрии, где наши войска начали уже испытывать некоторую усталость.

На итальянском театре военных действий еще в августе началось наступление против австро-венгерской армии. Продолжавшееся в течение августа и сентября так называемое одиннадцатое сражение у Изонцо закончилось успехом итальянцев к северу и югу от Гэрца. И здесь стало ясно, что силы австро-венгерских войск приходят уже к концу. Можно было опасаться, что в 12-м сражении у Изонцо австрийцы будут совершенно разгромлены. Перед германским верховным главнокомандованием стал таким образом вопрос о подкреплении австрийской армии на итальянском фронте германскими частями. Весь спор шел только о том, подкрепить ли австрийский фронт в Италии умеренными силами, чтобы ослабить на-

пряжение на Изонцо, или же провести там операцию большого масштаба, которая нанесла бы Италии сокрушительный удар.

Генерал Людендорф приводит в своей книге те соображения, которые заставили его решиться на первое. Из этой книги видно, что верховное главнокомандование обсуждало и вторую версию, предусматривавшую одновременное наступление со стороны Тироля и Изонцо. Генерал Людендорф указывает, что для такой большой операции у Германии не было достаточно свободных войск. Она могла выделить только 6 — 8 дивизий, а для проведения двойного удара нужно было гораздо больше. Я не совсем согласен с этой точкой зрения, так как уже тогда можно было брать необходимые подкрепления с Восточного фронта. Рассчитывать на то, что русские снова предпримут наступление, не приходилось, и можно было без особого риска пойти даже на значительное ослабление Восточного фронта. Если еще принять во внимание, как ничтожна была сила сопротивления итальянской армии против германского наступления, то результаты большой операции на итальянском фронте не поддаются даже учету.

12. Перемирие на восточном фронте.

В России события шли своим чередом. Офицерство потеряло все свои права, повсеместно образовались советы солдатских депутатов. При таком падении дисциплины с армией было покончено. Она распалась на отдельные вооруженные кучки, которые не представляли никакой военной ценности. Рука об руку с разложением армии шла дезорганизация и внутри страны. После одной неудачной попытки большевикам удалось захватить власть в ноябре. В качестве одного из первых мероприятий нового правительства мы получили 26 ноября от произведенного в чин верховного главнокомандующего унтер-офицера Крыленко радио с запросом: согласно ли германское верховное главнокомандование заключить перемирие на фронте?

Генерал Людендорф вызвал меня по телефону и спросил, можно ли иметь дело с этими людьми. Я ответил утвердительно, так как Людендорфу необходимы были войска, и перемирие освободило бы наши части с Восточного фронта.

Я много думал о том, не лучше ли было бы германскому правительству и верховному главнокомандованию отклонить какие бы то ни было переговоры с большевистской властью. Тем, что мы дали большевикам возможность прекратить войну и этим самым удовлетворить охватившую весь русский народ жажду мира, мы помогли им удержать власть. Если бы Германия отказалась от переговоров с большевиками и согласилась бы иметь дело только с представителями полномочного правительства, избранного свободным голосованием, большевики не в состоянии были бы удержаться. И все же я полагаю, что ни один здравомыслящий человек не может нам бросить упрек в том, что мы тогда согласились принять предложение Крыленко о перемирии.

Итак, верховное главнокомандование согласилось на предложение Крыленко, и 2 декабря русская делегация, уполномоченная на заключение перемирия, перешла у Двинска линию фронта, чтобы оттуда поехать в Брест-Литовск. Главнокомандующий Восточным фронтом получил приказ заключить перемирие, и он поручил мне вести переговоры с русскими. В качестве представителя министерства иностранных дел уже за несколько дней до этого прибыл в Брест-Литовск будущий посланник фон Розенберг. Представителями союзных держав являлись: со стороны Австро-Венгрии — подполковник Покорный, со стороны Турции — генерал от инфантерии и генерал-адъютант Зекки и со стороны Болгарии — полковник Ганчев.

Необходимые условия перемирия были уже в общем и целом выработаны за несколько дней до этого верховным главнокомандованием и препровождены главнокомандующему Восточным фронтом. Эти условия соответствовали всеобщему желанию покончить с войной и не содержали в себе ничего обидного для русских. Военные действия должны были прекратиться, и обе враждующие армии — оставаться на доселе занятых позициях.

С нормальным противником можно было бы на основе этих условий притти к соглашению в одно заседание, но с русскими дело обстояло гораздо сложнее. В русскую комиссию входили Иоффе, с которым впоследствии, к сожалению, нам пришлось близко познакомиться, Каменев, госпожа Биценко, приобревшая уже известность убийством одного ми-

нистра, один унтер-офицер, один матрос, один рабочий и один крестьянин. Таковы были полномочные делегаты.

К комиссии было прикомандировано несколько офицеров генерального штаба и адмирал Альтфатер. Они не имели права голоса и должны были быть использованы только в качестве специалистов. Секретарем комиссии был Карахан. Размещение комиссии в бараках Брест-Литовской крепости, где жили и мы, не представило никаких затруднений. Что касается продовольствования, то я велел запросить русских, желают ли они получать пищу у себя на квартирах, или же они предпочитают столоваться вместе с нами в офицерском собрании штаба. Русские приняли последнее предложение. Я велел очистить в одном из бараков более просторное помещение для заседаний. В этот барак мы и пригласили русских на первое заседание. Его королевское высочество главнокомандующий Восточным фронтом встретил русских приветственным словом и сообщил, что он уполномочен союзными командованиями заключить перемирие и поручает мне вести об этом переговоры. Иоффе выступил с ответным кратким словом.

Итак, переговоры начались. Прежде всего, русские выступили с требованием полной гласности. Они пожелали передавать после каждого заседания подробный отчет по радио о том, что говорилось с обеих сторон. Я против этого не возражал. Однако, с целью избежать одностороннего освещения переговоров я предложил образовать подкомиссию, которая бы вела протоколы заседаний и публиковала бы только текст, одобренный обеими сторонами. Русские на это согласились. За этим последовала пропагандистская речь, одна из тех, которых мы впоследствии так много наслышались от Троцкого. Эта речь содержала в себе обращение ко всем воюющим державам прекратить войну, заключить перемирие и мир.

В своем ответе я запросил русскую делегацию, уполномочена ли она своими союзниками предъявить нам такое требование. Что касается четверного союза, то все его представители налицо, и они готовы приступить к переговорам. Русские должны были признать, что ни от одной из стран Антанты они никаких полномочий не получали. В виду этого я предложил русским, чтобы они держались в рамках своих полномочий и приступили бы к переговорам по заключению сепаратного перемирия с Россией.

Дальнейшие попытки русских свести переговоры к простой пропаганде мне также удалось отвести. Небольшое затруднение возникло только тогда, когда адмирал Альтфатер внезапно потребовал очищения Риги и Моонзундских островов. Это требование мне показалось неслыханной дерзостью, и я его коротко и решительно отверг. Из брошюры, которую впоследствии выпустил один из русских специалистов, я узнал, что все офицеры генерального штаба единодушно высказались против требования Альтфатера ввиду его безнадежности. После того как я это требование отклонил, вопрос об этом больше не поднимался.

Русские придавали большое значение тому, чтобы расположенные на Восточном фронте немецкие войска оставались бы на своих местах и не были отправлены на Западный фронт. Такое требование нам было весьма легко выполнить, так как еще до начала брест-литовских переговоров основная масса расположенных на Восточном фронте войск была отозвана на Запад. Поэтому я легко мог заверить русских в том, что во время перемирия никакие войска не будут вновь отправлены на Запад, кроме тех частей, которые уже туда отозваны.

Некоторые затруднения вызвал также вопрос о сообщениях между обеими сторонами. Преследуя свои пропагандистские цели, русские, разумеется, были заинтересованы в том, чтобы иметь свободный доступ в наши окопы, мы же держались противоположной точки зрения. Так как полностью запретить всякое общение между окопами было невозможно, я предложил это общение в известной мере ограничить. При этом условии мы бы получили возможность установить некоторый контроль и перехватывать пропагандистскую литературу.

Дальнейшее требование русских о беспрепятственном провозе литературы и листовок в Германию я вынужден был отклонить, однако я охотно согласился не препятствовать провозу этой литературы во Францию и в Англию.

После долгих переговоров мы договорились о перемирии в общем на основе германских предложений. После этого Иоффе во время завтрака заявил мне, что для подписания перемирия он должен еще съездить в Петербург за окончательными полномочиями. Хотя эта отсрочка мне была весьма неприятна, однако я не разделял мнения некоторых представителей наших союзников, которые выражали опасения,

что отъезд Иоффе это только маневр с целью прервать переговоры и что русская комиссия, вероятно, больше в Брест-Литовск не вернется. Я действительно оказался прав, ибо русская комиссия вернулась обратно к заранее обусловленному сроку, и перемирие было заключено.

Так как русская комиссия столовалась вместе с нами в казино, я имел возможность ближе познакомиться с отдельными ее участниками. За столом я, естественно, отводил более почетные места полномочным членам делегации, чем специалистам, так что рабочий, матрос и унтер-офицер сидели впереди адмирала и офицеров. Я никогда не забуду нашего первого совместного обеда. Я сидел между Иоффе и Сокольниковым. Против меня сидел рабочий, который растерялся перед таким обилием блюд. Он перепробовал разных кушаний, но вилку употреблял исключительно для чистки зубов. Наискось от меня рядом с принцем Гогенлоэ сидела г-жа Биценко, а по другую ее сторону расположился крестьянин, истинно русский человек с длинными седыми космами и широкой окладистой бородой. Он вызвал смешок среди лакеев, которые спросили его, какое вино он предпочитает, белое или красное, а он осведомился, которое из них покрепче.

Иоффе, Каменев и Сокольников, а главным образом, Иоффе производили впечатление очень интеллигентных людей. С большим воодушевлением они говорили о стоящей перед ними великой задаче повести русский пролетариат к счастью и благоденствию. Все трое ни минуты не сомневались в том, что эта цель вполне достижима при условии, если народ сам будет управлять на основе марксизма. Иоффе твердо верил в то, что в будущем всем людям будет хорошо, а некоторым, среди которых, как мне кажется, он имел в виду самого себя, будет еще несколько лучше. Разумеется, все трое не делали секрета из того, что они рассматривают русскую революцию только как первый шаг к освобождению человечества. Совершенно исключена возможность, чтобы коммунистическое государство могло долго продержаться, будучи окружено капиталистическими державами. Главнейшей своей целью они считали поэтому мировую революцию.

Во время этих разговоров я часто думал о том, правильно ли мы поступили, связавшись с большевиками. Они обещали своему народу мир и благоденствие. Если им удастся привезти

домой мир и этим удовлетворить многолетние чаяния своего народа, их положение чрезвычайно укрепится. Много пищи для размышлений я получал во время моих разговоров с адмиралом Альтфатером. Я долго беседовал с ними о былой мощи императорской русской армии и спрашивал его, как это могло случиться, чтобы революция совершенно разложила эту прежде грозную рать.

— Большевистская пропаганда,—ответил мне Альтафтер,— оказала совершенно необычайное влияние на массы. Я уже вам много рассказывал об этом и, в частности, жаловался, что при защите Эзеля армия расползлась у меня под руками. Точно так же обстояли дела на всех фронтах. Я заранее вам предсказываю, что то же самое случится и с германской армией.

Я высмеял этого несчастного адмирала — очень скоро он сам был убит [1].

13. Брест-литовский мир.

Проведение в жизнь заключенного перемирия встретило сопротивление на большинстве фронтовых участков. Это вовсе не значит, что русские войска не хотели перемирия, но на южном фронте, а также на Кавказе не признавали большевистскую делегацию из Петербурга уполномоченной на

[1] Заявление Гофмана об убийстве Альтфатера является сплошным вымыслом. Молодой адмирал Альтфатер (родился в 1883 г.) был одним из немногих царских офицеров, которые после Октябрьского переворота остались на своем посту и честно служили советской власти. Состоя в Бресте главой военной консультации при советской мирной делегации, он, благодаря своему уму, опыту и знаниям, оказал нашей делегации ряд ценных услуг. Еще во время работы делегации Альтфатер писал т. Иоффе: „Я служил до сих пор только потому, что считал необходимым быть полезным России там, где могу, и так, как могу. Но я не знал вас и не верил вам. Я и теперь еще многого не понимаю в вашей политике, но я убедился... что вы любите Россию больше многих из наших. И теперь я пришел сказать вам, что я ваш". Весной 1918 г. Альтфатер был назначен членом коллегии народного комиссариата по морским делам. Осенью 1918 г. он был назначен первым командующим морскими силами и членом Реввоенсовета Республики. За год напряженной работы Альтфатеру удалось привести в порядок флот, реорганизовать его на новых началах и объединить лучшую часть офицерства, среди которой Альтфатер пользовался огромным авторитетом. Напряженная работа надломила здоровье Альтфатера, и в ночь на 20 апреля 1919 г. он умер от разрыва сердца.

заключение перемирия. Из всех комиссий, высланных для проведения в жизнь условий перемирия, только одной, предназначенной для северного фронта, удалось обосноваться в Двинске, комиссии же южного фронта не удалось еще пока перейти вражескую линию.

Перемирие было заключено для того, чтобы дать возможность России, с одной стороны, и четырем союзным державам, с другой, подписать мирный договор. Для этой цели в Брест-Литовске собрались делегации всех союзных государств В качестве представителя Германии туда приехал статс-секретарь фон Кюльман. К нему я был прикомандирован, как представитель верховного главнокомандования. Я был ему подчинен и имел только право высказывать пожелания или соображения верховного главнокомандования и в случае нужды протестовать против действий статс-секретаря. Я особенно подчеркиваю это обстоятельство, так как общественное мнение склонно возлагать всю ответственность за все, что произошло в Брест-Литовске, и в первую очередь за подписанный там мирный договор на верховное главнокомандование и на меня в качестве его представителя. Это неправильно. За ход переговоров и за заключение мира несут ответственность тогдашний имперский канцлер граф Гертлинг и статс-секретарь по иностранным делам.

Дунайскую империю представлял граф Чернин, умный, приятный человек, с расшатанными, к сожалению, нервами. Он был глубоко убежден в том, что Австро-Венгрия непременно распадется, если только нам не удастся достигнуть мира. Им владела одна только мысль, одно только желание— во что бы то ни стало притти к соглашению хотя бы только с Россией и привезти домой хоть один мирный договор.

Болгарская делегация возглавлялась министром Поповым. Незначительная личность, с маленьким политическим горизонтом, он, может быть, именно потому проявлял исключительное упрямство. Умный болгарский премьер Радославов, как и турецкий великий визирь Талаат, только потом появились на сцене. Пока что Турцию представляли турецкий посланник в Берлине, бывший великий визирь Хакки, необычайно ловкий и искусный дипломат, и министр иностранных дел Мессими-бей.

В состав русской делегации входили пока Иоффе, Каменев и профессор Покровский.

Разместить и прокормить многочисленные штаты всех делегаций (а их было свыше 400 человек) представляло, естественно, большие затруднения. С этими трудностями, однако, удалось справиться благодаря расторопности квартирной службы и начальников различных офицерских собраний. В бывшем русском театре был приготовлен большой зал для заседаний. Для переговоров, требовавших ограниченного количества участников, предназначалось помещение, в котором мы раньше вели переговоры о заключении перемирия.

Сейчас же после приезда Кюльмана и Чернина они меня пригласили на собеседование, которое должно было наметить наши первые шаги. В первую очередь речь шла об ответе, который мы должны были дать на русские мирные предложения, переданные, как и приглашение заключить перемирие, по радио „всем, всем, всем". В русских предложениях говорилось о необходимости заключить мир без аннексий.

Статс-секретарь Кюльман придерживался той точки зрения, что Германия может принять это предложение, если только оно приведет к тому, что к переговорам приступят и страны Антанты. Далее он высказал мысль, что урегулирование вопроса об окраинных государствах — Польше, Литве и Курляндии — не подпадает под понятие аннексий, так как законно созванные представители этих стран давно уже решили отделиться от России и предоставить вопрос о своем дальнейшем государственном устройстве на усмотрение Германии, т. е. серединных держав-союзниц. Граф Чернин тоже согласился с необходимостью подписать мир без аннексий, да иначе он не мог поступить, поскольку ему предстояло в будущем вступить в мирные переговоры с теми державами, которые решили расчленить Австро-Венгрию.

Итак, оба государственных деятеля сошлись на том, что они согласны без всяких ограничений подписать мир без аннексий, „если только и страны Антанты готовы на тех же условиях приступить к переговорам". Мне этот ответ не понравился. С одной стороны, он подлаживался под русский стиль, который мне претил, с другой же стороны, наш ответ содержал какую-то внутреннюю фальшь, так как он основывался на невыполнимом условии: „если только и страны Антанты" и т. д. Я считал более правильным считаться с реальным положением вещей и ответить русским, что мы

готовы заключить всеобщий мир — доказательством этого могут служить наши неоднократные мирные предложения и многочисленные резолюции, принятые германским рейхстагом. Поскольку же русская мирная делегация не имеет никаких полномочий выступать от имени других стран Антанты, речь в данном случае может итти только о сепаратном мире между Россией и срединными державами.

Я высказал статс-секретарю свои соображения, но он настаивал на своем. Так как непосредственно перед своей поездкой в Брест-Литовск Кюльман вместе с имперским канцлером посетил главную квартиру, то у меня были все основания предполагать, что там было достигнуто полное соглашение между верховной гражданской властью страны и верховным главнокомандованием, и я уступил.

Когда уже нужно было подписать ответ русским, мы встретили серьезные затруднения со стороны болгар. Министр Попов заявил, что при заключении союза с болгарами им были обещаны некоторые сербские области и Добруджа, поэтому они нисколько не намерены свести на нет это обещание своей подписью на ответе русским. Они, мол, вступили в войну исключительно ради аннексий, и отказаться от них они не желают. Напрасно Кюльман и Чернин расточали перед Поповым все свое красноречие. В сотый раз они ему доказывали, что наш ответ русским никого ни к чему не обязывает, что речь идет только о том, чтобы с самого начала произвести хорошее впечатление, что поскольку Франция и Англия сейчас не собираются приступить к переговорам, все наши теперешние декларации естественно теряют свою силу. Ничего не помогло, и Попов решительно отказывался дать свою подпись.

Генерал Ганчев, второй болгарский представитель, оказался податливее и легче поддался на дипломатические убеждения. Он послал царю Фердинанду подробное телеграфное донесение, и тот отдал приказ Попову подписать наш ответ. Мессими-бей тоже высказал некоторые соображения против ответа, но он быстрее согласился с доводами Кюльмана и Чернина, чем болгары. 24 декабря мы передали русским наш ответ. До этого мне удалось зачеркнуть в нем или изменить некоторые слишком на мой взгляд смиренные обращения.

Русские торжествовали и послали радостную телеграмму в Петербург. До начала переговоров нам еще осталось ждать 10 дней на случай, если страны Антанты также пожелали бы заключить с нами мир. Статс-секретарь Кюльман и Чернин предложили русским не терять зря времени и использовать эти 10 дней для работ комиссий, которые должны рассмотреть отдельные положения будущего договора. Русские с этим согласились. Иоффе же с несколькими участниками своей делегации решил использовать это время, чтобы еще раз съездить в Петербург. При этом он намекнул, что вернется, вероятно, оттуда в сопровождении народного комиссара по иностранным делам Троцкого.

Между тем из случайных разговоров я все более и более приходил к убеждению, что русские плохо поняли ответ наших дипломатов и рассчитывают, что мир без аннексий вернет им польские, литовские и курляндские губернии. В этом я еще более убедился после одного разговора, который произошел между майором Бринкманном и русским подполковником Фокке. Последний выразил разделявшиеся всеми русскими надежды, что непосредственно же за подписанием мира немецкие войска отступят к границам 1914 г. Я указал статс-секретарю, что считаю невозможным, чтобы русские уехали в Петербург с такими иллюзиями. Там они могут внушать мысль о том, что новый мир вернет им старые границы 1914 г., не только своему правительству, но и широким народным массам. Когда же выяснится, что наша нота была ложно истолкована, это может вызвать небывалое возмущение. Поэтому я придерживался того мнения, что наступил момент, когда необходимо разъяснить русским всю призрачность их радужных надежд, и изъявил готовность принять на себя эту миссию. Статс-секретарь и граф Чернин согласились с моими доводами.

За завтраком я обратился к сидевшему рядом со мной Иоффе и указал ему, что у меня создалось впечатление, что русская делегация совсем иначе понимает мир без аннексий, чем представители срединных держав. Последние придерживаются той точки зрения, что если некоторые части бывшей Российской империи добровольно через полномочные политические представительства выскажутся за отторжение от России и присоединение к Германии или другой державе, то это

вовсе не будет означать аннексию. В этом смысле высказались ведь сами русские власти в своих декларациях о праве народов на самоопределение, и этим правом могут воспользоваться Польша, Литва и Курляндия. Представительства этих трех народов уже высказались за отделение от России. Поэтому срединные державы не считают аннексией, если они совместно с представителями упомянутых народов определят их дальнейшую судьбу.

С Иоффе точно удар случился. После завтрака Иоффе, Каменев и Покровский, с одной стороны, Кюльман, граф Чернин и я, с другой, приступили к обмену мнениями, который продолжался несколько часов. Русские дали свободу своему разочарованию и возмущению. Покровский указал, что не может быть и речи о мире без аннексий, поскольку Германия собирается отторгнуть от России чуть ли не 18 губерний. В конце концов, русские стали угрожать отъездом и прекращением переговоров. Граф Чернин был вне себя. Он приехал с инструкциями от своего императора ни под каким видом не прерывать переговоров и на худой конец, если Германия зайдет слишком далеко в своих требованиях, заключить с русскими сепаратный мир. Он совершенно потерял самообладание и не только стал угрожать Кюльману, что Австрия заключит с русскими сепаратный мир, но с целью оказать давление на наше верховное главнокомандование направил ко мне в кабинет с той же угрозой своего военного советника Шишерича. Я совершенно отказывался понимать причину столь сильного возбуждения графа. На мой взгляд, не могло быть и речи о том, что русские прервут переговоры. Русский народ истосковался по миру, русская армия совершенно разложилась, и единственной возможностью удержаться большевикам у власти было заключение мира. Они должны были принять наши требования, как бы суровы они им ни показались.

Поэтому я совершенно спокойно ответил Шишеричу, что их угрозу заключить сепаратный мир я нахожу блестящей, так как я в таком случае получу обратно те 25 дивизий, которые мне пришлось отправить в Австрию для подкрепления ее фронта. Кроме того при заключении Австро-Венгрией сепаратного мира правый фланг германской армии автоматически будет покрыт нейтральной отныне Австрией, и это

значительно укрепит наше военное положение на Восточном фронте.

Статс-секретарь Кюльман тоже отнесся к австрийским угрозам весьма спокойно и хладнокровно. Он мне сообщил, что попросил у австрийцев изложить свои угрозы в письменном виде, и у меня создалось впечатление, что Кюльман не прочь иметь в своих руках документ, который он мог бы противопоставить слишком далеко идущим желаниям верховного главнокомандования. Возбужденный обмен мнениями и последовавший за ним обмен телеграммами не привели в этот день ни к каким результатам, и нам осталось только совершенно спокойно выжидать, вернутся ли русские из Петербурга, или же, как этого особенно боялся граф Чернин, они решатся на перерыв переговоров.

Воспользовавшись перерывом, граф Чернин поехал в Вену, а Кюльман — в Берлин. По его предложению, я последовал вместе с ним.

После моего доклада генералу Людендорфу последний принял меня очень нелюбезно и с возмущением задал мне вопрос:

— Как вы могли допустить такую ноту?

Я объяснил Людендорфу, что имел полное основание думать, что при посещении главной квартиры имперским канцлером и Кюльманом непосредственно перед началом мирных переговоров верховное главнокомандование, вероятно, пришло с ними к соглашению о тех главных принципах, которых необходимо было придерживаться во время переговоров. Людендорф сказал мне, что никакого соглашения не было, но признал, что я имел полное основание предполагать о существовании такого соглашения. Я и до сих пор не понимаю, как это они во время своего свидания 18 декабря не удосужились договориться о самом главном.

После моего доклада генералу Людендорфу я был представлен в замке Бельвю императору. Его величество очень интересовался всеми вопросами, касавшимися как заключенного перемирия, так и предстоявших мирных переговоров. Я должен был передать ему все подробности происшедших в Брест-Литовске событий и обрисовать ему попутно ряд деятелей, которые приняли участие в этих событиях. Потом я был приглашен к завтраку, после которого его величество

продолжал нашу беседу, пока разговор не зашел о наших польских затруднениях. Тут император попросил меня, чтобы я высказал свои соображения по польскому вопросу. Я замялся и попросил его величество принять во внимание то обстоятельство, что мои взгляды по этому вопросу расходятся со взглядами верховного главнокомандования, по отношению к которому я не желаю находиться в оппозиции.

— Когда ваш верховный вождь, — ответил его величество, — желает выслушать ваши соображения по какому-либо вопросу, вы должны высказаться совершенно спокойно, независимо от того, совпадают ли ваши взгляды со взглядами верховного главнокомандования, или нет.

Я был врагом такого разрешения польского вопроса, в результате которого мы приобрели бы новых подданных польской национальности. Несмотря на все мероприятия последних десятилетий, Пруссия до сих пор не переварила еще в своем котле тех польских подданных, которыми она уже обладала до войны. Приумножить число польских подданных не сулило нам никаких выгод и в будущем. Присоединить к Германии широкую пограничную полосу с почти 2-миллионным польским населением, как того хотелось верховному главнокомандованию, могло, на мой взгляд, принести нам в будущем большой вред. Новую польскую границу нужно было, по моему мнению, провести таким образом, чтобы нам досталось возможно меньше новых польских подданных. Нам нужно было добиться только небольшого исправления границы, как, например, прирезки некоторых полос земли у Бендзина и Торна, чтобы в случае новой войны неприятельская артиллерия не могла бы обстреливать верхне-силезские угольные копи или торнский вокзал. Далее я считал необходимым присоединить к Германии высоты под Млавой, которые дали бы нам возможность лучше защищать местность Сольдау, и, наконец, переход через Бобр у Осовца, который нам доставил во время кампании так много беспокойств. Это дало бы нам прирост польского населения почти в 100 тыс человек и больше ни одного польского подданного!

Его величество вполне согласился со мной.

2 января в главном штабе состоялось совещание между главой правительства и верховным главнокомандованием, после чего в замке Бельвю началось заседание тронного со-

вета. Я был приглашен на оба заседания. Несмотря на мои старания, мне не удалось заполучить генерала Людендорфа, чтобы с глазу на глаз сообщить ему о своей аудиенции у императора.

На тронном совете речь вскоре зашла о брест-литовских переговорах. Статс-секретарь Кюльман сделал доклад о положении и о своих дальнейших предположениях и встретил при этом полное одобрение со стороны его величества. После этого император взял слово и стал говорить о польском вопросе. На основании моего докладе он велел начертить на карте новую польскую границу и заявил, что считает ее вполне правильной. Он не может не считаться с теми серьезными доводами, которые я, по его требованию, выдвинул против проекта верховного главнокомандования, и поэтому он вынужден взять обратно данное им раньше согласие на этот проект. Против этого почти в резкой форме выступил генерал Людендорф. По его словам, решение его величества не может еще считаться окончательным, и он настоятельно просит еще раз выслушать доклад верховного главнокомандования по этому вопросу. К этой просьбе присоединился и фельдмаршал Гинденбург. Его величество положил конец этой почти мучительной сцене, заявив, что он будет ждать доклада верховного главнокомандования.

Итак, тронный совет не принял никаких твердых окончательных решений. Статс-секретарь не получил никаких ясных указаний относительно его дальнейшего поведения в Брест-Литовске, не был решен также и польский вопрос. Его величество одобрил только те шаги, которые Кюльман предпринял до этого, и уполномочил его действовать и дальше в том же духе.

Трудная проблема об окраинных государствах осталась висеть в воздухе. Верховное главнокомандование высказалось за быстрое завершение брест-литовских переговоров и за немедленное присоединение отторгнутых от России окраин к срединным державам. Кюльман же придерживался того мнения, что присоединение окраин должно произойти не в виде аннексии, а добровольным путем на основе права народов на самоопределение. С этим мы уехали 2 января вечером обратно в Брест-Литовск.

Мне было ясно, что генерал Людендорф весьма неодобрительно отнесется к моей точке зрения по польскому вопросу,

и я не ошибся. Уже на следующий день мне сообщили по телефону из Берлина, что Гинденбург и Людендорф угрожали отставкой и потребовали моего снятия. По польскому вопросу его величество уступил, но меня, как и следовало ожидать, он отстоял. Неприязнь верховного главнокомандования я вскоре почувствовал, получив из главной квартиры ряд распоряжений и запросов в такой форме, которая мне показала, что и великие деятели могут оказаться очень мелкими людьми.

В конце первой январской недели русские вернулись из Петербурга для продолжения переговоров. В то, что они вернутся, я нисколько не сомневался. Приехал и прежний глава делегации Иоффе, но уже в качестве рядового члена делегации. Руководителем же делегации стал теперь Троцкий. О причинах этой перемены приводили две версии. Согласно одной версии, Троцкий пришел в ярость по поводу того, что Иоффе не сумел сразу раскусить дипломатическую тонкость в ответе срединных держав и просто уволил его. Он его захватил с собой только для того, чтобы использовать приобретенные Иоффе в течение его долгого пребывания в Брест-Литовске личные связи и знакомство его с городом. По другой версии, Иоффе действительно был возмущен двусмысленным ответом срединных держав и отказался продолжать переговоры. Только по настоятельным просьбам Троцкого он против своей воли согласился сопровождать делегацию, чтобы дать русским возможность использовать его личные связи.

Троцкий несомненно был интереснейшей личностью в среде нового русского правительства. Это был умный, многосторонне образованный, весьма энергичный, работоспособный человек, одаренный большим ораторским талантом. Он производил впечатление человека, который точно знает, чего он хочет, и не останавливается ни перед чем, чтобы достигнуть своей цели. Впоследствии было очень много споров о том, действительно ли собирался Троцкий заключить с нами мир, или же он просто приехал в Брест-Литовск для того, чтобы найти там большую арену для пропаганды большевистских идей. Хотя в течение ближайших недель пропаганда стояла в центре мирных переговоров, я все же думаю, что Троцкий в начале действительно пытался притти к какому-нибудь соглашению и только потом, загнанный Кюльманом в тупик, он решился на театральный жест, объявив, что Россия вы-

ходит из состояния войны, но не принимает наших мирных условий.

Еще до начала переговоров в Брест-Литовск явилась новая группа мирных делегатов. Это были посланные радой представители украинского народного правительства. На основании декларации петербургского советского правительства о праве народов на самоопределение, представители рады приехали в Брест-Литовск для заключения сепаратного мира от имени Украины. Кюльман и я приняли украинцев с радостью, так как их можно было использовать против петербургской делегации. Графу же Чернину делегаты рады доставили новую заботу, ибо можно было предполагать, что украинцы выдвинут требования, касающиеся политических прав украинцев, живущих в Буковине и в Восточной Галиции.

С приездом Троцкого прекратилось непринужденное общение между делегатами различных лагерей вне заседаний. Троцкий попросил, чтобы пища доставлялась русским делегатам на их квартиры, и запретил им всякое общение и частные разговоры с представителями неприятельских держав.

К началу переговоров произошло небольшое столкновение. Брест-литовская арена показалась господину Троцкому недостаточно обширной для пропаганды, и поэтому он потребовал перенесения переговоров в Стокгольм. Выдвигая это требование, Троцкий в первую очередь руководствовался тем, что в Брест-Литовске, где расположен штаб фронта, ему не удастся притти в непосредственное соприкосновение с враждебными срединным державам элементами. С помощью этих элементов он мог бы распространять свои зажигательные речи среди широких слоев германского народа. Само собой разумеется, что мы отклонили требование Троцкого. Тогда начался словесный бой между Троцким и Кюльманом, длившийся несколько недель. Постепенно всем стало ясно, что главной целью Троцкого является распространение большевистских идей, что он произносит все свои речи через наши головы и что он и не думает о какой бы то ни было деловой работе. Наряду со своими речами Троцкий выпускал по радио обращения ко „всем, всем, всем", которые призывали к возмущению, непослушанию и убийству офицеров. Я заявил решительный протест против этого. Троцкий обещал прекратить свои призывы, но, несмотря на это обещание, продолжал выпускать

свои радио. Переговоры все более и более удалялись от реальной базы и превратились в какую-то теоретическую дискуссию. При этом тон Троцкого с каждым днем становился все агрессивнее. Поэтому я однажды указал Кюльману и графу Чернину, что при таком положении вещей мы никогда ни до чего не договоримся и что необходимо вернуть переговоры на реальную почву. Я вызвался при ближайшей же возможности указать русской делегации на истинное положение вещей и напомнить ей, для какой цели мы собрались в Брест-Литовске. Как всегда, статс-секретарь вполне согласился со мной. Граф же Чернин, нервы которого расходились с каждым днем, так как он нисколько не продвинулся к своей цели любой ценой привезти мир в Вену, начал высказывать какие-то соображения против моего предложения. Он все еще надеялся покорить господ большевиков любезностями и дипломатическим искусством. В конце концов, сдался и Чернин. Мы договорились, что при первом же удобном случае Кюльман предоставит мне слово, и я выскажу русским делегатам то, считаю необходимым им сказать.

Этот случай представлялся гораздо скорее, чем мы думали. На следующий день, по приказу Троцкого, его зять Каменев произнес речь, от которой у всех сидевших за столом офицеров кровь ударила в голову. Эта речь была исключительно нахальна, и русские могли бы ее произносить только в том случае, если бы германская армия была разбита и русские войска победоносно вступили бы на германскую территорию.

При взгляде на статс-секретаря я убедился, что и его терпение лопнуло. Он предоставил мне слово, и я изобразил перед русскими настоящее положение вещей. Я обрисовал им все их злодеяния и решительно заявил, что германское верховное главнокомандование считает вопрос об окраинных областях решенным: мы стояли на той точке зрения, что законно созванное представительство этих областей высказалось за отделение от Советской России, и перерешать этот вопрос считали бесцельным. Свою речь, впрочем, я произнес сидя и совершенно спокойно. Я ни разу не повышал голоса и вопреки всяким легендам ни разу не ударял кулаком по столу.

Когда я кончил, наступило глубокое молчание. Даже г. Троцкий в первый момент не нашел ни одного слова для возражений. Он только пробормотал, что все мои утвержде-

ния совершенно не соответствуют действительности. Заседание было скоро прервано.

В действительности же моя речь не произвела такого большого влияния, как я ожидал. На ближайшем заседании Троцкий ограничился несколькими ничего незначащими фразами и заявил, что моя речь является выражением германского милитаризма. В дальнейшем он так же избегал приступить, наконец, к практической работе и продолжал выкидывать свои диалектические штуки. К сожалению Кюльман также не воспользовался моей речью, чтобы потребовать, наконец, практической работы.

Через начальника оперативной части я дал знать генералу Людендорфу содержание своей речи и попросил его, чтобы он сообщил мне свое мнение по этому вопросу. Генерал Людендорф одобрил мою позицию и поручил мне приложить все усилия, чтобы ускорить переговоры и притти к какому-нибудь результату. Поскольку я своим выступлением во время переговоров с Троцким не добился ничего, мне осталось испробовать другой путь, а именно переговоры с украинской делегацией.

Украинские делегаты находились в оппозиции к Троцкому вовсе не под нашим давлением. Они вместе с нами столовались в офицерском собрании и совершенно спокойно говорили о своих желаниях и стремлениях. У меня создалось такое впечатление, что с ними быстро можно будет столковаться. Поэтому я предложил свое посредничество графу Чернину, который, естественно, являлся самым подходящим лицом для ведения переговоров с Украиной. При этом я исходил из того соображения, что заключение сепаратного мира между Украиной и срединными державами заставит и Троцкого на что-нибудь решиться. Молодые представители киевской центральной рады были глубоко несимпатичны графу Чернину, и ему было чрезвычайно неприятно вступить на равной ноге в переговоры с сошедшими со студенческой скамьи г. г. Любинским и Севрюком. Я предложил графу уполномочить меня выяснить в частной беседе с украинцами, на каких условиях они готовы заключить с нами сепаратный мир. Граф Чернин на это согласился. После некоторого давления с моей стороны оба украинца высказали свои пожелания. Они потребовали присоединения к Украине Холмщины, а также Буковины и русинской части Восточной Галиции.

Так как создание самостоятельного польского государства я всегда считал да и теперь считаю утопией, мне ничего не стоило обещать украинцам свою поддержку в вопросе о присоединении к Украине Холмщины. Зато требование о присоединении австро-венгерской области я считал просто дерзостью и без всякого стеснения высказал это в резкой форме господам украинцам. Повидимому, украинцы ожидали такого ответа. По крайней мере, они в очень вежливой форме ответили мне, что на основании наших переговоров они затребуют из Киева новых инструкций.

Положение графа Чернина в это время было чрезвычайно трудно, ибо вследствие непредусмотрительности австро-венгерского правительства в Вене внезапно наступила продовольственная катастрофа. Чтобы спастись от голода, пришлось обратиться за помощью к Берлину. Несмотря на собственную нужду, Берлин помог, и этим самым мы лишили графа Чернина возможности угрожать нам заключением сепаратного мира с Троцким. С другой стороны, граф Чернин ухватился за возможность заключить с украинцами „хлебный мир", между тем как я смотрел на переговоры с украинцами только как на средство оказать давление на Троцкого. Плохо для Австрии было то, что ее тяжелое положение не могло укрыться от украинских делегатов.

Последние тем временем получили новые инструкции из Киева, которые они мне передали во время ближайшей же нашей беседы. На Холмщине они настаивали категорически. От части Восточной Галиции и Буковины они готовы были отказаться только при том условии, чтобы из этих областей была составлена самостоятельная австро-венгерская коронная территория под владычеством Габсбургов. У меня создалось впечатление, что украинцы прекрасно осведомлены о затруднительном положении графа Чернина и поэтому они от своих требований не отступятся. У Чернина были затруднения двоякого рода: если бы он согласился на присоединение Холмщины к Украине, он рискнул бы этим навлечь на себя смертельную ненависть со стороны Польши, если же он согласится на образование коронной территории с русинским населением, то он тем самым поставит вопрос о праве народов на самоопределение перед многонациональным населением Австро-Венгрии. Отделение же Холмщины без опроса ее населения

было бы грубым нарушением этого права народов на самоопределение.

После двухдневного перерыва, вызванного болезнью Чернина, он уполномочил меня продолжать переговоры с украинцами и по возможности притти с ними к соглашению. Тем временем переговоры с Троцким продолжались без всякого результата.

Повидимому, русский народный комиссар заметил опасность, которую представляли для него наши сепаратные переговоры с украинцами, ибо он неожиданно заявил, что украинские делегаты, которых он до тех пор признавал, не уполномочены вести самостоятельные переговоры от имени Украины, так как еще не установлены границы между Советской Россией и Украиной. Троцкий заявил, что по этому, а также и по некоторым другим вопросам он должен посовещаться в Петербурге со своим правительством. В виду этого он предложил снова прервать переговоры на несколько дней, чтобы он мог съездить в Петербург.

Разумеется, не эти соображения послужили основанием для его поездки в Петербург. Я полагаю, что он просто хотел убедиться, насколько за это время укрепилась в столице большевистская власть и удостовериться на месте, действительно ли народ жаждет во что бы то ни стало заключить настоящий мир со срединными державами, или же можно рискнуть прекратить переговоры последовавшим в дальнейшем театральным жестом. Статс-секретарь Кюльман поехал в Берлин, чтобы там отчитаться перед рейхстагом, а граф Чернин поехал в Вену, чтобы добиться там согласия на предложенные украинцами мирные условия.

В первых числах февраля в Брест-Литовск вернулись все делегаты, и Троцкий попытался тогда использовать последнее средство, чтобы предотвратить заключение сепаратного мира между нами и Украиной. Он привез с собой двух украинцев, Медведева и Шахрея, уполномоченных на ведение мирных переговоров не центральной радой, а новым образовавшимся в Харькове большевистским правительством. Представители центральной рады протестовали против этого шахматного хода, и дело дошло до весьма оживленных столкновений между украинскими и русскими делегатами. В своей прекрасной речи Любинский привел целый синодик большевистских грехов.

Отвечая Любинскому, Троцкий ограничился лишь указанием на то, что власть центральной рады пала, и если ее делегаты и представляют какую-нибудь территорию, то она ограничивается лишь их комнатой в Брест-Литовске.

По полученным мной донесениям о положении на Украине, слова Троцкого, к сожалению, не были лишены основания. Большевизм на Украине победил, центральная рада и временное украинское правительство бежали. Несмотря на эти временные затруднения украинского правительства, статс-секретарь Кюльман и граф Чернин твердо решили его поддерживать. „Временными" эти затруднения могли считаться только в том случае, если бы мы решили оказать бежавшему правительству вооруженную помощь и снова вернуть его к власти. Поэтому Кюльман и граф Чернин отказались иметь дело с новыми привезенными Троцким украинскими представителями, ссылаясь на то, что сам Троцкий в начале января признал первую украинскую делегацию полномочными представителями украинского народа.

Я в те дни с удивлением наблюдал за молодыми украинцами. Они прекрасно знали, что ничего не имеют за собой, кроме возможной немецкой помощи; они прекрасно отдавали себе отчет в том, что их правительство представляет собой фиктивное понятие. И все же в своих переговорах с графом Черниным они твердо держались своих ранее выставленных условий и не уступали ему ни на иоту.

Мир с Украиной был подписан. Это было тяжелым ударом для Троцкого, ибо он прекрасно понимал, что и переговоры, которые он вел, должны когда-нибудь прийти к концу.

Между тем, несмотря на мои протесты и на заверения Троцкого, он продолжал выпускать свои пропагандистские воззвания ко „всем, всем, всем" и особенно к войскам. Как раз тогда появилось воззвание, призывавшее солдат к убийству своих офицеров. Если до тех пор требование о завершении переговоров с Троцким выставляло только верховное главнокомандование, то теперь статс-секратарь Кюльман получил телеграмму от самого его величества с требованием предъявить Троцкому 24-часовой ультиматум. Однако, как раз в тот момент у Кюльмана создалось впечатление, что с Троцким удастся договориться, ибо под давлением заключенного мира с Украиной Троцкий как будто был готов поставить во-

прос о мире на практическую почву. Он даже запросил Кюльмана, нельзя ли каким-нибудь путем вернуть России Ригу и прилегающие к ней острова.

Положение Кюльмана было весьма затруднительным. Без всякой проволочки он телеграфировал в Берлин, что считает момент для предъявления ультиматума весьма неудачным и поэтому он настойчиво советует от ультиматума воздержаться. Если же его величество настаивает на ультиматуме, то правительству придется позаботиться о другом статс-секретаре. Он будет ждать до $4^1/_2$ часов пополудни, и если до того времени не поступит никаких распоряжений, он продолжит переговоры по старому. До $4^1/_2$ часов не поступило никаких распоряжений, и Кюльман спрятал ультиматум в карман. Он попытался тогда ухватиться за рижские требования Троцкого и с этой целью направил к главе русской делегации фон Розенберга с просьбой, чтобы Троцкий изложил в письменном виде свою готовность заключить мир при условии возвращения России Риги и прилегающих островов. Если Троцкий согласится, то можно будет на этой базе повести дальнейшие переговоры. После некоторого раздумья Троцкий отклонил это предложение. Все же он убедился в том, что одними речами и бесплодными разговорами он далеко не уйдет и что мы требуем от него решительных предложений. Он считал также, что достаточно использовал уже свое пребывание в Брест-Литовске в целях пропаганды, и поэтому он решил прервать переговоры самым эффектным образом. На заседании от 10 февраля Троцкий заявил, что он не намерен подписать никакого мира, но что Россия выходит из состояния войны, распускает свою армию по домам и объявляет о своем решении всем народам и государствам.

После декларации Троцкого на конгрессе наступило глубокое безмолвие. Растерянность была всеобщая. Еще в тот же вечер между германскими и австро-венгерскими дипломатами состоялось совещание о создавшемся положении. На это совещание был приглашен и я. Дипломаты единодушно пришли к убеждению, что необходимо принять русскую декларацию, ибо хотя она и не означает заключения формального мира, но все же фактически мирное состояние между народами достигнуто. Единственный, кто протестовал против этого, был я. Мы заключили с русскими перемирие с определенной целью

подписать после соответствующих переговоров мирный договор. Поскольку этот договор не заключен и, цель перемирия не достигнута, последнее автоматически прекращается, и должны быть возобновлены военные действия. На мой взгляд, декларация Троцкого означала отказ от перемирия и больше ничего.

Мне не удалось убедить дипломатов в правильности моей точки зрения. Один из сотрудников графа Чернина, делегат фон Виснер, успел даже в соответствии с общим настроением дипломатов телеграфировать в Вену, что мир с Россией достигнут. О результатах совещания я сообщил в главную квартиру и получил оттуда уведомление, что верховное главнокомандование вполне разделяет мою точку зрения. Как известно, верховное главнокомандование сумело отстоять эту точку зрения перед германским правительством и министерством иностранных дел.

На восьмой день после перерыва мирных переговоров, наша армия возобновила наступление. Деморализованные русские войска не оказали нам никакого сопротивления. О каких-нибудь войсках, вообще, не могло быть и речи. Мы натыкались только на замешкавшиеся штабы, основная же масса войск ушла уже домой. Вся Лифляндия и Эстляндия были наводнены бежавшими солдатами. Везде население, и не только прибалтийские немцы, но также латыши и эстонцы, приветствовало наши войска как избавителей от большевистского террора.

На второй же день после начала наступления мы получили радио из Петербурга, что русские согласны возобновить переговоры и заключить мир и просят приостановить наступление. Потребовалось очень мало времени, чтобы жизнь разбила все теории Троцкого. Немецкие войска продолжали только свое продвижение до Пейпусского озера и Нарвы, чтобы освободить своих прибалтийских соотечественников от большевистских насилий. В остальном наше наступление было приостановлено, и мы ответили русским, что они могут прислать в Брест-Литовск полномочную делегацию для заключения мира. Немедленно же прибыла такая делегация во главе с Сокольниковым. Скоро прибыли в Брест-Литовск и разъехавшиеся по всем направлениям представители четверного союза. Однако, как и среди русских, так и с нашей стороны в составе делегаций произошла полная перемена. Кюльман, Чернин, Талаат и Радославов уехали тем временем в Бухарест, чтобы

вступить в мирные переговоры с Румынией, и послали в Брест-Литовск своих представителей. Со стороны Германии приехал фон Розенберг.

Переговоры и на этот раз происходили очень своеобразно. Розенберг на первом же заседании предложил рассмотреть привезенный им мирный договор по пунктам. Сокольников же попросил, чтобы ему прочли весь договор сразу. После зачитывания договора Сокольников заявил, что он отказывается обсуждать каждый пункт в отдельности и что русские готовы сейчас же подписать весь договор. Единственным основанием для такого заявления послужило, повидимому, желание русских еще более подчеркнуть то обстоятельство, что они вынуждены подписать „насильственный мир". Так как впоследствии при пропаганде против насильственного характера брестского мира неоднократно указывалось, что я был одним из его главных вдохновителей, я хочу еще раз подчеркнуть, что не имел никакого отношения к выработке условий мира. Наоборот, о содержании договора я узнал только при его зачитывании в присутствии русской делегации. Окончательное принятие договора Сокольниковым произошло на частном заседании дипломатов, на котором я даже не присутствовал.

Само собой разумеется, наибольшую пропаганду о „насильственном" характере договора развила пресса Антанты. Я хотел бы поэтому предложить Антанте вопрос, почему она, выиграв войну и перекроив всю политическую карту Европы, не изменила заодно и условий брестского мира? Наоборот, брестский мир получил всеобщее признание, и его основные положения остались в силе. Антанте и в голову не пришло вернуть России, своему прежнему союзнику, Польшу, Литву, Латвию, Эстонию и Бессарабию. Единственное, что Антанта сделала, это то, что она изменила политические взаимоотношения отторгнутых от России областей.

Тем временем мы были вынуждены взяться за оружие и в южной части Восточного фронта. Как уже указывалось выше, русское большевистское правительство предприняло борьбу против Украины и ее рады. Украинское правительство было низложено.

Если срединные державы хотели получить хлеб, который им сулил „хлебный мир" с Украиной, то этот хлеб нужно было еще завоевать с оружием в руках. Впрочем, после

заключения мира украинские делегаты нисколько не скрывали отчаянного положения своего правительства и открыто обратились к Германии с просьбой о поддержке. Что мы не можем отказаться от исполнения этой просьбы, было для меня логически ясно с самого начала. Кто сказал „а", должен сказать „б". Раз мы признали украинское правительство правомочным и заключили с ним мирный договор, мы должны были также заботиться о том, чтобы этот договор провести в жизнь, а для этого мы должны были в первую очередь оказать поддержку правительству, с которым мы находились в договорных отношениях.

Наши войска вступили поэтому в Украину. Наступление велось вдоль железных дорог и протекало довольно быстро. Все же в некоторых местах мы встречали сопротивление со стороны большевистских банд, пришедших сюда для завоевания Украины, и со стороны чехо-словацких частей, с которыми мы впервые вошли в соприкосновение. Все же сопротивление было повсеместно сломлено, и мы прошли через всю Украину вплоть до донских степей.

Австро-венгерские войска сначала не присоединились к нашему наступлению. Правительство Австро-Венгрии жаждало мира и окончания борьбы и очень неохотно дало себя убедить в том, что при сложившихся обстоятельствах необходимо было еще завоевать тот хлеб, в котором Австрия нуждалась еще более, чем Германия. Поэтому мы предприняли наступление самостоятельно. Вскоре однако за нами выступили и австрийцы. Между обеими армиями начались даже протекавшие не без трений гонки к великой цели. В то время как Киев находился в бесспорной сфере влияния Германии, австрийцы обосновались в одесскем районе.

Одно из условий мирного договора с Советской Россией касалось, естественно, и возобновления дипломатических отношений. За это время я слишком хорошо изучил большевиков, чтобы убедиться в том, какую опасность таит в себе учреждение большевистского посольства в Берлине и большевистских консульств, которые неминуемо превратятся в центры большевистской пропаганды. Большевики со своей стороны также ни секунды не сомневались в том, что их главной целью является мировая революция, и что первым шагом к достижению этой цели явилась бы революция в Германии.

Они пользовались для пропаганды каждым удобным случаем. Пытался же небезызвестный Радек в качестве члена мирной делегации разбрасывать из окна поезда агитационные листовки к нашим солдатам. Я настойчиво поэтому предостерегал против принятия в Берлин большевистского посла. О своей точке зрения я доложил верховному главнокомандованию и предложил на все время военных действий учредить оба посольства, как русское, так и германское, при главнокомандующем Восточным фронтом. Здесь я был бы в состоянии помешать слишком энергичной деятельности господина Иоффе. По крайней мере, здесь можно было помешать его слишком интимным связям с германскими коммунистами. Насколько мне известно, верховное главнокомандование согласилось с моими доводами, но встретило сопротивление со стороны министерства иностранных дел. Его превосходительство Криче клялся и божился в добрых намерениях Иоффе и горел нетерпением закончить с ним в Берлине начатые еще в Брест-Литовске некоторые переговоры. Дальнейшие события показали всю основательность моих опасений. Статс-секретарь Зольф слишком поздно разбил ящик с пропагандистскими листовками и закрыл сарай тогда, когда корову оттуда успели уже выкрасть.

14. 1918 год.

С окончанием нашего наступления на Украину военная деятельность главного командования Восточного фронта была в общем закончена, ибо небольшие стычки с большевистскими бандами не доставляли нам особых хлопот. Административной работы у нас было не так много, чтобы полностью поглотить время мое и всех членов штаба фронта. К тому еще генерал Людендорф отбирал у нас одну отрасль работы за другой. Таким путем генерал Грэнер был откомандирован в Киев, чтобы там образовать германо-украинскую торговую организацию. На бумаге эта организация показалась всем блестящей, но результаты ее оказались сравнительно ничтожными. Преувеличила ли в свое время украинская делегация запасы хлеба в стране, или же украинский крестьянин просто прятал свой хлеб, вероятно, никогда уже не удастся выяснить. Я полагаю, что вернее последнее предположение. Так или

иначе, нашей организации не удалось собрать больших запасов. Я полагаю, что если бы мы отказались от громоздкой центральной организации, а просто поручили бы еврейским торговцам закупать для нас хлеб на основе свободной торговли, мы бы добились более существенных результатов. Главное командование Восточного фронта было лишено также всякого влияния на политические дела в Киеве. На свержение прежнего украинского правительства и водворение гетмана Скоропадского главное командование не оказало ни малейшего влияния.

Таким же образом складывались дела и в Прибалтике. У главного командования Восточным фронтом любезно попросили не вмешиваться в местные дела и расположить 8-ю армию согласно планам верховного главнокомандования в Прибалтийском крае. Вновь назначенный начальником штаба этой армии подполковник Кранц снискал особое доверие генерала Людендорфа. Теперь принято критиковать германскую политику на русских окраинах, ибо дальнейшие события поставили крест над всеми мероприятиями, которые Германия провела в этих областях. Я хочу только заметить, что я лично считал неправильной идею отторжения от России всего Прибалтийского края. Великодержавная Россия, а таковой русское государство станет и в будущем, никогда не примирится с тем, что у нее отняли Ригу и Ревель, эти ключи к ее столице — Петербургу. К тому же процент немецкого населения в Лифляндии и Эстонии не так уж велик, чтобы превратить их в чисто-немецкие провинции.

1 мая 1918 г. главное командование Восточным фронтом перенесло свою ставку в Ковно. Туда же переехало и гражданское управление. На южном участке фронта нам больше нечего было делать, из внутренних же соображений нам было очень желательно снова объединить весь штаб.

Между тем до начала марта закончилась отправка всех боеспособных частей с Восточного фронта на Западный. Впервые за все время кампании у нас было на Западном фронте преимущество в силах перед противником. Теперь генералу Людендорфу предстояло решить вопрос: должен ли он использовать это преимущество в силах для решительного наступления против войск Антанты, а если да, то каким путем и где именно предпринять это наступление? Из опыта всех

предыдущих наступлений, которые Антанта предпринимала против нас со значительно превосходными войсками и военными материалами и не считаясь с огромными потерями, некоторые германские командиры делали тот вывод, что и наше большое наступление закончится без существенного успеха. Пожалуй было бы благоразумнее, имея в тылу мирную Россию, из которой мы могли бы получать продовольствие и сырье, не предпринимать наступления на Западном фронте, а лучше выждать наступления Антанты. Однако, у нас не было необходимых предпосылок для такой тактики. Вести, которые к нам доходили из России, становились с каждым днем все безутешнее. Поэтому если бы мы решились держаться на Западе выжидательной тактики с тем, чтобы получать все необходимое с Востока, то прежде всего нам необходимо было создать в России такие условия, которые дали бы нам возможность осуществить этот план. В главное командование Восточным фронтом со стороны различных кругов русского населения поступали ежедневно мольбы о помощи. Большинство наших делегаций в России высказывалось в том смысле, что мы не можем безучастно наблюдать за всеми ужасами большевизма. Многим, однако, казалось, что нам трудно будет решиться расторгнуть заключенный уже мирный договор и снова направить оружие против России. Я открыто признаюсь, что в первое время такое решение не удовлетворяло и меня. Русский колосс уже в течение 100 лет слишком тяжело давил на Германию, чтобы мы не могли с чувством известного облегчения наблюдать за тем, как под влиянием революции и хозяйственной разрухи былая мощь России постепенно разрушается. Однако, чем больше я узнавал о большевистских насилиях, тем все более и более я менял свою точку зрения. Как честный человек, я не мог допускать, чтобы мы безучастно наблюдали за истреблением целого народа. В виду этого я завязал сношения с различными представителями прежнего русского правительства. Кроме того дело дошло до того, что военные действия на Востоке, несмотря на все наши старания, не прекратились. Там и сям мы наталкивались на различные большевистские банды, перестрелки стали обыденным явлением, намерения чехо-словацких легионов были нам совершенно неясны. Как это всегда бывает на войне, нам доставляли сильно преувеличенные сведе-

ния об их численности и стремлениях. Нам передавали, что чехо-словацкие легионы, пользуясь поддержкой Англии, наступают с востока на Москву, чтобы произвести там государственный переворот. Этим самым Германия снова окажется в кольце. В виду этого с начала 1918 г. я стал придерживаться той точки зрения, что нам необходимо внести в положение на Востоке полную ясность. Другими словами, нам необходимо было предпринять наступление на Москву, посадить там другое правительство, предложить новому правительству более приемлемые мирные условия, чем брест-литовский договор (в первую очередь, ему можно было бы уступить Польшу) и потом заключить с этим новым правительством союз. Мы не нуждались для этой операции ни в каких подкреплениях. Наш новый военный атташе в Москве майор Шуберт, который первый высказался за решительное выступление против большевиков, полагал, что для водворения порядка в Москве и создания там нового правительства достаточно иметь всего два батальона. Если даже я считал, что предположения Шуберта слишком оптимистичны, то все же для наступления на Москву нам вполне хватило бы тех дивизий, которые еще имелись в нашем распоряжении. У Ленина и Троцкого тогда еще не было Красной армии. У них достаточно было хлопот по разоружению солдат старой армии и отправке их домой. Вся их власть опиралась на несколько латышских батальонов и на кучку вооруженных китайских кули.

Свергнуть большевистское правительство, на мой взгляд, не стоило бы никаких особых усилий. Для этого достаточно было бы занять линию Смоленск — Петербург, образовать в Петербурге новое правительство, которое должно было пустить слух, что наследник цесаревич жив, назначить последнему регента и привезти временное правительство в Москву. В качестве регента я наметил великого князя Павла, с которым главнокомандующий Восточным фронтом вступил в сношения через зятя великого князя полковника Дурново. Вся эта комбинация избавила бы Россию от ужасов голода и холода и спасла бы жизнь миллионам людей. Несомненно, что если бы германское правительство и верховное главнокомандование решились бы на такую операцию до наступления Людендорфа на Западном фронте в марте 1918 г., мы получили бы колоссальные результаты.

Генерал Людендорф пренебрег возможностью создания нормальных условий на Востоке, заключения союза с новым русским правительством и выжидательной тактики на Западном фронте. Он решил добиться развязки путем решительного наступления на Западном фронте и нисколько не сомневался в том, что наступление закончится победой германского оружия. Правда, при этом необходимо принять во внимание, что при выжидательной тактике на Западе, как это указывалось при принятии решения о наступлении, нам могли угрожать в будущем две опасности: постепенное усиление американских войск и грозная перспектива, что неприятелю удастся применить у себя наши газовые средства. Поэтому ни один военный критик ничего не может возражать против этого наступления. Все несчастье только в том, что наступление было проведено не там, где можно было бы прорвать неприятельский фронт, и к тому же против этого пункта не были использованы все имевшиеся в наличности силы. Наступление необходимо было повести против южной группы английских войск севернее Соммы. Против этого пункта необходимо было бросить все силы. Вместо этого мы повели наступление севернее и южнее Соммы.

И все же, как это видно из появившейся в 1922 г. брошюры капитана Райта: „Как это произошло", во время мартовского наступления Германия была очень близка к победе и к благополучному окончанию войны. Поскольку, однако, не удалось захватить Амьен и разъединить французскую армию с английской, мы действительно были близки к победе, но победы все-таки не добились. Наше наступление постигла участь многочисленных наступлений Антанты — оно лишь долбило неприятельский фронт, но не прорвало его.

Армия, которой верховное главнокомандование располагало весной 1918 г., была безусловно в хорошем состоянии. Доказано, что коммунисты и социалисты употребляли все усилия, чтобы подорвать дух войска. По свидетельству сотен офицеров, с которыми я впоследствии беседовал, эта агитация все-таки большого влияния на солдат не оказала. В тылу дело обстояло хуже. Получивший здесь большое распространение агитационный яд лишь постепенно распространялся среди действующей армии, и только под влиянием ожесточенных боев летом 1918 г.

эта агитация привела к разложению самой мощной армии, которую когда-либо знала мировая история.

В тот момент, когда верховное главнокомандование убедилось в том, что Амьена нам не занять и что, следовательно, прорыв союзного фронта не удался, оно должно было понять, что Германии уже нечего рассчитывать на решительную победу. Если первая попытка, предпринятая с многочисленными и хорошими войсками, не привела к успеху, то дальнейшие наступления, которые можно было предпринимать с непрерывно уменьшающимися силами, также не дадут никаких результатов. В тот же день, когда верховное главнокомандование отдало приказ приостановить наступление на Амьен, оно было обязано дать знать правительству, что никаких видов на окончание войны решительной победой уже нет и что наступило время, когда необходимо завязать мирные переговоры.

Я точно не знаю, была ли возможность в апреле 1918 г. заключить почетный мир, но все же я думаю, что такая возможность была. По крайней мере, более выгодного мира, чем версальский, мы наверное могли бы добиться. Во всяком случае необходимо было отказаться от дальнейших наступлений. Они нам стоили огромных потерь людьми и припасами. Но и теперь еще не прошло время для осуществления русских планов главного командования Восточным фронтом. Если бы мы в мае или в июне создали в России новое правительство, заключили бы с ним союз, держались бы оборонительно на Западном фронте и сделали бы мирные предложения, которые гарантировали бы восстановление Бельгии и уступку Франции некоторых округов Лотарингии, то я сомневаюсь, чтобы правительства стран Антанты при таких условиях очень настаивали на продолжении войны.

Продолжение наступления потребовало принятия таких мер, которые гибельно отразились на боеспособности и духе войска. Отдельные дивизии оставались в боях на передовых позициях слишком долго без смены, и верховное главнокомандование выцарапывало отовсюду, где только можно было, отдельных бойцов. Таким путем были извлечены из дивизий Восточного фронта и отправлены на Запад все солдаты более молодых призывов. Особенно тяжело при этом пострадала артиллерия. Из каждой батареи забрали всех более или менее боеспо-

собных солдат. Я убежден, что именно это вкрапливание отдельных людей с Восточного фронта в западные войска вызвало такие печальные последствия. Большевистская пропаганда несомненно оказывала свое действие. Если старая дисциплина еще поддерживала наши части в целом, и на каждый отдельный отряд еще можно было полагаться, то уж никак нельзя было предотвратить, чтобы отдельные люди, озлобленные тем, что их вырвали из войсковых частей и со спокойного фронта отправили на новые бои, разносили бы по всему Западному фронту большевистскую заразу.

Точно так же, как генерал Людендорф не хотел признать, что после неудачного мартовского наступления Германия потеряла всякие виды на решающую победу, он равным образом не хотел считаться с угрожающими симптомами на фронтах наших союзников. Туркам удалось еще в апреле и в мае отбить английское наступление у Иерусалима и удержать свои позиции, однако перевес англичан становился с каждым днем очевиднее. Маршал Лиман фон Сандерс ясно отдавал себе отчет в тех событиях, которые должны были разразиться не позже осени. Он требовал помощи, но германское верховное главнокомандование не прислушивалось к его голосу. Так же мало было обращено внимания на те предостережения, которые исходили из болгарского фронта. Для большого сражения на Западном фронте Германия сняла все свои войска до последнего батальона с македонского фронта. Победа Германии на Западе естественно спасла бы и болгарский фронт. Поскольку, однако мы победы не добились, верховное главнокомандование должно было, по крайней мере, летом 1918 г. позаботиться о подкреплении болгарского фронта германскими войсками. Для этой цели можно было бы брать военные части с Восточного фронта. Наши дивизии на Восточном фронте, скомплектованные из старого ландвера и ландштурма, были, правда, непригодны для Западного фронта, но зато я убежден, что на болгарском фронте они вполне справились бы со своей задачей.

Так мы безнадежно катились в пропасть. Хуже всего было то, что никто в стране не знал, насколько наше положение серьезно. Победные донесения верховного главнокомандования после мартовского наступления, в результате которых на долю руководителей главной ставки и отдельных командиров выпали большие почести и награды, создали впечатление, что

все обстоит благополучно, не только среди населения, но также и среди войска. Мы ничего не знали, как и не знал сам главнокомандующий Восточным фронтом, ни о тех больших потерях, которых нам стоили наши наступления, ни о том, что Германии уже неоткуда эти потери покрыть. Все в армии были убеждены в том, что на самый худой конец нам удастся удержать Западный фронт. Даже мне самому положение стало ясно только летом 1918 г.

ВОЕННЫЕ ДНЕВНИКИ

Познань. 7/VIII—1914.

Перед нами трудная задача, такая трудная, что вряд ли можно найти нечто подобное в военной истории. Но я совершенно спокоен. Я твердо уверен, что мы эту задачу разрешим. Главнокомандующим [1] назначен Приттвиц, начальником штаба — граф Вальдерзее, я — первым офицером штаба.

Мариенбург. Ставка. 13/VIII—1914.

Первая мысль о том, как провести операцию, принадлежит, собственно, мне. Если все пройдет благополучно, Приттвиц окажется великим полководцем. Если дело не пройдет, нас будут здорово ругать. Мы взяли на себя громадную ответственность, которая легла на нас тяжким бременем. В будущем, когда всем станет ясно, с какими ограниченными силами нам приходилось оперировать на Востоке, наши действия будут охарактеризованы, как величайшая дерзость, какую только знает мировая история. С главным квартирмейстером, ген. Грюнертом, мы вполне солидарны. Мы оба действуем заодно. До сих пор нам удавалось подчинить нашей более сильной воле и главнокомандующего. Вальдерзее несколько сдает. Будем надеяться, что в решительную минуту он против нас не пойдет. Успехи на Западе великолепны и многообещающи. Особенно большое значение имеет занятие Льежа. Все было заранее подготовлено, все изучено, но все же, как только первая попытка оказалась неудачной, случилась небольшая заминка. На этот поход мы потеряли неделю, но так как цель наша заключалась в быстрой победе на Западе, то занятие Льежа доставило нам двойную радость. Я нисколько не со-

[1] Восьмой армией.

мневаюсь, что и в будущем все пойдет хорошо, и что через несколько дней на Западе произойдут более важные события. Решение всего дела — там. Потому и лавры скорее достанутся там, чем здесь. Но все же я бы не поменялся с ними. Здесь мы предоставлены самим себе и совершенно самостоятельны.

Бартенштейн. 21/VIII—1914.

Вчера я переживал самый тяжелый день моей военной карьеры: мы отступали перед русскими. Большие силы обошли нас с Нарева, ударили нам в тыл и угрожали отрезать нас от Вислы. Нам пришлось прервать благоприятно начатое сражение и начать отступление. Это позор! Бедная Восточная Пруссия! Я был против отступления, но ничего не мог добиться. Грюнерт и я все еще надеялись на победу. Надежда была, правда, слабая, ибо один командующий корпусом не выполнил наших распоряжений. Таким образом, мы должны были отступить, хотя первый корпус снова захватил тысячи пленных, военную добычу и отбросил русских.

Части 33-го пехотного полка по недоразумению начали обстреливать друг друга, убив при этом командира полка полковника фон Фуметти. Я этим бесконечно опечален.

Мюльгаузен. Пруссия. 22/VIII - 1914.

Сражение у Гумбинена оказалось более успешным для нас, чем я предполагал. Жаль, что мы не могли довести его до конца. Я был почти убежден, что нам удастся совершенно уничтожить всю русскую армию. Наша первая кавалерийская дивизия действовала великолепно. Она беспрерывно атаковала пехоту (500 пленных), а затем опрокинула обе русские гвардейские кавалерийские дивизии.

Мариенбург. 23/VIII—1914.

Здесь, в штабе, большие перемены. Верховное главнокомандование было очень недовольно, что мы не поступили так, как предлагали Грюнерт и я. Приттвиц и граф Вальдерзее сняты поэтому с постов. Новый главнокомандующий — генерал фон Гинденбург, быв. командир IV армейского корпуса. Новый нач. штаба — Людендорф, которому собственно и принадлежит заслуга занятия Льежа.

Такой войны еще не было и никогда, вероятно, не повторится. Она ведется со звериной яростью. Русские сжигают все до тла.

Остероде. 30/VIII—1914

Победа у Танненберга. Это был великолепный реванш за Гумбинен. Я надеялся что сегодня отдохну, но это никогда не удается. Нам не удалось совершенно уничтожит ету банду Они сегодня опять стали наступать. Если не считать этого все великолепно. Минимум 20.000 пленных, среди них один генерал, много знамен, пушек и т. п. Писать мне не удалось, занят днем и ночью. С начала военных действий мне еще не удалось проспать два часа подряд без того, чтобы меня не разбудили. Все это прекрасно, но крайне утомительно. В общем, я чувствую себя очень хорошо. Мечтаю только выспаться. Вчера после обеда я объехал поле битвы. Все деревни сожжены. Пылающие леса и хаос. Солдаты молодцы дух великолепный.

Остероде. 31/VIII—1914.

Успех сражения поразительный. Лучше, чем можно было бы ожидать. 4—5 русских корпусов уничтожены. От 50 до 60 тысяч пленных. Среди них два генерала, которые сейчас доставлены сюда. Одна русская армия уничтожена. Теперь очередь за другой.

Аленштейн. 4/IX—1914.

Только постепенно становится ясным, как велика наша победа у Танненберга. 92.000 пленных уже отправлены. Это одна из величайших побед, какие знает история. Достигнута она с небольшими силами. У нас был союзник, о котором я впрочем, смогу рассказать только после кампании. Мы были прекрасно осведомлены обо всех намерениях противника [1].

Инстербург. 15/IX—1914.

Окончилось второе большое сражение, так называемый бой у Мазурских озер. Результаты этой битвы еще не совсем известны, но я определяю ее приблизительно в 35 000 плен-

[1] Германским радиостанциям удалось перехватить все русские радиограммы.

ных и 180 пушек. Русские потеряли очень много убитыми... Это была прекрасная операция, и мы готовы к новым действиям.

Дела австрийцев плохи. Они просили помощи, и мы с большей частью нашей армии идем им на помощь в Силезию и приблизительно дней через шесть достигнем Опельна. До сих пор мы разбили около 15 русских корпусов, 8 дивизий кавалерии, и перед нами еще многое впереди.

Беутен, 23/IX—1914.

Вчера у нас был первый скандал с австрийцами. Они никак не хотели согласиться с нами. После энергичного объяснения они сегодня готовы на все.

Беутен, 26/IX—1914.

У австрийцев все идет скверно. Дает себя чувствовать, что они в течение 20 лет на армию ничего не тратили.

Кельцы, 2/X—1914.

Мы здесь пробудем несколько дней. Сколько именно — зависит от того, победим ли мы или нет. Я не верю в возможность поражения, но все же оно не исключено. Прежде всего мы должны считаться с австрийцами, кроме того, наши лучшие корпуса и лучшие командиры остались в Восточной Пруссии.

Все же я полагаю, что все пройдет благополучно. Здесь может развернуться прекрасная операция, хотя она имеет, правда, и свои теневые стороны. Если все пойдет благополучно, мы их утопим в Висле. Если дело пойдет не так, как мы надеемся, мы перейдем к активной обороне. Успех заключается уже в том, что русские оставили австрийцев в покое и отступили. Это имеет громадное значение, как военное, так и политическое. На Востоке, в конце концов, мы сможем свободно вздохнуть только тогда, когда мы одержим и здесь победу в нашем значении этого слова.

Кельцы. 6/X—1914.

К сожалению, мы здесь не победили. Русским удалось вырваться за Вислу. Всего только 3.000 пленных. Стратегически наш успех все же велик, так как вся русская армия, наступавшая против Австрии, в настоящий момент отступает

Кельцы. 8/X—1914.

Здесь все в порядке, но уж эти австрийцы! Если бы они хоть согласились двигаться! Победу, которую мы им принесли, они выпускают из рук.

Мы стоим у Вислы, по всему фронту против нас стоят русские. Вступить на этом фронте в боевые действия мы не можем. Река слишком широка (800 метров). Маленькие стычки нам все же дали 4.800 пленных и от 16 до 20 пушек.

Мы разрабатываем сейчас чрезвычайно дерзкий план. Будем надеяться, что он удастся, иначе придется ждать.

Радом. 12/X—1914.

Русские бросили на нас четыре армии. Вернее, они хотели это сделать, но мы огромными переходами и с невероятной дерзостью двинулись на них, опрокинули их передовые части и не пускаем их через Вислу. Вот уже три дня, как идут тяжелые бои. Повсеместно происходят попытки перейти через Вислу. Мы слишком слабы. Это, пожалуй, самый тяжелый момент, который я пережил в течение всей кампании. Непрерывные волнения. Ко всему этому — сегодня ложное сообщение одного летчика, которое чуть не погубило нас. Людендорф и я поддерживаем друг друга, а главнокомандующий говорит: „Ей богу, я тоже ничего лучшего не могу придумать!“ Надо надеяться, что завтра все трудности будут позади. Один корпус все еще продолжает сражаться, а мы только завтра будем в состоянии помочь ему. Если ему придется отступить — беда невелика. Придется только потом исправить дело. Мы постоим у Вислы и подождем: авось и австрийцы начнут понемногу действовать. Пока они заняты своими собственными делами. Русские должны были отступить от Перемышля. Это тоже наша победа.

Радом, 18/X—1914.

У нас сейчас и впереди тяжелые бои. Один бог знает, чем они кончатся. Мы сделали все, что в человеческих силах. Мы ничего не боимся, но возможно, что нам нужно будет отступить перед превосходными силами противника. К сожалению, на австрийцев совершенно нельзя полагаться, иначе все было бы чрезвычайно просто. Во всяком случае, мы достигли гораздо большего, чем можно было надеяться. Это

была самая прекрасная операция, которую мы до сих пор провели. Русские планы расстроены. Но 15 корпусов против шести — это, пожалуй, уже слишком. Я все еще надеюсь на победу. Людендорф надежду уже потерял. Однако, ничего страшного с нами случиться не может. Если нам придется отступить, русские могут преследовать нас самое большое в течение трех дней, потом они умрут с голоду. Русские железные дороги по ту сторону Вислы я приказал уже разрушить. Без железной дороги русские не в состоянии прокормить свои части.

Радом. 21/X—1914.

Людендорф чрезвычайно изнервничался, главная тяжесть ложится на меня. Против нас двинуты главные русские силы. Я надеялся энергичным натиском занять Варшаву прежде, чем туда подойдут русские армии. Но несмотря на совершенно невероятную быстроту нашего передвижения, мы все же пришли слишком поздно. В виду того, что русские угрожали нам с севера, нам пришлось отодвинуть наши войска от Варшавы. Третьего дня ночью наши солдаты проделали свое отступление так хорошо, что русские ничего не заметили. Все вчерашнее утро они продолжали обстреливать своей тяжелой артиллерией покинутые нами позиции. Справа к нам подошли подкрепления австрийцев, завтра они начнут наступление...

Я бы считал самым разумным покончить сперва или с французами, или с русскими. Если бы нам дали каких-нибудь 2—3 корпуса, победа была бы обеспечена. Сейчас же нам приходится иметь дело с противником, численно значительно превосходящим нас. Если нам придется отступить, мы до такой степени разрушим все железные дороги и мосты Царства Польского, что русским понадобится много недель для того, чтобы они могли дальше продвигаться... В голову приходят самые замечательные идеи. В Варшаве уже начался голод и недостаток в угле, — так рассказывают солдаты одного русского отряда, которые третьего дня застрелили своего командира и перешли к нам.

Конское. 24/X—1914.

Для нас полная загадка, почему на Западе дело подвигается вперед так медленно. Если бы нам дали новые кор

пуса, я бы здесь очень скоро покончил бы. На Западе, повидимому, были допущены невероятные ошибки. Хуже всего то, что Гинденбург совершенно не понимает, почему мы опять не одерживаем таких побед, как раньше в Восточной Пруссии.

Ченстохов. 29/X—1914.

Мы были на пути к большой, невиданной еще на Восточном фронте победе, когда австрийцы дали себя побить в нашем тылу... Мы нисколько не боимся русских, даже если бы они в три раза превосходили нас численно, но все же придется, повидимому, уступить противнику часть германской территории и ударить в другом месте.

Что касается меня, я буду благодарить создателя, когда нам удастся выбраться из этой проклятой страны. Нельзя себе представить этих дорог, этой грязи и паразитов. А между тем, страна очень богатая и плодородная. Можно встретить великолепные, живописно расположенные имения, как, например, Конское, где мы находились в последние дни.

Естественно, что в Германии будет большое возбуждение, когда там станет известно о нашем отступлении. Общественному мнению покажется недостаточным наш успех, выразившийся в основательном разрушении русских железных дорог, которое лишит противника возможности в течение нескольких недель подвозить продовольствие и амуницию. Людендорф и я согласны почти во всем, за исключением мелких разногласий, после которых он всегда, в конце концов, соглашается со мной.

На Западе дела подвигаются вперед, но медленно. Они ничем нам не могут помочь и больше боятся, чем мы. Я должен был их вчера успокаивать по телефону.

Ченстохов, 1/XI — 1914.

Если бы австрийцы только послушались нас! Положение очень серьезное. Мы даже не знаем, как нам удастся удержаться. Даже и здесь мы сумеем остаться лишь в течение короткого времени. Я полагаю, что мы, то есть Гинденбург, Людендорф и я, вместе с маленьким штабом направимся в какую-нибудь пограничную крепость, чтобы там наладить защиту Восточного фронта. С Запада мы не получаем никаких войск, мы всецело предоставлены самим себе.

Естественно, что мы не можем помешать русским перейти границу. Нам придется взять некоторые части восьмой армии. Посмотрим, что из этого выйдет. По всей линии Ивангород — Варшава против нас выставлено около 20 русских корпусов. Мы разбили все войска, с которыми приходили в соприкосновение, но нас обошли справа и слева... Положение было неважное.

Людендорф был третьего дня в Берлине, чтобы договориться с Фалькенгайном и Грюнертом.

Познань, 22/XI — 1914

На левом фланге нас побили. Я еще не знаю, как нам удастся поправить и спасти положение, но я, может быть, что-нибудь придумаю. Все висело на волоске. Мы могли одержать большую победу, но войска были истощены, а люди не были в состоянии дальше двигаться. Офицеры перебиты а враг многочисленен. Мы в течение последних 8 дней совершенно разбили 3-4 корпуса, захватили около 50.000 пленных, но силы наши истощились. Однако, для забот нет никаких оснований, немецкая граница будет удержана. За Восточную Пруссию нечего опасаться. Мы подступали с трех сторон к Варшаве, но у нас оказалось слишком мало войск. Мои нервы тоже сдали. Теперь я опять спокоен и могу смотреть несчастью прямо в глаза. Я боюсь только, что силы австрийцев исчерпаны.

Познань, 1/XII — 1914.

В военном отношении дела поправились. Особенно великолепен ген. Морген, — один его корпус за последние 15 дней захватил 36.000 пленных. Мы надеемся поэтому под Лодзью безусловно победить. Во всяком случае, нам не удастся закончить поход так, как я раньше рассчитывал. Для этого мы должны были бы получить еще некоторые части.

Руководство военными операциями на Западном фронте меня ужасает. Фалькенгайн — злой гений нашей родины. К сожалению, его величество целиком под его влиянием. Мы должны сами себе помогать.

Инстербург, 9/II — 1915.

Здесь все в порядке. Мы опять одержали победу. Я только боюсь, что русские вырвутся, и мы не сумеем их

догнать. До сих пор мы захватили около 6 000 пленных, 15 орудий и т. д. Я крепко надеюсь на 50.000. Мы опубликуем сводку лишь тогда, когда у нас будут солидные цифры. Скверно со снегом. На нашем левом крыле у Мемеля снег выпал на 1½ метра, войскам трудно поэтому продвигаться вперед.

1/III — 1915.

Вчера положение было далеко не из приятных. Русские пешим порядком и по железной дороге стянули около 12 корпусов и атаковали нас по всей нашей южной линии. Мы должны были оставить опять Прасныш из-за плохого руководства одной бригадой ландвера. Теперь понемногу все снова приходит в порядок.

6/III — 1915.

Я только что прочел записку Каппа. Она великолепно написана. Вот подлец! Разве у кого-нибудь имеются другие помыслы кроме победоносного окончания войны? При современной железнодорожной системе и при современных вспомогательных средствах, — указывает Капп, — нам гораздо легче наступать на Москву, чем Наполеону.

Этот человек совершенно прав, только он исходит из неправильных предпосылок. Мы до сих пор не победили, и у нас нет никаких шансов совершенно уничтожить врага. На Западе мы находимся в состоянии обороны, а без новых 8 — 10 корпусов у нас нет также никаких шансов на то, чтобы успешно повести где-нибудь наступление. На Восточном фронте мы, благодаря нашим большим победам, постепенно добились того, что русские больше не подавляют нас своим численным превосходством, как раньше. Но мы и здесь не в состоянии совершенно разбить русскую армию. Это было бы возможно только в том случае, если бы мы вели войну с одной Россией. Кроме того, нельзя забывать, что австрийцы всюду биты. Галиция совершенно потеряна для Австрии, а Перемышль должен в конце этого месяца пасть даже в том случае, если русские совершенно откажутся от штурмов — недостаток продовольствия!

Я считаю совершенно невероятным, чтобы нас побили, но точно так же мы не в состоянии одержать такие победы, которые дали бы нам возможность диктовать условия. То же самое я сказал и канцлеру. Мы со всеми своими армиями

стоим на неприятельской территории, но все же мы должны спросить себя, чего мы собственно добиваемся. Я решительно против того, чтобы от Бельгии был отторгнут Антверпен. Я допускаю еще Льеж. Антверпен явился бы яблоком раздора на сотни лет. Совсем иначе, конечно, обстоит дело с колониями. Конго и т. д. мы должны получить. Точно так же и здесь, в России, я против всяких территориальных захватов. О балтийских провинциях не может быть и речи, мы их не завоевали и не в состоянии завоевать. Кроме того, местное население далеко не немецкое и нас знать не хочет. Что касается других русских пограничных территорий, то я также, кроме отдельных полос, ничего не хотел бы получить. Мы довольно возились с поляками! Такова моя точка зрения. Я считаю, что канцлер, с которым я недавно два раза имел продолжительную беседу, прекрасно разбирается во всем этом. Он очень медленно принимает какое-нибудь решение, ему это не легко дается.

Летцен, 9/VIII — 1915.

Кажется, весь Берлин сошел с ума. Мы добились величайшей победы, какую только знает военная история, а через три дня все в таком настроении, точно мы побиты, и все это лишь потому, что преследование приостановилось после 200 километров. Впереди нас почти всюду очень сильные русские позиции. Мы вовсе не намеревались взять их и отошли несколько назад, с целью таким путем заставить русских выйти из своих окопов, чтобы мы могли напасть на них в открытом поле. Вся наша армия стоит на русской территории. Верно и то, что в некоторых местах приходится очень тяжело бороться, но никакая борьба легко не дается.

13/III — 15.

Мы к северу от Августовского леса подготовили западню для русских, но они предпочли уклониться. Они так торжественно объявили, что они нас выгонят из Гродно, что я рассчитывал, по меньшей мере, на 20.000 пленных. Но захвачено только 5.000. Как только они заметили, что мы наступаем с северной стороны леса, они немедленно удрали, как бараны. Стояли ужасные морозы. Мы потерпели гораздо больше потерь из-за холодов, чем от врага. Теперь мы

опять ждем, решатся ли русские вновь начать наступление. Мы отбросили их к югу от Прасныша. Мы всюду так сильны, что не боимся никаких случайностей.

Политическое положение тоже далеко не плохое. То, что итальянцы — негодяи, совершенно верно, но они были бы дураками, если бы не постарались нажить капиталец на наших затруднениях. Но почему же мы вели такую дурацкую политику, что до сих пор не сумели заставить итальянцев пойти с нами? Почему мы сами объявили войну, вместо того, чтобы принудить врагов объявить войну нам? Только тогда Италия обязана была бы по союзному договору быть с нами. Все операции французов и англичан в наших интересах. Союзники уже теперь дерутся из-за того, кто должен получить Константинополь, а все балканские государства чрезвычайно недовольны. Им не хочется иметь на Дарданеллах ни России, ни Англии.

Ставка, 3/IV — 15.

Когда мне нечего делать, я бегаю взад и вперед по своей хижине и все время думаю о том, что мы могли бы предпринять, чтобы придать событиям другое направление, но мне ничего не приходит в голову. По всему фронту мы стоим весьма крепко. Может быть теперь, когда наши проволочные заграждения заряжены электрическим током, мы могли бы в некоторых местах освободить войска и двинуть их на какой-нибудь фланг, чтобы при малейшей возможности снова предпринять там наступление. Но для большой операции у нас нет достаточных сил. Я убежден, что мы больше не допустим русских на германскую территорию, однако, на что-либо более важное мы не можем рассчитывать, если только нам не пришлют подкреплений. Но на это нет никаких шансов, хотя я и не понимаю, на что им на Западе нужно много новых дивизий. Будем надеяться, что они, по крайней мере, не повторят нового сражения у Ипра.

Генералу Клуку, по обыкновению, везет, к тому же он еще ранен.

Несомненно, наше военное положение еще благоприятно, в особенности благодаря тому, что мы находимся со всеми своими армиями на неприятельской территории. Мы заняли также чрезвычайно ценные области (угольные копи, желез-

ные дороги и т. д.), но победы в настоящем смысле этого слова мы еще нигде не одержали: ни на Западе, ни на Востоке. Наоборот, как французы, так и русские уверены в своей победе, благодаря совершенно ложным военным сообщениям, которыми они кормят народ и армию. Князь Гогенлоэ недавно получил письмо от какой-то русской княгини. Она пишет, что немцы ее смешат своими сообщениями о числе захваченных пленных, в которых нет ни одного слова правды; что будто бы не было никакого Танненберга, ни поражения 10-й русской армии. Понемногу их уверенность в легкой победе ослабла, но теперь они полагаются на Англию, которая гарантировала им, что Германия, благодаря блокаде, будет взята измором. Каждый день русские летчики сбрасывают нам прокламации: „Сдавайтесь, бросайте оружие, ваши жены и дети умирают с голоду". Кроме того, русские считают, что они одержали полную победу над Австрией. Собственно, так оно и есть. Недавно нам опять пришлось послать 3 дивизии на Карпаты, и теперь можно надеяться, что австрийцам удастся удержаться, но не больше. Факт, что Австрия теперь переживает очень глубокий кризис.

Мы повсюду соорудили очень сильные позиции. При помощи посланных на помощь австрийцам 7 дивизий и некоторых подкреплений с Западного фронта они сумеют удержать свою линию.

Второй вопрос: нужно ли, чтобы мы на обоих фронтах топтались на месте? На этот вопрос нужно ответить отрицательно. Во всем виновно верховное главнокомандование, которое оказалось никуда негодным. Растерянность на Марне была неслыханной, но это лишь одна из ошибок. После отступления можно было собрать все силы для единого удара. Можно было захватить морской берег. Не надо было дать возможности бельгийцам ускользнуть после взятия Антверпена. Не нужно было допустить преступного и бессмысленного наступления на Ипр. Но предоставим все это суду истории.

Несмотря на это, победа все же была возможна: надо было центр тяжести всех операций перенести на Восток. Об этом мы просили и умоляли в начале ноября. Но мы оказались на положении бедного родственника. Все, что мы получили — нам

давали по каплям, а не сразу. Ошибка состояла в том, что верховное главнокомандование покинуло Берлин, где оно и теперь еще могло оставаться. В этом случае Франция не оставалось бы так долго главным военным фронтом, а мы — второстепенным. Естественно было попытаться разбить французов и англичан раньше, чем Россия успела собрать свои силы, в особенности сибирские корпуса. Но теперь давно уже настала пора уравнить в правах оба фронта.

Как можно ускорить развязку? Самое простое было бы объединиться нам с одним из наших противников. Самое естественное было бы объединиться с Францией, о чем я всегда говорил и в мирное время: если мы были бы вместе с Францией, мы бы господствовали над всем миром. Но это невозможно. Франция охвачена эпидемией умопомешательства. К тому еще Пуанкаре и его товарищи создали такой террор, что ни один здравомыслящий человек не может высказаться. Похмелье еще наступит, но теперь подобное предложение с нашей стороны было бы принято в Париже с презрительной насмешкой, как признак нашего полного поражения.

Россия: с кем мы будем там вести переговоры? Царь был бы непрочь, но Николай Николаевич просто убил бы его. В Петербурге заметно теперь мирное настроение, но Николай Николаевич с какой-то удивительной энергией подавляет его. Я например твердо убежден, что все аресты по поводу шпионажа в Петербурге не больше, как интриги против сторонников мира. Кроме того, что мы можем предложить России? Галицию и Константинополь? А это обозначило бы, что мы начинаем с измены своим союзникам...

Остается таким образом Англия: англичане ненавидят нас и готовы были бы нас уничтожить, но они изо дня в день убеждаются в том, что это не так легко осуществить. Интересно проследить за английскими газетами. Уже много месяцев тому назад совершенно прекратились разговоры о том, что кайзер должен быть арестован и отвезен на остров св. Елены, и что мы в течение ближайших 100 лет должны превратиться в нищих крестьян и рыбаков.

Наши газеты гораздо более агрессивны, чем английские, и пожалуй с большим правом. Сэр Эдуард Грей, да покарает его господь, недавно еще раз совершенно ясно заявил, при каких условиях мог бы наступить мир. Это восстановле-

ние Бельгии,— германского Антверпена Англия не потерпит, против этого она будет воевать до последней возможности. Лично я был бы против немецкой Бельгии, что связано с увеличением числа социал-демократических и ультра-левых демагогов. Мы не можем нанести поражение Англии, — по крайней мере, теперь. Я еще не доживу до этого, но это случится не в нынешнюю войну. Но все же, по-моему, следовало бы начать переговоры с Англией. Англия будет вести переговоры, у нее слишком много слабых мест: большие потери, особенно и офицерах, внутренние трудности (работу подводных лодок мы между прочим слишком переоцениваем), Египет, Судан, Индия, Дарданеллы и особенно Япония!

Наши пожелания могли бы сводиться к следующему: обратно наши колонии и некоторые новые — в первую очередь Конго и некоторые колонии Франции, а также 25 миллиардов. Пока эти суммы не будут внесены, мы удерживаем за собой угольный район французской Лотарингии, некоторые пограничные полосы России и приличное отношение последней к Австрии.

Англия могла бы удержать Кале и Булонь и должна была бы таким образом соединиться с нами, чтобы защищаться против ее теперешних союзников. Я считаю это вполне возможной основой для переговоров. Я может быть ошибаюсь, могут представиться еще более счастливые обстоятельства, например турецкие победы в Египте, восстание в Индии или даже какое-нибудь землетрясение, которое улучшило бы наше положение. С другой стороны, и наше положение может ухудшиться из-за Италии, Румынии, полного развала Австрии или чего-нибудь другого.

Приблизительно в этом смысле на днях писал фельдмаршал канцлеру.

Летцен, 30/V — 1915.

Его величество всецело находится под влиянием Фалькенгайна и нас не любит. Военное положение таково, что у нас все постепенно замирает. Естественно, что мы сознательно отодвинуты на задний план. Я и раньше знал, что эти люди меня не любят. Поскольку я себя помню, меня любит только половина моих знакомых. Наименее талантливые очень мало считаются со мной, но это меня мало трогает.

Летцен, 18/VI — 1915.

Мы сидим и ждем, заберет ли у нас верховное командование и последние две дивизии, которые мы набрали со всего фронта, чтобы иметь возможность что-нибудь опять предпринять. Если они понадобятся в Галиции, мы опять должны будем сохранить оборонительное положение. Мы конечно не можем судить, насколько они там нужны. В общем, на Востоке дела хороши, у Макензена даже прекрасны. На Западе — сильные атаки. Прорвать фронт несомненно не удастся, но эти бои потребуют больших жертв.

Летцен, 5/VII — 1915.

Вечером мне удалось наскоро попасть к обеду к командующему армией, генералу фон-Белову. Я считаю его одним из самых дельных и умных командующих армиями. Мы провели с ним вместе до 12 часов и ругались по поводу того, что верховное главнокомандование отвергло наше предложение и приказало нам делать то, что мы все — а Людендорф в первую очередь — считаем нецелесообразным. Наше предложение не понравилось верховному главнокомандованию. Людендорф вернулся из Познани взбешенный.

9/VII — 1915.

...Все хуже и хуже с верховным главнокомандованием. Эти люди чувствуют себя нехорошо в тот день, когда они не делают нам пакостей. Вероятно, они надеются, что в один прекрасный день наше терпение лопнет, и мы сделаем какую-нибудь глупость. Нужно и это переносить.

10/VII — 1915.

Сегодня верховное главнокомандование прислало нам генерала Тарпена, начальника оперативного отдела. Он прибыл к нам в экстренном поезде, чтобы посмотреть, все ли у нас в порядке. Хотя он говорил другое, но дело так именно и обстоит. Можно себе представить ярость Гинденбурга и Людендорфа. Я с большим хладнокровием все это перенес и даже продолжаю защищать свои планы. Дело идет о том, чтобы 13, 14 и 15 начать по всему Восточному фронту решительное наступление. Будем надеяться, что это удастся.

11/VII – 1915.

Завтра к обеду мы уезжаем на наш южный фронт, т. е. по направлению Млава — Прасныш; послезавтра мы начинаем там наступление, а на следующий день — и в Курляндии. Макензен также начинает большое наступление 14-го. Будем надеяться, что это нам удастся. Все приготовления сделаны. Кажется, я все предвидел, но все же я остаюсь при своем мнении, что было бы лучше прежде всего направить все силы на Курляндию и начать там наступление большими силами, взятыми из-под Ковно.

15/VII — 1915.

Наступление группы Гальвица явилось совершенной неожиданностью для русских. Мы первым же ударом взяли три укрепленных позиции, защищавших первую линию. Прасныш опять в наших руках. Мы приехали туда вчера утром по единственно проходимой дороге через Млаву и попали в 10 часов утра в совершенно уничтоженный и оставленный жителями город. Естественно, что войска были крайне воодушевлены, увидев Гинденбурга. Мы оттуда телеграфировали его величеству. На Неманском фронте дела также хороши. Завтра начинают наступать — Макензен с юга и вновь образованная Бугская армия.

16/VII — 1915.

К югу от Прасныша Гальвицу удалось прорвать укрепленную русскую позицию. Русские отступают по всему фронту. Окончательный исход операции выяснится только тогда, когда Макензен подвинется вперед. Он начал наступление сегодня утром по всему фронту по крайней мере 40 дивизиями. Это должно дать крупный результат.

Верховное главнокомандование доставляет нам неприятности главным образом своими сообщениями. На Западе каждое продвижение на каких-нибудь 150 метров — победа. Гальвиц отбросил русских на 120 километров по всему фронту, взял 12.000 пленных, 13 орудий, около 30 пулеметов, а об этом сообщается в двух строчках. Но чорт с ними! Самое главное, что дело идет вперед. Если Макензену удастся одержать большую победу, то есть надежда, что Россия будет сломлена.

Летцен, 18/VII — 1915.

И сегодня дела хороши. Русские очистили все свои позиции перед 9-й армией и отступили к знаменитой позиции Блонь под Варшавой. У Гальвица к северу от Немана также все хорошо. Мы там захватили на всем фронте около 30.000 пленных. Это уже кое-что значит. Удастся ли нам прорваться через Нарев и взять Варшаву с тыла — еще большой вопрос. Это зависит от того, удастся ли Макензену одержать победу. В последнем случае русские двинут все свои подкрепления туда, а не против нас. Во всяком случае теперь происходит едва ли не величайшее в истории сражение.

19/VII — 1915.

Здесь все в порядке. Повидимому русские действительно повторяют 1812 год и отступают по всему фронту. Они сжигают сотни поселений и увозят население. Это ужасающая бессмыслица, которая вызывает миллиардные убытки и не имеет никакого значения в военном смысле.

Гальвиц стоит перед укреплениями Нарева (Пулютуск, Рожаны, Остроленко) и готовится к дальнейшему наступлению. Он захватил около 30.000 пленных. Таким образом, начиная с 13 июля, мы имеем около 40.000 пленных.

20/VII — 1915.

Теперь решается все. Если дела пойдут хорошо, мы займем и Варшаву. Во внимание к нашей победе нам даже обещали еще две дивизии.

23/VII — 1915.

У нас все в порядке. Только что взято штурмом предмостное укрепление у Пултуска. К северу от Немана дела также идут хорошо. Там русские бегут. Вопрос о Варшаве становится актуальным, так как мы завтра будем штурмовать последнюю позицию перед Варшавой.

На Западе кажется дела не блестящи. У Арраса нас здорово поколотили. Теперь говорят, будто наши не могли бы больше удержаться, если бы французы начали наступление. Но и французскую пехоту нельзя расшевелить. Только благодаря этому нам удается спасти положение.

Сегодня его величество находится у генерала Войрша. Он вероятно станет фельдмаршалом. Может ли случиться, чтобы в фельдмаршалы был произведен знающий генерал? Трудно этому поверить.

24/VII — 1915.

Вчера и сегодня мы добились хороших успехов. Неманская армия совершенно разбила пятую русскую армию, Гальвиц форсировал Нарев большими силами. Естественно, что в телеграммах Вольфа об этой победе Неманской армии будут даны очень скудные сообщения. Ведь это наша идея, направленная против начертаний верховного главнокомандования. Да, нужно все это хладнокровно переносить.

25/VII — 1915.

Так гладко, как до сих пор, дело конечно дальше не пойдет. Против Гальвица русские собрали все свои силы и отчаянно защищаются. Это и естественно, так мы и предвидели раньше, ибо всякое лобовое наступление должно когда-нибудь приостановиться. К сожалению так дело обстоит и у Макензена. Будем надеяться, что хотя теперь верховное главнокомандование согласится перебросить сюда одну армию из Галиции, как мы этого добивались с самого начала. У Белова (Неманская армия) пока все хорошо. К сожалению мы там не настолько сильны, чтобы наступление чувствовалось на всем фронте. Мне ужасно хотелось бы знать, как разовьется сегодняшнее наступление 9-й армии по направлению к Варшаве.

29/VII—1915.

Мы попытались было прорваться через варшавские укрепления, но должны были отказаться от этого, ибо укрепления оказались слишком сильными, а мы слишком слабыми. Зато Войршу удалось сегодня к северу от Ивангорода перейти Вислу. Пока, конечно, это не дает особенно больших результатов, но это должно сильно обеспокоить русских. От Макензена сегодня также получены хорошие вести. Будем надеяться, что я и на этот раз ошибусь, и он будет дальше одерживать победы. Я опасался, что ему не удастся пойти дальше. Тем лучше, если я ошибаюсь. Все равно, кто побеждает: завтра мы тоженачинаем. У Гальвица, точно так же как и у Шольца, из-

за плохих дорог плохо с аммуницией. Сегодня все опять приведено в порядок, и, будем надеяться мы пойдем дальше. Мы должны же когда-нибудь разбить противника.

Американская нота—верх бесстыдства. Надеюсь, что мы когда-нибудь возьмем реванш. Его величество может по этим американским нотам, наконец, понять, на какую благодарность он может рассчитывать за свою любезность к этим свиным королям и стальным магнатам.

31/VII—1915.

У Макензена вчера дела шли очень хорошо, точно так же и переход через Вислу у Войрша прошел великолепно. Но все идет очень медленно и связано с большими потерями. У нас точно так же не все быстро продвигается вперед. Это совершенно понятно: быстрый успех на русском фронте возможен только путем обхода... Так великолепно, как это пишут газеты, не может быть в действительности. Под Варшавой пока не заметно никакого отступления. Все же дела подвигаются вперед, а это самое главное. На Западе тоже все в порядке. Последнее наступление у возвышенности Лоретто было связано с такими огромными потерями для французов, что они вряд ли решатся еще раз повести большое наступление. У них начинается чувствоваться недостаток в человеческом материале. Жоффр должен с этим считаться, но все взоры направлены на Англию и на нейтральные страны. Что касается Дарданелл, то мнения расходятся. В то время как многие весьма пессимистически настроены, мы только что получили известие, что турки обеспечены амуницией гораздо лучше, чем это предполагалось до сих пор.

3/VIII—1915.

Я мог бы писать, что мы накануне взятия Варшавы. Действительно, у нас создается такое впечатление, будто русские собираются очистить Варшаву. На левом крыле Гальвица дела идут лучше, после того, как мы уволили одного начальника. Я целое утро телеграфировал главнокомандованию. Повидимому, они начинают понемногу сознавать, что мы были правы. Лучше поздно, чем никогда! Во всяком случае, те 25.000 человек, которые мы потеряли убитыми и ранеными, они нам не вернут. Если бы они хоть дали необходимую нам

тяжелую артиллерию и предоставили нам свободу действий, мы, может быть, через 10—14 дней имели бы в своих руках Ковно. Этим мы обеспечили бы наше левое крыло сильной позицией и имели бы возможность наступать на свободные русские фланги.

4/VIII—1915.

9-я армия дерется на передовых позициях у Варшавы. Русские очищают город. Это, без сомнения, большой успех плана Фалькенгайна. Но это все же не означает уничтожения русских. Последнего можно было бы достигнуть, если бы мы со всеми силами стали бы наступать в районе нашей 10-й армии. Повидимому, и ставка начинает постепенно понимать все это. Они по крайней мере больше не запрещают нам наступления на Ковно, которое должно начаться 8-го.

От мира мы еще весьма далеки. Царь не желает. Во-первых, он глубоко убежден, что Германия напала на него и, кроме того, он будто бы слишком благороден, чтобы отказаться от соглашения, заключенного им с Англией и Францией. Если не произойдет революции, а пока до нее еще далеко,—все останется без изменения.

Легче всего было бы теперь нанести удар Франции. Все те, кто знаком с положением вещей во Франции, утверждают, что достаточно прорыва в одном месте, и Франция будет разбита. Я полагаю, однако, что мы прежде всего должны думать о Балканах. Вопрос об амуниции улажен, но полагают, что на турок целиком нельзя положиться. Так как Дарданеллы нам очень важны, нам придется после проведения теперешней операции вынести определенное решение по балканскому вопросу, выступив в первую очередь против Сербии. Но со всем этим еще можно повременить.

5/VIII—1915.

В надежде на то, что Варшава, за которую мы боремся уже с прошлой осени, сегодня падет, верховное главнокомандование обращает на нас особое внимание. Это выражается в том, что оно отняла у нас войска 9-й армии и подчинила их особому командованию. Не говоря уже о мудром выборе момента для проведения такого дела, мы считаем, что и с военной точки зрения это недопустимо. Мы настаивали, чтобы

фельдмаршал пригрозил отставкой, но он на это не соглашался, пока Людендорф не пригрозил своей. Замечательный праздник!

6/VIII—1915.

В ответ на угрозу Гинденбурга получились, конечно, две любезные телеграммы из главной ставки. Никто, мол, не хочет его обидеть, мы получим одну дивизию с запада и т. д. Фалькенгайн сидит крепко, ничего не поделаешь! Великая победа, к которой мы готовились, еще не пришла и не дается нам больше. Русские собирают отовсюду силы и перебрасывают их против Неманской армии. Я хотя не верю, чтобы с нами могло что-нибудь случиться, но ясно, что мы тут не добьемся того большого успеха, который казался нам столь легким. Мы должны подождать, пока выяснится, как пойдут дела у Ковно.

Самое скверное то, что фронтальные операции Фалькенгайна продолжаются так долго. Пока проходит время, а мы должны что-либо предпринять против Сербии. Таким путем мы могли бы помочь болгарам и тем самым удержать Дарданеллы—эту величайшую проблему настоящей войны.

7/VIII—1915.

У нас дела идут хорошо. Окружение Новогеоргиевска закончилось. Гальвиц очень энергично разбил противника. Завтра начинается обстрел и наступление на Ковно. Некоторые опасения мне внушает Неманская армия. Русские подвозят туда большие силы. Если бы 9-я армия действовала так, как мы этого хотели, мы были бы избавлены от этих забот. Тогда бы мы могли вчера еще послать целый армейский корпус к северу от Ковно. Но ничего не поделаешь. Так должно быть.

9/VIII—1915.

Здесь в общем все в порядке. Новогеоргиевск отрезан. Гальвиц с успехом продвигается вперед. Я рассчитываю, что Ломжа завтра будет взята. Около Ковны мы также делаем хорошие успехи. Борьба между Фалькенгайном и Гинденбургом продолжается. Фельдмаршал, наконец, сказал ему всю правду.

Из этого, конечно, ничего не выйдет. Жертвами, в конце концов, будем мы, но нельзя дольше переносить эти мелкие и крупные низости с их стороны.

11/VIII—1915.

Здесь все в порядке. Все идет так, как мы предсказывали, т. е. мы преследуем русских по всему фронту, но уничтожить их не можем и все из-за верховного командования. Нельзя отрицать, наши успехи велики: занятие Вислы, линии Нарева и завоевание почти всей Польши, но Россия не разбита.

13/VIII—1915.

Сегодня здесь Тирпиц. [1] Когда слушаешь его, кажется, что он прав. Люди гораздо хуже, безобразнее и безвольнее, чем это кажется. Если принять еще во внимание отвратительные взаимоотношения, взаимную ревность, оскорбления и ненависть друг к другу влиятельных людей и если ко всему этому присмотреться, приходится закрывать на все это глаза. У англичан, французов и русских еще хуже. Это единственное утешение, иначе было бы совсем ужасно. Повидимому, Тирпиц сам не прочь заняться такими интригами, хотя он хочет произвести хорошее впечатление.

14/VIII—1915.

Фронтальные атаки Гальвица продолжаются, но подкреплений для нашего левого крыла мы не получаем. Мы должны сами себе помочь.

Каждый день мы теперь обмениваемся с Плессом длиннейшими телеграммами, по форме очень вежливыми, но достаточно определенными. Я считаю это занятие совершенно бесполезным, но Гинденбург и Людендорф хотят сохранить эти телеграммы, как исторические документы. Я к этому отношусь совершенно равнодушно.

В настоящее время я впервые за все время войны нахожусь близко к тому, что называется „историей“, и вижу, что она разыгрывается совсем не так, как она описывается в назидание потомству. Пара-другая выдуманных фактов — одной выдумкой больше или меньше — право, никто такими мелочами не интересуется.

---

[1] Тирпиц — морской министр.

15/VIII—1915.

Для меня важнее всего надежда на то, что мы сегодня будем штурмовать форты Ковенской крепости. Оказывается, однако, что это невозможно. Если не бы это, все было бы прекрасно. Если бы мы теперь могли добыть 3-4 корпуса для нашего левого крыла между 10-й и Неманской армиями, тогда можно было бы добиться полного поражения русских. К сожалению, этих корпусов у нас нет, а верховное главнокомандование их нам не дает.

16/VIII—1915.

Все же дела идут гораздо лучше, чем этого заслуживает верховное главнокомандование. Правда, полного поражения русских нет, но все же я надеюсь, что русские получат сокрушительный удар.

18/VIII—1915.

У нас, конечно, большая радость, — на этот раз дела с Новогеоргиевском пойдут быстро. По крайней мере, русский радист в перехваченном радио прощается со своей женой, ибо он в ближайшее время собирается попасть в плен к немцам. Его величество послал милостивую телеграмму Гинденбургу. Эйхгорну и Лицману — орден „Pour le mérite“. Если Новогеоргиевск падет, мы тогда получим 3 свободных дивизии, которые мы сможем перебросить к северу от Ковно. В таком случае, мы сумеем и без помощи ставки проводить наши операции по направлению к Вильно, и тогда положение в общем значительно улучшится. Будем надеяться, что верховное главнокомандование, наконец, примет разумное решение для дальнейшего ведения операций.

19/VIII—1915.

Новогеоргиевск продолжает еще обороняться, хотя я вполне рассчитывал, что он сегодня падет. Как правильны были наши расчеты с Ковно, видно из того, что русские снялись на всем фронте 10-й армии и теперь отступают за Неман. Ах, если бы один-два свежих корпуса, но их у нас нет. Мы только имеем возможность перебросить туда те группы войск, которые осаждают Новогеоргиевск, но для этого крепость должна еще пасть.

20/VIII—1915.

Вчера вечером совершилось уже давно ожидаемое падение Новогеоргиевска. Между тем, к 8 часам пришла телеграмма из Плесса с сообщением, что его величество направляется сегодня туда. От Гинденбурга там никого нет. Людендорфу и мне стало совершенно ясно, что так не годится. Как только кайзер является к какой-нибудь группе войск Гинденбурга, тот должен при этом быть, за исключением тех случаев, когда имеется ясное указание е. в. в противоположном смысле. Поэтому немедленно был приготовлен экстренный поезд, и в 11 час. Гинденбург, Людендорф и Бокельберг срочно отправились в Новогеоргиевск. Я, конечно, должен остаться здесь. Я бы очень хотел видеть, какое лицо будет у е. в и у Фалькенгайна, когда они увидят Гинденбурга и Людендорфа.

В Новогеоргиевске мы захватили 85 тысяч пленных—гораздо больше, чем мы рассчитывали. Дела у нас идут вообще хорошо. Если бы только не громадные потери при фронтальных атаках Гальвица! Но наша совесть чиста: — мы были против фронтальных атак.

21/VIII—1915.

Сегодня все вернулись обратно из Новогеоргиевска. Встреча была очень вежливая, но холодная. Фалькенгайн спросил Людендорфа: „Ну, теперь вы, наконец, убедились в правильности моей операции?“ Ответ: „Наоборот!“ Е. в. сделал ни к чему не обязывающие замечания. Затем началась раздача — само собою, неправильная — орденов, смотр войск, речи и т. д. Очевидно, так пойдет и дальше. О ничтожестве нашего так называемого верховного главнокомандования трудно даже иметь представление.

25/VIII—1915.

Тактически у нас, а также и южнее, у Макензена, все обстоит благополучно. Русские, повидимому, совсем не собираются защищать Брест-Литовск — эту последнюю большую крепость. Это, конечно, огромные успехи, но не решающая победа, а мы ведь стремились к этому.

С верховной ставкой неприятности продолжаются. К годовщине принятия Гинденбургом командования на Востоке нам оказали милостивое „внимание“ — изъяли из нашего ведения

всю Польшу и образовали из нее особое генерал-губернаторство под непосредственным руководством его величества. Гинденбург попытался даже изменить свой чин главнокомандующего Восточным фронтом, ибо этот чин с некоторого времени звучит жестокой иронией.

Будем надеяться, что наше столь ничтожное верховное главнокомандование решится наконец на операции против Сербии и таким путем окажет помощь Болгарии.

23/VIII 1915.

У нас тут ничего особенного. На нашем правом крыле русские продолжают отступать, на левом по направлению к Вильно нам приходится еще очень тяжело бороться, но я надеюсь, что дело пойдет на лад. От Риги мы также должны пока отказаться, разве что русские сами оставят ее. Мы теперь перебрасываем подкрепления от Гальвица к Ковно, но на все это нужно время.

Сегодня поступили длиннейшие инструкции от верховного главнокомандования. Ах, господи! Какую войну ведут эти люди! Мы конечно не сделаем того, что они предписывают, иначе это было бы ужасно.

30/VIII — 1925.

На нашу телеграмму по поводу командования Восточным фронтом получился, как и следовало ожидать, уклончивый ответ. Верно мол, что с тех пор, как е. в. находится на Восточном фронте, этот чин потерял свое значение. Но все осталось без изменения, чтобы не показать всему миру, будто Гинденбург потерял свое значение. Теперь же наоборот, еще меньше поводов для этого, так как в ближайшее время мы на Востоке перейдем к обороне, и тогда Гинденбургу будет передана вся линия. Во всяком случае, они там очень позлились, а это самое главное.

Что касается политики, мне кажется, что румыны сильно склоняются к Антанте. Теперь самое лучшее время, чтобы австрийцы начали наступление в Восточной Галиции. После своего отступления русские там отрезаны, так что вполне возможно окружить их. Если эти господа хоть чуть-чуть поведут дело, как следует, можно было бы добиться крупных успехов, — освободить остальную Галицию и отбросить неко-

торые русские силы к Румынии. Последнее было бы особенно желательно, ибо Румынии придется тогда наконец определить свою позицию. Сейчас становится ясным и положение с Сербией. Мы пошлем в первую очередь те войска, которые до сих пор стояли в Тироле, т. е. так называемый Альпийский корпус.

31/VIII — 1915.

Единственное, что вызывает мои заботы, это ничтожество нашей верховной ставки. Можно даже стать социал-демократом! Они никак не могут решиться на какое-нибудь энергичное мероприятие. Турки вопиют, болгары готовы, а эти господа, или точнее этот господин не может решиться послать наконец, три корпуса в Сербию. К тому же эти корпусы находятся в тылу. Боятся ли они, что французы на Западе опять попытаются прорваться, и сохраняют поэтому резервы, мне конечно неизвестно. Это было бы единственное извинение, но все же не основание.

1/IX — 1915.

Что касается общего положения, то как будто верховное главнокомандование пришло к какому-то решению. Правильно ли оно, — трудно еще решить. Во всяком случае мы станем козлами отпущения, ибо весь центр положения будет перенесен на другой фронт. Нам тогда любезно скажут: удержите пожалуйста этими жалкими остатками армии фронт. Да, так очевидно и будет. Фалькенгайн повидимому надеется, что мы где-нибудь потерпим поражение, но мы ему этого удовольствия не доставим.

2/IX — 1915.

Нам удалось наконец кой-чего добиться. Ставке собственно хотелось все удержать и как можно больше людей забрать у нас, но так конечно поступать нельзя. Мы ведем еще бои и должны точно так же, как и 9-я армия, сохранить теперешнее положение. После долгих виляний они наконец согласились.

У Вильно положение очень тяжелое. Русские наступают там со значительно превосходными силами. До сих пор наши удержались. Если они сумеют удержаться и завтра, все будет в порядке.

3/IX — 1915.

У нас все в порядке. Под Гродно мы захватили лежащую по сю сторону Немана половину крепости и внезапным натиском заняли самый город на другом берегу. Теперь русские отчаянно защищаются и пытаются вновь перейти через Неман. У Вильно все в порядке. Русские при своем наступлении потерпели большие потери, так что они прекратили атаки и начали рыть окопы. Между тем туда прибыли две наших дивизии, и всякая опасность миновала. Во всяком случае мы сумеем начать наше наступление только через 4-5 дней. Скучно ждать, но русские кой-чему научились и при своем отступлении всюду так испортили железные дороги, что нам до сих пор еще не удалось привести их в порядок

9/IX — 1915.

Итак, Болгария. Несколько мне известно, соглашение с Турцией подписано. Против Сербии приготовлены 4-5 австрийских и 2 германских корпуса. Я надеюсь, что тогда можно будет предложить Сербии заключить мир, отдать Македонию Болгарии и зато получить северную Албанию, иначе мы вместе с Болгарией бросимся на нее. Я все еще не верю, что Румыния вмешается, и полагаю, что „успех“ Италии отпугает ее. Руководство экспедицией будет поручено Макензену. Так как он за короткое время успел уже добиться всевозможных почестей, чинов и орденов, то в случае занятия им Белгарда останется, пожалуй, лишь произвести его в принца Евгения. Значительная часть наших здешних сил будет отправлена на Запад. Будем надеяться, что это приведет к успеху. Мы тоже должны отдать значительные силы, но лишь после окончания операции у Вильно, которая началась сегодня утром и на которую я возлагаю очень большие надежды.

Мне кажется, что решение царя принять на себя верховное главнокомандование и снять Николая Николаевича имеет большое значение. Это типичный государственный переворот. Если даже царь не хочет мира, ибо он твердо убежден, что мы на него напали без всякого повода, все же кровное оскорбление, нанесенное великому князю, который удерживал все своей железной энергией, нам только на руку. Я считаю, что это является первым шагом к миру.

10/IX — 1915.

Вчера мне заявил Дюрр (генерал-адъютант герцога Баденского, который только сегодня утром опять уехал), что он официально знает, что Болгария заключила договор с Турцией, а также с нами и с Австрией. Договоры подписаны три дня тому назад. Операциями против Сербии будет руководить Макензен. Мне очень жаль, что они не достались нам. На Западе предполагается наступление в одном пункте. Я полагаю, что оно будет проведено под начальством Фалькенгайна и кронпринца, чтобы таким образом показать себя в хорошем свете.

13/IX — 1915.

Вчера у меня было плохое настроение. Сегодня немного лучше, хотя успех у Вильно все еще заставляет себя ждать. Мы должны были добиться успеха, а армия все мешкает. Хуже всего то, что в такие моменты не знаешь, где зарыта собака. Вероятно, мы где-нибудь потерпели неудачу, и тот, кто пострадал, не хочет признаться в этом. Это задерживает весь фронт. Пока русские имеют возможность использовать свои железные дороги. Дело не дойдет конечно до второй Ржезины. Мы ограничимся незначительным успехом, но на большой риск не пойдем. Когда начнутся операции против Сербии, я еще точно не знаю, но полагаю, что в конце этого месяца. Я все еще надеюсь, что они сговорятся с Сербией. Сербия пойдет на мир, получит всю Албанию и тот берег, на которой теперь претендует Италия, и отдаст Македонию Болгарии. Тогда можно будет серьезно поговорить и с Румынией. Освободившиеся таким образом силы австрийцы могли бы перебросить против Италии и отнять у этих негодяев Венецию. Играя, я делю государства...

16-го приезжает е. в. на несколько часов в Ковно. Гинденбург и Людендорф конечно должны быть там. Людендорф желает, чтобы и я поехал вместе с ним. Он желает мне только добра, но у меня нет никакого желания. Эти господа нас не любят, к чему же ехать? Только для того, чтобы они нас третировали (как, например, случилось в Новогеоргиевске, о чем мне рассказал Бокельберг)? Придется однако съесть это кислое яблоко.

14/IX – 1915.

Операция у Вильно еще в полном ходу. Через 3 дня она должна быть закончена, иначе она обречена на неуспех. У меня была недавно стычка с командующим 10-й армией, который проявил слишком много легкомыслия, а также с Людендорфом, который хотел повести фронтальную атаку. Я же склоняюсь к более умеренному образу действия. Я готов удовлетвориться 50-60 тысячами пленных, но зато иметь уверенность в успехе. Что они порешат, — мне совершенно безразлично, я говорил с обоими и умываю руки.

Понемногу все это действует на нервы, в особенности, когда со всех сторон неприятности, а сам не смеешь принять необходимого решения.

15/IX—1915.

Наша операция у Вильно подвигается вперед. Сегодня положение как будто лучше, чем вчера, ибо первой кавалерийской дивизии удалось далеко в тылу русских разрушить железную дорогу. Однако из-за медлительности X-й армии потеряли, по крайней мере, один день. В общем все идет так, как я считаю правильным.

17/IX—1915.

...Придворный поезд е. в. между тем прибыл в Ковно. Там за царским столом е. в. сидел между Эйхгорном и Людендорфом, напротив Гинденбург, я рядом с Людендорфом, затем адмирал фон Мюллер, напротив меня Райшах, Тройтлер и Валентини. Разговор не особено интересный. Тройтлер считает, что, если только австрийцы не наделают больших глупостей, ему удастся удержать Румынию до тех пор, пока не начнется наше наступление против Сербии. Австрийские железные дороги работают чрезвычайно скверно, и поэтому наступление может начаться только в октябре...

18/IX—1915.

Здесь все в порядке. Наше наступление на Вильно продолжается. Русские по всему фронту, вплоть до Галиции, отступают. Меня сейчас прервали: мы уже в Вильно. Теперь верховное главнокомандование должно наконец убедиться, что мы были правы.

Так как австрийцы намереваются наступать на Сербию то мы должны посылать туда войска, из-за этого пришлось отложить наше наступление на Западе. Нам это очень приятно, ибо мы в ближайшее время не должны будем отсюда посылать войска. Мы теперь, по меньшей мере, дойдем до Минска, а вдали мне мерещится даже и Рига.

Со вчерашнего дня здесь гостит папский прелат, как будто немецкий иезуит. Редко умная голова. Дипломат в полном смысле этого слова. Друг Эрцберга. Цель его поездки: он хочет осмотреть, какое имущество католической церкви в Польше отнято русскими, чтобы потребовать его обратно. Пожалуй отчасти поэтому папа не против того, чтобы немцы захватили как можно больше русской территории. Но зато папа против раздела Бельгии. Прелат рассказывает весьма интересные вещи об Австрии. Папа того мнения, что после войны обязательно должна быть заключена военная конвенция между Германией и Австрией. Обмен офицеров... Он возлагает большие надежды на принцессу Зиту — жену наследника. Она умна и энергична, наследник же порядочный... Но „для царствования достаточно"! Самое важное — сломать власть высшей аристократии в Австрии. Не знаем ли мы какого-либо средства для этого? Я сказал ему, что ни его, кроме стрихнина, я ему не могу предложить.

20/IX—1915.

У нас ничего нового. Наше виленское наступление все еще не достигло цели, но я надеюсь, что нам удастся захватить большое число пленных и орудий. Стратегически мы добились большого успеха, ибо русские по всему фронту бегут, не считаясь с тем, что царь-батюшка сам перенял верховное главнокомандование и громогласно заявил, что он рассчитывает на победу. Обыватели жаждут победы. Если выразить это желание в числах, то до тех пор, пока мы не будем иметь 50.000 пленных, они не будут удовлетворены.

24/IX—1915.

В прошлую ночь происходили сильные бои. Русские яростно наступали на наше обходное крыло. Мы там были слишком слабы. Нам нужен был тот знаменитый корпус, которого нам всегда не хватает. Успех операции налицо — занятие Вильно,

отступление русских по всему фронту,—но нет тех 50.000 пленных, на которых я рассчитывал. Наши люди переутомлены, к тому еще не хватает железных дорог. Нет телефонов, коротко говоря, — плохие времена. Через несколько дней мы достигнем линии, к которой стремимся, и тогда остановимся.

26/IX—1915.

Наше наступление постепенно приостанавливается. Русские защищаются отчаянно. К тому еще мы должны отдавать значительные силы. Я бы охотно занял Молодечно, это значительно сократило бы наш фронт, и мы съэкономили бы силы. Тогда мы могли бы окопаться и совершенно приостановить всякие действия на Востоке.

27/IX—1915.

Там, на Западе, очень трудно. Третья армия потеряла первую линию. Вторая — удерживается. Большие потери. У французов конечно еще больше, но они продолжают свою отчаянную попытку прорваться. Верховная ставка уже в течение трех дней опять находится на Западе. Здесь конечно очень трудно разобраться, но все же я уверен, что новая линия будет удержана. От нас забирают все, без чего мы только можем обойтись. Все отправлено по железной дороге, но все же пройдет не меньше трех недель, пока они прибудут туда, — мы в 200 км от ж. д. линии. Счастье еще, что гвардия и 10-й армейский корпус вернулись из Галиции на Запад.

Мы совершенно приостановили свои операции и строим сильные позиции, которые можно будет удержать с помощью немногочисленных войск.

28/IX—1915.

Вчерашний день прошел на Западе хорошо. Будем надеяться, что главная атака уже миновала. То, что мы посылаем отсюда, может притти туда только через 3 дня. Мы сегодня оттянули наше левое крыло на заранее приготовленную нами позицию. Этим самым острота положения миновала. Теперь еще пройдет 2-3 недели, пока все будет улажено, и тогда начнется позиционная война. Мы несколько разочарованы. Мы надеялись на 40—50 тысяч пленных, в действительности мы получили

только около 30.000. Причина этой неудачи мне уже ясна. Пехота больше не в состоянии наступать. Войска без офицеров, во всяком случае без хороших офицеров, и становятся все хуже и хуже. Единственное утешение, что и у других не лучше. Мы нуждаемся в продолжительном отдыхе для наших истощенных дивизий. После этого дело опять пойдет. Мы тогда и Ригу должны будем взять.

30/IX — 1915.

На Западе ночью опять происходили сильные бои. Но теперь все убеждены, что мы удержимся. Завтра туда прибудет первый корпус, посланный отсюда. За ним следуют еще три корпуса, а затем еще три дивизии. Верховное командование проявило достаточно легкомыслия, когда оно отправило войска в Сербию раньше, чем она получила взамен их войска от нас.

3/X – 1915.

На Западе повидимому опасность миновала. Наши потери не так велики, как я опасался. Потери — но не пленные — не таковы, как об этом кричат французы. Не 23.000, но 11.000. Общие потери достигают около 50.000, в то время как у французов и англичан они должны быть значительно больше. Фалькенгайн сумеет таким образом немножко передохнуть, а это он использует для нападок против нас.

Людендорф однако не дает себя в обиду, и мы уже обмениваемся грубыми телеграммами.

Самое важное было бы — быстрая удача сербской экспедиции. Это дало бы нам свободный путь в Константинополь. Если бы нам удалось доставить туда несколько батарей тяжелой артиллерии, которыми можно бы обстреливать английские корабли и помешать им выгружать продовольствие и воду, то мы могли бы быстро ликвидировать все Галлипольское предприятие. Русские должны убедиться, что у них нет никакой возможности провозить свой хлеб и получать взамен него военное снаряжение, это понемногу произведет должное действие. В то же время англичане испытают некоторое опасение и за Суэцкий канал.

На Западе мы должны выжидать. Французский человеческий материал подходит к концу. Уже в течение этой зимы

во Франции должен наступить тот момент, когда там не будет больше новых рекрутов, то есть когда потерь ничем уже нельзя будет возместить. Если они вдобавок убедятся в том, что мы можем еще продержаться, они тоже пожалуй понемногу станут мягче.

Но для этого нужно время, для этого нужно терпение.

4/X — 1915.

Повидимому опасность на Западе миновала. В том, что опасность была, виновато лишь бессмысленное легкомыслие верховного главнокомандования. Сегодня прибыл перемещенный сюда командир бригады, который рассказывал совершенно невероятные вещи. Третья армия в Шампани предвидела наступление, и, несмотря на это, у них забрали последние резервы, хотя против этого командование протестовало. Так как Фалькенгайна ничем нельзя было уломать, то начальник штаба попросил освободить его от должности, чтобы хоть таким образом снять с себя всякую ответственность. Он был освобожден, и на его место назначен какая-то креатура Фалькенгайна. Благодаря этому, прорыв французов чуть-чуть не удался. Это так ужасно, что не поддается даже описанию. Теперь у них достаточно резервов, которые были взяты от нас. Поэтому теперь нам приходится тяжело. Русские заметили, что от нас уходят большие транспорты, и они начали наступать со всеми силами. Но у нас уже бывали такие трудности, и нам удавалось их устранить.

Будем надеяться, что мы и теперь с ними справимся.

6/X—1915.

Вчера я имел долгую беседу с помощником статс-секретаря Ваншафе. Его прислал сюда канцлер. О видах на мир пока не может быть и речи. По его мнению, о мире нельзя будет мечтать и в ближайшее время, особенно если мы будем требовать того, что все эти неистовствующие элементы хотят: всю Бельгию, Французскую Лотарингию, всю Польшу, Курляндию и Литву. Я высказал ему свое мнение, что дискуссия об условиях мира имела бы смысл только в том случае, если бы кто-либо из наших противников захотел с нами разговаривать. Если Россия будет вести переговоры с нами, можно было бы с ней поторговаться. Пожалуй, придется вернуть Варшаву. Все

равно, Варшава является нашим наиболее трудным местом. Отдать ее Австрии мы не можем, для нас она была бы слишком тяжелой обузой, как и польское буферное государство. Если пришлось бы иметь дело с одной Англией, мы должны быть готовыми на уступки по отношению к Бельгии. Я боюсь только, что никто из них не захочет с нами разговаривать. В таком особенно грустном для нас случае придется вести войну на истощение. Мы должны тогда удержать то, что мы сейчас имеем, и как-нибудь продержаться. Наша беседа была в сущности пережевыванием давно известных истин. Я только лишний раз убедился, что эти штатские очень плохо ориентируются в общем положении.

8/X—1915.

У нас ничего особенного. Хуже с верховным главнокомандованием. Людендорф послал резкую телеграмму. Конечно еще более резкий ответ. Такая борьба мало целесообразна, тем более, что мы при этом всегда теряем.

В общем у нас почти каждый день гости. Вчера был Дернбург[1], сегодня опять принц Генрих. Среди всех этих сановников Дернбурга труднее всего переваривать. Он спросил у меня, каковы собственно мои функции здесь. Я хотел ему ответить, что я тут в гостях, но я этого не сделал, ибо он все равно не понял бы. То, что я, как и он, во время беседы держали кулаки в карманах, не сблизило нас. Он все же рассказал много интересного об Америке.

На Западе вчера и сегодня более спокойно. Сегодня после обеда они хотели наступать на Тагюр, где французы позавчера прорвались. Что-нибудь видно произойдет.

Король Греции не прочь как будто избавиться от Венизелоса. Любопытно, как долго он еще будет жить. Я полагаю, что английское правительство здорово ему платит. Если Греция останется нейтральной, это будет очень выгодно для нас, ибо тогда никто не сумеет занять Салоники и войти вглубь страны, имея в тылу подвижную греческую армию, на которую нельзя полагаться.

10/X—1915.

Мы сооружаем наши позиции и переругиваемся с верховным главнокомандованием. Во время последней стычки оно

[1] Дернбург – министр внутренних дел.

даже было право. Людендорф нервничал и уже слишком ругался. На Западе положение до сих пор еще не восстановлено. В районе третьей армии французы у Тагюра занимают нашу вторую линию, и мы не можем их оттуда выбить. Однако я не считаю положение тяжелым. Они получили от нас так много подкреплений, что они смогут, пожалуй, продержаться.

Сегодня для разнообразия у нас гостили здесь три турецких принца. Это хороший шахматный ход нашего правительства—пригласить в Германию этих имеющих наибольшие шансы наследовать турецкий престол принцев и воспитывать их у нас. Все они производят очень милое впечатление. Я между прочим прочел им доклад.

В Сербии, Болгарии и Греции все как будто в порядке. Сербы честно защищаются и хорошо дерутся, болгары—неважно. Еще придется выждать, пока выяснится, удастся ли королю Греции провести свой план. Во всяком случае он всецело защищает наши интересы.

12/X—1915.

Сегодня ген. Эйзенгардт [1] вернулся из Берлина, куда он ездил для каких-то переговоров. Он привез с собою много интересных новостей, из которых я кое-что здесь отмечу. Злоупотребления, в которых замешан Сухомлинов, достигают 600 миллионов рублей. Главный участник этого дела — в. к. Николай Николаевич. Потому-то он и смещен с поста верховного главнокомандующего. Надо ему отдать справедливость—это человек с большим размахом. Я полагаю однако, что на всех этих злоупотреблениях нажилось не мало кругов, которые стремились посадить в. к. на престол.

... Оказывается, что за границей помещено в 20 раз больше германских денег, чем иностранных денег у нас. В одной Англии около 20 миллиардов немецких денег. Обо всех этих вещах мы до войны не имели никакого представления.

Газеты много раз сообщали о несправедливых приговорах французских военных судов. Французское правительство высказало готовность предъявить все свои приговоры нейтральным государствам, если и Германия предъявит приговоры немец-

---

[1] Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего Восточным фронтом.

ких судов по отношению к французским и бельгийским подданным. После тщательного обследования наше правительство вынуждено было отклонить это предложение. Это очень показательно.

17/X—1915.

Сегодня русские наступают у Двинска. Это не вызывает у меня никаких забот. Понемногу они успокоятся, точно так же, как французы на Западе. Вчера там тоже никаких атак не было. Мы уже миновали там самый тяжелый кризис. Будем надеяться, что верховное главнокомандование будет настолько разумно, что переедет теперь в Берлин или Потсдам. Е. в. имел бы тогда одного верховного главнокомандующего на Восточном фронте и одного—на Западном. Он мог бы тогда постоянно приезжать туда, где что-нибудь происходит.

18/X—1915.

Людендорф привез с собой очень мало интересных новостей. Циммерман [1] очень доволен своей балканской политикой. Пожалуй, так оно и есть. Румыния обещала оставаться нейтральной и не допускать прохода русских войск, точно так же Греция пока ведет себя весьма прилично. Тут понятно нельзя знать, не удастся ли Венизелосу опять получить перевес.

Вчера у нас к югу от Двинска был очень критический день. Русские очень наседали, но все атаки отбиты.

В Сербии дело подвигается вперед. Но они очень упорно защищаются. Мы должны были указать сербам, что если бы они прекратили войну, то Сербия была бы полностью восстановлена, иначе она будет разделена. Но повидимому они все еще полагаются на Антанту.

19/X—1915.

Завтра мы переезжаем в Ковно. Ровно год тому назад мы переехали из Радома в Конское. Это было в начале нашего отступления из Польши. Теперь наше положение значительно лучше, но все же тогда было интереснее. Тогда все еще было впереди, мы еще надеялись на большие сражения, на большие победы, теперь мне уже все безразлично, и я мечтаю лишь о том, чтобы противник ничего не предпринимал.

[1] Министр иностранных дел.

31/X 1915.

Из моих берлинских переживаний единственно интересным было мое посещение Циммермана. Он был очень доволен и очень оптимистически настроен. Он надеется, что Сербия в ближайшее время будет сломлена и тогда (вероятно в конце декабря) и Италия последует за нею. Что касается остальных, то никаких мирных предложений ни от кого не слышно. Только от одного французского влиятельного человека (Поль Камбон) получился частный запрос, не собираемся ли мы скоро предложить мир. Это естественно было отвергнуто. Циммерман однако полагает, что этот запрос — хороший признак. В России растет антипатия к Англии, даже Извольский всецело разочарован ею.

1/XI—1915.

В Сербии все идет хорошо, так что можно ожидать близкого конца. У нас русские наступают около Двинска, и мы имели порядочные бои, которые однако особенных тревог не доставляют. Вчера мне Б. рассказал что-то ужасное о Западе. Мне кажется, что они там ненавидят Фалькенгайна еще больше, чем мы здесь.

2/XI—1915.

Здесь погано. У нас ничего крупного не происходит, но работы все же много. Людендорф скучает и заставляет всех с утра до вечера быть в движении. Эта страсть к деятельности — работа ради работы — все же доставляет большие неудобства.

Вчера около Двинска опять чертовщина. Русские наступали как безумные и прорвались в районе одной дивизии. У нас к счастью вблизи была еще дивизия, и мы бросили ее туда, так что сегодня опять все в порядке. Я думаю, что генерал Морген уходит. Я не знаю, в чем дело: нервы расстроены или его непопулярность. Я завтра поеду к д-ру Ляуэнштейну и выясню, в чем дело.

В Сербии повидимому болгары не очень ловко ведут дела. Они очевидно боятся, что французы и англичане ударят им в тыл, и поэтому они оставляют в Македонии большие силы, вместо того чтобы со всеми войсками ударить на Сербию и

покончить с ней раньше, чем придут союзники. Пока ни одна операция не проходит так, как представляешь ее себе заранее.

6/XI—1915.

Все еще большие бои около Двинска. Русские во что бы то ни стало хотят прорваться, тратят огромные силы и массу амуниции. До сих пор мы удерживались и несомненно дальше тоже удержимся. На Западе также все в порядке. Полагают однако, что французы вероятно сделают еще одну последнюю попытку. Так как у нас теперь достаточно резервов, то нам это только на руку. В Сербии все идет хорошо. Болгария взяла Ниш. Теперь уже не стоит задумываться над падением кабинета Заимиса. Ясно, что Венизелос делает все возможное, чтобы опять стать у руля.

13/XI—1915.

В Сербии одна болгарская дивизия попала очевидно в тяжелое положение. Часть сербской армии пытается прорваться к югу. Трудно знать, не является ли это следствием какой-либо ошибки командования. Во всяком случае будет очень грустно, если этот прорыв удастся. По полученным до сих пор сведениям речь идет о четырех слабых сербских дивизиях. Кроме этого, на Западе и в Сербии все в порядке. Мне было бы очень любопытно знать, проектирует ли опять что-нибудь наше верховное главнокомандование. Из Сербии два наши корпуса вернулись обратно, так как они там оказались уже излишними. Куда они будут переброшены, нам еще неясно, быть может через Софию по направлению в Салоники.

18/XI—1915.

Г. собственно ничего нового не рассказывает. Он только набросал картину свинства в Австрии. Положение там гораздо хуже, чем до сих пор казалось. Самое скверное — это старый император... со своей наследственной габсбургской ненавистью к Гогенцоллернам. Дороговизна в два раза больше, чем у нас Правительство не вмешивается, ибо высшая аристократия — в первую голову эрцгерцог Фридрих — делает блестящие гешефты.

19/XI—1915.

Я уже 25 раз говорил, что мы боремся за наше существование, что это борьба тяжелая и станет еще более тяжелой, что мы никогда не будем в состоянии диктовать наши мирные условия. Но приходится еще настаивать на этом.

Полная неспособность верховного главнокомандования замечается не только у нас; у других еще хуже, а это много значит.

22/XI—1915.

У нас положение не изменилось и, повидимому, останется без изменения и в ближайшие дни. Русские весьма усердно комплектуют новые войска, чтобы иметь возможность весною повести на нас наступление. Мы с своей стороны сделаем все, чтобы их достойно встретить. Конца нигде не видно. Надежда, что Сербия пойдет на сепаратный мир, очевидно, не оправдалась.

27/XI—1915.

Единственно интересное это то, что Черногория действительно ведет переговоры с Австрией, что Никита не прочь ударить в тыл своему родственнику Петру и расширить свою территорию на счет Сербии.

28/XI - 1915.

Очень грустно, что наша политика теперь, как и раньше, не имеет никаких определенных целей. Несчастье в том, что хотя канцлер умный человек, он все же не может принять какое-нибудь твердое решение. Еще хуже влияние Фалькенгайна на его величество. Последний знает лишь то, что Фалькенгайн считает нужным ему сообщать, и имеет поэтому ложное или совершенно не имеет никакого представления о действительном положении вещей.

2/XII—1915.

Мне очень любопытно было бы знать, чем кончатся эти разговоры в рейхстаге. Мне бы очень хотелось, чтобы кто-нибудь хорошенько намылил голову нашему бездарному правительству, в первую очередь г. Дельбрюку. Но все же я бы хотел, чтобы эта стирка грязного белья происходила не на

пленуме, а в комиссиях, иначе это производит плохое впечатление за границей. Скверно лишь то, что в результате повидимому не произойдет перемены министерства, и этот идиот будет продолжать губить наше государство.

14/XII—1915.

Все внимание обращено на Салоники. Греки действительно находятся в тяжелом положении. Если они выступят против англичан, те приостановят всякий ввоз, и через 14 дней в стране наступит голод. С другой стороны, они бы очень хотели пойти вместе с центральными государствами, ибо они верят в немецкую победу. Они поэтому лавируют на все стороны. Кроме того, Болгария является для греков наследственным врагом, что, конечно, нисколько не облегчает положения. Чтобы не вызвать каким-нибудь образом гнева греков, болгары остановились у греческой границы и будут там стоять до тех пор, пока туда не подойдут германские или австрийские войска. Лишь тогда начнется наступление на Салоники, если, конечно, французы и англичане не опередят.

17/XII – 1915.

Позавчера тут был военный министр. Я сидел за столом рядом с ним, и мы вели очень интересную беседу. Прежде всего он успокоил меня по целому ряду вопросов, которые меня беспокоят и которые я считаю очень важными для нашего успеха. У нас достаточно людей, чтобы вести войну еще целый год. Само собою, мы не должны при этом делать ничего экстравагантного. Комично то, что мы оба совершенно согласны в вопросе о наших границах на Востоке. Это первый человек, которого я встречаю, и который желает от русских того же, что и я, а именно: границу за Калишем, вдоль Варты, южнее линии Влоцлавск—Плоцк—Млава, а затем через Ружаны к Белостокскому району, включая Литву и Курляндию. Он, как и я, не хочет ни Польши, ни Варшавы.

2/I—1916.

К Новому году мы опять имели стычку с верховным главнокомандованием. Они хотят забрать у нас тяжелую артиллерию, а мы не хотим ее отдавать. Они говорят с нами таким тоном, что я решительно не понимаю, как Гинденбург все это терпит.

У австрийцев у Черновиц вчера случилась маленькая неприятность, но, повидимому, все опять уладилось. У нас положение без перемен. Маленькие стычки патрулей и артиллерийские перестрелки, во всем остальном — полная тишина. Наша новая дивизия в пути, так что у нас опять никаких забот нет. Согласно русским сведениям, у них чувствуется большой недостаток в вооружениях. Повидимому, заграница согласна дать все это только за золото. Кроме того, доставить можно только по Сибирской дороге. Понемногу там положение становится все хуже и хуже, а для нас все лучше и лучше. Когда я читаю в газетах о новой русской армии из двух миллионов человек, это вызывает у меня только смех.

3/I—1916.

Никита [1] очень хотел бы, только он не может. Ему грозит голод, если он не будет вести переговоров. Кроме того — это чрезвычайно характерно — сербы и черногорцы все еще верят в окончательную победу Англии. Они знают Австрию и не могут себе представить, чтобы эта страна могла выдержать. Все же австрийцы становятся лучше. Пока они отразили все русские наступления. Русские, повидимому, хотят произвести давление на Румынию.

У нас ничего нового Сын Гинденбурга — офицер генерального штаба 7 корпуса на Западе, приехал на несколько дней к своему отцу и рассказывал много интересного о тамошних делах. Ах, господи, сколько глупостей эти люди натворили в начале войны!

7/I—1916.

С деньгами плохо, так как Румыния требует за все золотом. Вообще у нас дела не блестящи... У других, особенно в России, еще хуже. Но, конечно, из-за отсутствия денег война не прекратится.

Те времена, когда Гинденбург мог что-нибудь предпринять против Фалькенгайна, давно миновали. Время лишило его козырей. Времена изменились, время наших заслуг давно прошло, точно так же, как и время грубых ошибок Фалькенгайна вроде Ипра и т. д. Я считаю, что при теперешнем кайзере

[1] Король Черногории.

никакие перемены невозможны. Такова система. Эти господа держатся друг за друга и друг другу помогают. Е. в. не имеет никакого представления о положении вещей.

Уход Людендорфа ни к чему не привел бы, он усилил бы лишь всякого рода подозрения и обвинения против него. Кронпринц находится крепко в руках своего начальника штаба Кнобельсдорфа, а он с Людендорфом на ножах. Это-то и плохо, что Людендорф не ладит с людьми. Даже когда он был начальником одной части, он умудрился со всеми перессориться.

Ковно, 10/I—1916.

Вчера здесь был генерал Грэннер — начальник полевых железных дорог. Он кое-что рассказывал об общем положении и прежде всего о наступлении на Салоники. Трудности не в железных дорогах, а в общем политическом положении. Железная дорога готова до самой греческой границы, но зато австрийцы и болгары никак не могут столковаться. Австрийцы совершенно сошли с ума и требуют себе весь район Неготина, то есть южный берег Дуная к югу от железных ворот, и хотят дать Болгарии только узкую полосу в Македонии. Естественно, что Болгария очень недовольна и несговорчива, аппетиты у них все растут. Пока им обещан не только весь район Неготина, но и вся долина Моравы, то есть самый плодородный район Сербии. Теперь идет борьба из-за моравской железной дороги, которую австрийцы не хотят им отдавать.

Мы являемся при этом посредниками, и поэтому-то Фалькенгайн так часто ездил в Белград и в Будапешт. По-моему, болгары правы.

11/I—1916.

Вчера у нас было много гостей к столу. Уже два дня как тут находятся наши представители в управлении Литвы и Курляндии, прибыло также несколько человек из министерства из Берлина. Было очень интересно их выслушивать. Умнее я не стал, так как ничего положительного и нового эти господа также не знают.

Что касается продовольствия, то плохо только с овсом. К урожаю нового года нехватает около 1.000.000 тонн, а из Румынии, вследствие плохой связи (мало железных дорог, недо-

статочная пропускная способность Дуная у Железных ворот), мы сумеем получить в ближайшие четыре месяца самое большое 600.000 тонн. Только после этого мы почувствуем недостаток, какого не знали в прошлом году. Может быть дело еще уладится. Самое замечательное, что нет двух мнений по вопросу о непригодности и бестолковости Дельбрюка, но все же убрать его нельзя.

Австрийское наступление на Черногорию идет медленно, но верно вперед. Черногорцы пожалуй начнут теперь задумываться над тем, что их ожидает судьба сербов.

16/I — 1916.

В лагерях для военнопленных нет ни одного лишнего рта, Все трудоспособные военнопленные работают, а отовсюду поступают к нам требования: давайте военнопленных, нам нужны еще батальоны военнопленных. Но, если даже все военнопленные были бы заняты на полевых и огородных работах, дело от этого не выиграло бы. Бог послал нам в 1915 году такой неурожай, какого мы не имели за последние 44 года. Мы получили на $2^1/_2$ миллиона тонн меньше, чем ожидали. Это—несчастье, и надо принять меры, чтобы как-нибудь вывернуться. В газетах конечно об этом несчастьи распространяться нельзя.

25/I — 1916.

С Грецией дело обстоит так: для нас самое лучшее было бы, чтобы она и впредь оставалась нейтральной, самое неприятное было бы, если бы она объединилась с нами. В таком случае Англия немедленно заняла бы все греческие острова и создала бы там опорные пункты, которые мы должны будем потом обменивать за части Бельгии и Франции. Они стараются поэтому заставить Грецию во что бы то ни стало пристать к нам. Наше иностранное ведомство делает все возможное, чтобы помешать этому.

27/I — 1916.

С Черногорией дело ясно. Никита опять потянулся в сторону Антанты, а Мирко со своей армией капитулирует перед австрийцами. Таким путем они ничем не рискуют. Если побе-

дит Антанта, Никита опять сядет на трон, если же победят центральные державы, Мирко станет королем увеличенной Черногории.

30/I — 1916.

На Восточном фронте ничего нового. Русские повидимому все войска и тяжелую артиллерию, которые они могут собрать, направляют к южной армии (Линзингена), чтобы там опять повести решительное наступление. Сейчас у нас в резерве 5-6 германских и австрийских дивизий, и, насколько можно предвидеть, они сумеют удержать фронт. Об остальных фронтах мы мало знаем. Мы получили опять газовый полк, и я распорядился выяснить, где начать эту милую работу.

2/II — 1916.

Я все утро был занят большой работой, которую я хочу представить шефу главной ставки. Мне хотелось бы опять одержать победу. Уже несколько недель, как я всячески пытаюсь убедить этих людей, что мы могли бы одержать большую победу около Риги, если только верховное главнокомандование даст нам нужные для этого силы. Наше наступление конечно не принесет окончательного решения войны, оно может нам дать около 100.000 пленных и передвижение нашего левого крыла к озеру Пейпус. Если верховное главнокомандование нуждается в этих силах для удара на Западе, или если оно полагает, что ему удастся путем нападения на Галицию заставить Румынию перейти на нашу сторону (в чем я сомневаюсь), пусть оно тогда поведет там наступление и нам ничего не даст. Если же решительное наступление на Западе невозможно, и они хотят, как и раньше, ничего не предпринимать и зря терять людей и время на маленькие дела, было бы гораздо целесообразнее теперь, когда в Германии так обострился продовольственный вопрос, преподнести народу какую-нибудь победу. Я мог бы добиться такой победы, если бы мне дали 7-8 дивизий. Удастся ли это, т. е. согласится ли на это Фалькенгайн,—я не знаю; во всяком случае я исполнил свой военный долг и успокоил свою совесть, так как я всем указал на возможность такого шанса.

3/II — 1916.

Тирпиц и Фалькенгайн столковались. Неизвестно еще, кто кого надует. Теперь понятно, почему в тронной речи в ланд-

таге имеются намеки на реформы прусского избирательного права. Это очевидно попытка канцлера, желающего сблизиться немного с левыми партиями, чтобы таким образом обеспечить себе поддержку против союза Фалькенгайна и Тирпица.

11/II – 1916.

На пост Фалькенгайна будет вероятно назначен Кнобельсдорф, теперешний начальник штаба кронпринца. Я считал бы Людендорфа более подходящим. Для нас лучше однако, чтобы он остался здесь. Я по своему чину не мог бы занять его место (Эйзенгардт старше меня). Мне пришлось бы заняться другим делом и привыкать к другому шефу. К тому же Людендорф предоставляет мне полную самостоятельность в работе.

15/II — 1916.

На Западе все еще идут дожди и раньше, чем не установится хорошая погода, у них ничего не произойдет. Для своих новых газовых орудий им необходима сухая погода.

16/II — 1916.

На фронте целых трех армий я в течение последнего времени вел беседы с многими сотнями людей. Я приходил к ним в окопы один, без офицеров, и от всех слышал: продовольствие у нас хорошее. На мое заявление: „Гинденбург послал меня, чтобы узнать, как вы поживаете и чего вам не хватает“,— они все чистосердечно высказывались, но ни от кого я не слышал никаких жалоб. Если кое-кто и обращался с просьбой, то это главным образом касалось отпусков. Плохое обращение повидимому сказка. Понятно, что теперь идут усиленные занятия, и солдаты получают лучшую подготовку, чем раньше, когда мы чувствовали такую нужду в людях. У нас тоже были дезертиры, главным образом эльзасцы. У нас тут были ненадежные эльзас-лотарингские части. Но все это дело прошлого. Абсолютно ложно, будто теперь около Двинска у нас были дезертиры.

2?/II — 1916.

Я получил от Тирпица очень интересный доклад о подводной войне. Он гарантирует, что Англия через шесть месяцев попро-

сит мира, если мы, не обращая внимания на Америку и на нейтральные страны, будем топить все и вся. Если это так, он может спокойно начать.

2/III — 1916.

У Вердена дело затормозилось из-за сильного французского контрудара, а также вследствие того, что наша артиллерия где-то задержалась. Настроение в главной ставке хорошее. Они надеются что им удастся взять Верден. Это было бы несомненно большим успехом, это немножко ослабило бы слишком твердую уверенность французов в своей победе. Будем надеяться, что эти господа не ошибаются в своих расчетах.

4/III — 1916.

Из-за американского вопроса очевидно произойдет канцлерский кризис. Циммерман утверждает, что у нас не достаточно подводных лодок, чтобы провести свой план в жизнь. Он поэтому хочет оставаться на почве последней ноты. При таком положении вещей он, по-моему, прав. Наши потери у Вердена не так велики, частично даже ничтожны, и все надеются, что в дальнейшем все пойдет хорошо.

6/III — 1916.

Румыния пока доставляет все аккуратно и хорошо. Благодаря нашему начальнику полевых железных дорог, генералу Грэнеру, венгерские железные дороги и Дунайское пароходство удвоили свою провозную способность, и за февраль месяц они перевезли в два раза больше кукурузы и ячменя, чем в январе а именно около 170.000 тонн. Я не знаю, удастся ли еще повысить, что было бы конечно весьма желательно. Румыния готова была бы дать нам еще больше, несмотря на английские закупки. В Румынии имеются запасы урожая на два года, и она могла бы вывезти около 5.000.000 вагонов, в то время, как английские закупки достигают лишь 80.000 вагонов.

11/III — 1916.

Очевидно наше верховное командование несколько осрамилось с фортом Во. Повидимому он даже и не был у нас в руках,—так по крайней мере утверждают французы. Оши-

блись ли войска, или же при взятии какого-нибудь другого форта было сообщено: „мы взяли форт Во“, или же верховное главнокомандование поддалось слишком большому оптимизму,— пока неизвестно, во всяком случае большой конфуз налицо. Единственно хорошее в этом то, что, если мы там не были, то по крайней мере мы не были оттуда вытеснены, а это нас избавит от слишком больших потерь. Настроение в главной ставке хорошее, полное надежд. Более точных сообщений мы не получаем.

12/III—1916.

В Болгарии были весьма невежливы к нашим офицерам. Это отразилось на отношении в Висбадене к их товарищам, которые были поставлены на надлежащее место. Что касается австрийцев, нельзя требовать ни от одного германского офицера, которому приходилось сражаться с ними плечо к плечу, чтобы он относился к ним с нежностью. Я при случае, если тут будет кто-либо из военного министерства, постараюсь еще раз выяснить этот инцидент.

Кайзер понятно на Западе. Канцлер все еще в главной ставке, и повидимому он победит в вопросе о подводных лодках. Он хочет вести подводную войну так, как мы вели ее в 1915 году, т. е. предупреждая вражеские суда и по возможности спасая всех находящихся в них людей. Нейтральные суда могут быть только в том случае потоплены, если они везут контрабанду.

Тирпиц однако хочет топить все суда — вражеские и нейтральные, которые приближаются к английским берегам, без всякого предупреждения. Понятно, что такой метод действия, в случае если у нас было бы достаточно подводных лодок, вынудил бы Англию через несколько месяцев попросить мира. Но так как нам подводных лодок не хватает, то такая война приведет лишь к тому, что все нейтральные государства объявят нам войну, а это уже слишком много. Я полагаю, однако, что они будут достаточно разумны.

14/III—1916.

Повидимому русские намереваются наступать против какой-то нашей армии. Я все раздумываю, следует ли отправлять наши резервы по железной дороге или нет. Шефа сей-

час нет здесь, и я должен поэтому сам принять решение. С одной стороны, я обнаружил бы слишком большое беспокойство, если слишком рано стану перемещать войска, но, с другой стороны, я несу ответственность за то, чтобы они во-время были на нужном месте. Я все подготовил; сегодня, во всяком случае, еще подожду. Русское наступление вполне возможно, ибо французы конечно потребуют, чтобы тут кое-что было предпринято. Итальянцы тоже начали вчера наступление на фронте Изонцо и конечно без всякого успеха.

В вопросе о подводных лодках канцлер повидимому одержал полную победу. Тирпиц подал в отставку. Я не буду проливать слез из-за этого. Если бы он строил больше подводных лодок и быстроходных крейсеров и меньше судов для парадов, наше положение было бы значительно лучше.

16/III — 1916.

Сообщение о форте Во было ошибочно: мы там никогда не были, и поэтому мы не могли быть оттуда и вытеснены. Но так как верховное главнокомандование сообщило об этом факте в свое время с большим шумом, оно ни за что поэтому не хочет опровергнуть этого сообщения и лжет. Я считал бы более правильным и практичным спокойно исправить ошибку, а то все считают, что мы имели при этом огромные потери.

17/III — 1916.

В вопросе о подводных лодках мнения радикально расходятся. Тирпиц работал во-всю и вел даже переговоры с баварцем Гертлингом. Тот должен был стать канцлером, а в награду за это баварский король должен был замолвить словечко за Тирпица. Трудно установить, насколько все это правда во всяком случае об этом говорят в Берлине. Фалькенгайн слишком крепко связался с Тирпицом и, вследствие победы канцлера, его положение при е. в. также немного пошатнулось.

19/III — 1916.

Русские стали наступать в целом ряде пунктов, но до сих пор они повсеместно отброшены назад с большими потерями. Перед окопами одного только XXI корпуса мы насчитали 9.270 русских убитыми. Мы пока еще не использовали наших резервов. Наши потери весьма ничтожны, до сих пор около

560 человек. Мы относимся поэтому совершенно спокойно к дальнейшему развитию событий.

С Запада также поступают хорошие вести. У Вердена дело подвигается медленно, но хорошо. Подробностей мы не знаем, но мне сегодня сообщили, что настроение на Западе прекрасное.

У нас тут случайно был один морской офицер с каким-то поручением. Он рассказывал очень много интересного о подводной войне и дал мне также точный перечень имеющихся у нас погибших подводных лодок. Это еще более укрепило меня в мнении, что Тирпиц неправ. Тем, что он пропагандировал за подводную войну и внес по этому вопросу интерпелляцию в рейхстаг, он действовал почти предательски.

20/III — 1916.

Вчера части XXI корпуса вели большие бои. Русские с каким-то безумием бросают на нас огромные силы, не считаясь со своими большими потерями. Я считаю, что они, вероятно потеряли около 50-60 тысяч человек. Мы до сих пор из наших весьма сильных резервов взяли один только полк.

22/III — 1916.

Вчера русские опять яростно наступали. К сожалению одна наша дивизия вынуждена была отступить, и при этом два полка понесли большие потери. Естественно, что после этой частичной победы русские стали бросать на нас удвоенные силы. Мы немедленно заткнули эту дыру одной нашей дивизией, еще одна дивизия прибудет сегодня по железной дороге, по крайней мере часть ее. Особенных опасений это сражение у меня не вызывает, но все-таки такие ошибки действуют на нервы.

23/III — 1916.

Иностранное ведомство и Бетман[1] утверждают, что у нас нет достаточно подводных лодок, чтобы осуществить этот план, мы поэтому не должны бессмысленно поднимать против нас все нейтральные страны, что было бы слишком тяжело

[1] Бетман-Гольвег — канцлер.

для нас. Кто прав в этом споре, можно было бы решить лишь тогда, если знать точно число и силу наших подводных лодок. Те сообщения, которые я до сих пор имел, указывают на то, что их у нас недостаточно. Вот почему я стою на точке зрения Бетмана и нахожу настояния Тирпица опасными.

4/V — 1916.

У Вердена повидимому наступило затишье. Это конечно неприятно. В первую очередь, за неудачную операцию несет ответственность верховное главнокомандование.

7/V — 1916.

Австрийское наступление против Италии повидимому застопорилось. Флейшман [1] вне себя и возмущается бездарностью австрийского командования. Они в течение целого месяца были совершенно готовы и ждали лишь хорошей погоды. Как раз тогда итальянцы начали наступать у Коль ди Лиана и в некоторых других пунктах, — совершенно мелкие стычки. Но австрийское правительство стало нервничать и стало направлять в районы этих стычек крупные силы. Из-за этих бессмысленных маршей дивизии потерпели в горах такие большие потери, точно они совершили большой поход, между тем как они должны были только начать его.

10/V — 1916.

Американский ответ — по крайней мере, в изложении Рейгера — неслыханное бесстыдство. С Мексикой они вероятно разговаривали бы более вежливо.

12/V — 1916.

На Западе говорят о различных переменах в командовании. Некоторые командиры выйдут в отставку. Фалькенгайн ищет повидимому козлов отпущения, чтобы оправдать свою неудачу и неуспех ген. Таппена [2].

22/V — 1916.

У нас положение без перемен. Организация особого управления для урегулирования распределения продовольствия

---

[1] Флейшман — австрийский офицер для связи при штабе главнокомандующего Восточным фронтом.

[2] Нач. оперативного отдела штаба верховного главнокомандования.

в Германии создала за границей такое впечатление, будто к осени с Германией будет кончено. Русские полагают повидимому, что им нет нужды больше наступать, так как с нами все равно покончено. Пусть, это нам только на руку. Австрийское наступление развивается хорошо. Я допускаю возможность, что итальянцы поднимут теперь крик и русские вынуждены будут перейти в Галиции в наступление, чтобы помочь таким образом итальянцам. Они пожалуй перебросят от нашего фронта много войск, чтобы послать их туда. Мы пожалуй сумеем что-либо предпринять тогда и без помощи верховного командования.

23/V — 1916.

Удачен ли выбор Батоцкого [1], выяснится лишь впоследствии. Он безусловно умный человек, но большой фантазер. Кроме того у меня создается впечатление, что в новом продовольственном комитете слишком много людей. При таких условиях вряд ли можно будет спокойно и хорошо работать.

24/V — 1916.

У меня такое впечатление, что русские как будто убирают отсюда войска, повидимому к югу против австрийцев, но я еще не твердо уверен в этом. Быть может получится такое соотношение сил, что мы кой-что сумеем предпринять. Будем надеяться, что во всяком случае австрийцы не поддадутся панике. Пока итальянская операция протекает благополучно. Повидимому итальянцы просто удирают. Иначе нельзя объяснить захват такого огромного числа пушек при таком ничтожном числе пленных. Решительное поражение итальянцев наступит тогда, когда Кадорна [2] отойдет от Изонцо, чтобы не дать себя отрезать.

26/V — 1916.

В Италии, повидимому вследствие снежных затруднений, наступило затишье, по крайней мере на одном австрийском крыле, что я однако считаю желательным, так как тыловые части будут иметь достаточно времени, чтобы пододвинуться

[1] Батоцкий — председатель общеимперского продовольственного комитета.
[2] Кадорна — главнокомандующий итальянской армией.

и подвезти амуницию и продовольствие. У нас действительно получается такое впечатление, будто русские наконец намереваются наступать хотя бы на одном месте, но повидимому, с солидными силами. Ну, что ж, я ничего против этого не имею. Мы все приготовили.

27/V — 1916.

В понедельник вечером ожидается приезд кайзера. После прибытия доклад, ужин, а затем объезд фронта. Безусловно будут разговоры о больших переменах, но я не верю, чтобы эти разговоры привели действительно к перемещениям людей на важнейших постах. Я не смею во всяком случае надеяться на это. Точно так же осуществление давно задуманного мною наступления вряд ли пройдет так гладко. Все зависит от того, сумеет ли нам дать что-нибудь Запад. Отказаться от Вердена было бы невозможно, этого и мы не могли бы советовать, а я пока не знаю, найдутся ли у них какие-нибудь лишние части. Во всяком случае нервы мои крайне натянуты. У меня конечно бешеная работа — подготовить и провести все мероприятия по обеспечению спокойствия и приема кайзера. Все это лежит на мне, не говоря уже о том, что я должен составить доклад, который Гинденбург будет читать.

29/V — 1916.

Тут все лихорадочно возбуждены перед сегодняшним вечером. Надежда на то, что Фалькенгайн не приедет, не осуществилась. Он все же приезжает. Только Таппен остается на Западе. В связи с положением у Вердена, они конечно не могут все кататься. Я не возлагаю больших надежд на этот визит. Повидимому это не что иное, как увеселительная прогулка. Кайзер посетит также всех командующих армиями. Каждый командующий армией должен будет сделать кайзеру доклад. Во избежание могущих произойти при этом глупостей, я вчера распорядился, чтобы все начальники штабов армий прибыли сюда, и всем им сообщил о том, что тут будет сказано, и потребовал от них, чтобы они мне сообщили, что их командиры намереваются докладывать. Я против сюрпризов. Итак все в порядке. У нас будет только слишком тесно за ужином, так как один только придворный поезд доставит сюда 16 гостей.

30/V — 1916.

Очень милый визит, который произвел большое впечатление, но в политическом и военном отношении безрезультатный. На вокзале был большой прием, а затем все проследовали через разукрашенные улицы в нашу ставку. Доклад фельдмаршала. При этом были его величество, фельдмаршал, Людендорф, я, Фалькенгайн, генерал фон Линкер и в качестве представителя фон Плессена [1] — Хелмус. Мы доложили обо всем, что у нас было слышно. Затем еще до его величества взял слово Фалькенгайн, который указал, что наша идея хороша, но теперь на первом плане стоит Запад. Если все, что говорили е. в. и Фалькенгайн, правильно и соответствует действительности, они правы. Мы должны быть скромными. Но так ли это, нам конечно трудно решить. К сожалению мне пришлось очень мало говорить с господами из оперативного отдела, и я не мог вынести определенного впечатления. Во всяком случае они уверяли, что на Западе дела идут хорошо. Наши потери у Вердена тяжелы, но у французов еще более тяжелые. Англичане все больше и больше укрепляются, но не проявляют при этом никакой тенденции к наступлению. Во всяком случае нам там нужны сильные резервы, чтобы быть готовыми к английскому наступлению.

2/VI — 1916.

У нас все еще без перемен. К югу от Сморгони русские что-то предпринимают, но они пока еще не наступают. Ожидание уже само по себе действует на нервы.

В связи с морским сражением [2] у нас конечно большое воодушевление. Согласно германским сообщениям, англичане потеряли свыше 100.000 тонн, мы — около 20.000. Я с нетерпением жду английского сообщения. Вероятно они, как и всегда будут все отрицать.

3/VI — 1916.

Англичане все-таки признаются в своих тяжелых потерях во время морского сражения, за исключением „Уорспайта". Последнее особенно интересно, так как это один из самых

---

[1] Плессен — генерал-адъютант кайзера, комендант главной ставки.

[2] Речь идет о морском сражении при Скагерраке 31 мая 1916 г.

больших современных военных судов. Они хотят представить историю этого сражения в таком виде, будто мы имели столкновение лишь с их учебными и разведывательными судами и что при появлении больших судов сражение было прекращено. Таким путем они стремятся укрепить уверенность английского народа в огромном значении линейных кораблей. Будем надеяться, что наше морское ведомство сумеет доказать и потерю этого судна. Если это только возможно, было бы конечно, недурно предпринять теперь нападение наших судов на английский берег, чтобы показать миру, что наши потери не слишком велики.

С Запада вчера получилось сообщение, что форт Во взят. Интересно было бы знать, действительно ли это так. Я собственно не сомневаюсь, что мы форт взяли, ибо сообщение исходит из оперативного отдела, но весь вопрос в том, допустят ли французы, чтобы форт остался за нами. Это произвело бы конечно большое моральное впечатление.

Итальянцы вопиют и требуют от своих союзников помощи. Повидимому у них действительно дела плохи. Ясно, что теперь в первую очередь должны выступить русские. Естественнее всего было бы повести большое наступление у румынской границы. К этому русские пожалуй готовы, но все их резервы или по крайней мере главная их масса находятся здесь у нас. Весь вопрос только в том, посадят ли они их опять на поезд, чтобы двинуть против австрийцев, или же они поведут наступление против нас. Во всяком случае, этот вопрос должен быть скоро разрешен.

6/VI — 1916.

После всех радостных военных событий последнего времени сегодня опять вышло что-то скверное. Австрийцы у Ровно опять допустили, чтобы русские их поколотили. Линзинген, в чьей группе это дело происходило, возмущен... Самое возмутительное, что все русские резервы стоят около нас, а австрийцы значительно превосходят их в Галиции. Совершенно недопустимый скандал! Естественно, что сейчас начнутся крики о помощи, а вопрос обстоит вот как: что мы можем дать? По чистой совести мы ничего не можем дать. В лучшем случае мы можем кой-чем помочь, но для этого Запад должен дать нам замену... Да, и это надо перенести.

7/VI — 1916.

Опять обычная история: 4-я австрийская армия отступает, будто она подверглась нападению, но так как командующим армиями является эрцгерцог, то тут ничего не поделаешь. Несчастье конечно только местного значения. Необходимые резервы уже в пути, чтобы исправить дело.

11/VI — 1916.

Русские до того поражены своей победой, что вчера приостановились и ничего не предпринимали. Пока что — наши войска туда подоспеют. Я надеюсь, что в скором времени все опять уладится.

11/VI — 1916.

Сегодня опять масса работы из-за почтенных союзников. Мы понятно посылаем все, что только в силах. Самое комичное то, что пожалуй больше всего удивлены этой победой сами русские. Свой главный удар они готовили против нас. Там у австрийцев это только была демонстрация. К сожалению австрийцы не разобрались в этом. Известную долю вины несет конечно и наше верховное главнокомандование. Оно никогда не должно забирать с австрийского фронта все наши войска. Только мы в состоянии их удержать. Самое большое несчастье это — прорыв у Люка. Но я надеюсь, что через несколько дней все будет опять приведено в порядок. Самого главного виновника — эрцгерцога, который командовал там, наконец сняли. Его преемник — какой-то венгерский генерал с совершенно непонятной фамилией [1].

12/VI — 1916.

У нас положение, как и раньше, без перемен. Этот разгром австрийцев у Люка кажется будет исправлен. Там уже находится много германских войск, и еще прибывают другие, так что можно больше не опасаться. Нас этот инцидент занимает только потому, что если отступление группы Линзингена будет продолжаться, то оно может отозваться и на генерале Войрше и на 9-й армии. Тогда дело может принять опасный оборот. Пока опасность устранена... Трагично или скорее трагико-

[1] Генерал фон Терцанский.

мично то, что наше верховное главнокомандование теперь освободило для австрийцев гораздо больше войск, чем мы просили для нашего наступления.

14/VI — 1916.

Подкрепления для австрийцев подходят, частично уже пришли, и скоро все будет приведено в порядок. Румыны пока объявили себя лойяльными. Они обещают разоружить всех русских, которые перейдут их границу. Я полагаю однако, что если русские перейдут с большими силами румынскую границу, Братиану ограничится одним бумажным протестом.

16/VI — 1916.

Верховное главнокомандование потребовало от фельдмаршала подробных данных о том, как он оценивает настоящее положение. Мне приходится это писать. Поэтому я отложил все остальные дела. У нас положение без перемен. Что касается австрийцев, то принятые меры требуют для своего осуществления времени. Необходимо поэтому запастись терпением. Поражение австрийцев конечно не доставляет большого удовольствия, но особенно рвать волосы также не приходится.

19/VI — 1916.

Повидимому австрийцы не в состоянии удержать Черновицы. В таком случае будет гораздо правильнее уйти, чем потерять там 100.000 человек. Там и мы не в состоянии ничем помочь. В том районе нет железных дорог или, точнее говоря, одна узкоколейка, по которой конечно нельзя близко подвезти подкрепления.

Общее положение на Восточном фронте таково: русские готовились к большому наступлению повидимому одновременно с французами и англичанами, — как будто против нас. В это время французы ввязались в бои у Вердена. Начнут ли теперь действовать англичане, или же они после последних боев у Ипра не совсем доверяют себе, — все это выяснится лишь впоследствии. Во всяком случае русские собрали против нас огромные силы — около 76 дивизий. Австрийцы ни-

чего плохого не ожидали и направили слишком большие силы против Италии. Наше командование точно так же допустило ошибку, забрав на Запад большинство германских войск, которые находились при австрийцах.

Почему русские не провели своего плана, я еще не знаю, но во всяком случае нам только наруку то, что они, в 3-4 раза превосходя нас численностью, не решаются выступать против нас. Вместо этого они, повидимому вынужденные к этому Италией, выступили небольшими силами против Австрии, но лишь в одном месте... Русский успех был велик, они поэтому решили, что им нет смысла рисковать и связываться с проклятыми германцами, а лучше перевезти все свои резервы на юг и добиться там победы. Надо полагать, что они по крайней мере так думали, ибо за последние 48 часов они увозят от нас все свои войска.

Австрийский фронт теперь будет со всех сторон подкреплен самими австрийцами, нашим верховным главнокомандованием, а также нашими силами. У Люка удалось приостановить отступление, а в некоторых местах даже перейти в наступление, а дальше к югу, в особенности у Черновиц, как уже было сказано, никакая помощь невозможна из-за железных дорог. Понятно, что потеря Черновиц явится большим моральным подкреплением для наших врагов, но в то же время это имеет и хорошие стороны. Австрийцы так возгордились, что с ними вообще нельзя было разговаривать. Итак, нужно подождать, пока все опять уладится.

22/VI — 1916.

Мы продолжаем отдавать войска на юг, а я должен снаряжать их в путь. Русские повидимому прекратили всякие наступательные действия против нас и все отправляют против австрийцев. У Люка дела подвигаются вперед, но медленно, ибо нам все приходится делать самим. Мы там достаточно сильны.

Сперва нужно привести все в полный порядок у Люка и только после этого можно будет подумать о Черновицах. На Западе спокойно, ждут английского наступления. Выступят ли и французы где-либо, еще неизвестно, но я в это не верю.

29/VI — 1916.

Вилли Зольф[1] вчера позвонил мне. Он хочет прибыть сюда и прочесть свой доклад о нашей будущей колониальной политике. Никто его знать не хочет, нам также не хочется слушать плохого доклада. Он все еще мечтает о соглашении с Англией и хочет иметь колонии без большого флота, — одним словом, отдался в большей или меньшей степени на милость Англии.

30/VI — 1916.

Я все же добился от фельдмаршала разрешения на приезд сюда Зольфа. Он приедет в ближайшую среду. До него еще об этом самом попросил и г-н Гельферих[2]. Чего все эти господа добиваются, я не могу понять; очевидно главным образом поддержки фельдмаршала.

2/VII — 1916.

Канцлер повидимому предпринимает новую атаку против Фалькенгайна, но я сомневаюсь, чтобы он добился какого-нибудь успеха. Е. в. должен будет когда-нибудь убедиться, что все военные затруднения являются следствием ошибок верховного главнокомандования, но я не поверю, чтобы он сделал отсюда все необходимые выводы и удалил бы Фалькенгайна. Канцлер также недостаточно энергичен для того, чтобы поставить вопрос о кабинете. Если он это сделает, Фалькенгайн безусловно падет, ибо Бетман сидит теперь более крепко, чем когда-либо. Я бы это считал во всяком случае целесообразным. Каппу пока не стоит ввязываться, у него никаких шансов. Мы пока не имеем лучшего канцлера в виду.

Все это очень действует на нервы. Людендорф очень возбужден. Единственный человек, который сохраняет олимпийское спокойствие, это — фельдмаршал Гинденбург.

4/VII — 1916.

Кругом сплошная чертовщина. Было бы наслаждением быть солдатом, если бы только верховное главнокомандование и австрийцы были бы чуть-чуть лучше. Все русские наступле-

---

[1] Министр колоний, а с 1918 г.—министр иностранных дел.

[2] Министр внутренних дел.

ния против нас легко отбиваются. Мы теперь нацарапали со всех углов и концов войска, чтобы помочь на юге. Я сегодня в два часа ушел домой и сидел до 6.30 у телефона. На Западе довольны, англичане не подвигаются вперед, французские успехи на Сомме не так велики, чтобы они вызвали какие-либо опасения. Ясно, что в ближайшее время на всех фронтах разыграются тяжелые бои. Я лично, однако, совершенно уверен в будущем.

5/VII — 1916.

У нас все в лучшем порядке. Зато направо от нас приходится вести тяжелую борьбу. Мы посылаем все, что нам удается нацарапать. Бессмыслица конечно состоит в том, что не все подчинены нам. Австрийцы пожалуй согласились бы на это, но Фалькенгайн этого не хочет. Людендорф и я настаивали перед фельдмаршалом, чтобы он наконец написал его величеству и указал бы ему, что так не может дальше продолжаться. Я это письмо только-что составил.

Вчера за завтраком произошел забавный случай. Гельферих и Левальд [1] болтали во-всю, им все ясно. Наконец я больше не вытерпел и приблизительно сказал следующее: „С этим проклятым бездарным нашим правительством, которое завоняло даже небо, ничего хорошего не будет и впредь". Ну и рожи они состроили! Левальд спросил: „Вы вероятно читали брошюру Каппа?" „Для этого, — ответил я, — не нужна никакая брошюра, мой собственный разум мне это подсказывает".

6/VII — 1916.

Вчера и сегодня здесь Зольф. Он также ничего нового не знает. Продовольствия хватит. Трудности имеются, но они устранимы. Большая дружба с Бетманом. Все еще надежды на соглашение с Англией. Нас всех объединяет только ненависть к Фалькенгайну. Но пока все это будет выражаться только платонически и никто не решится рискнуть, дело обречено на неуспех. Из моего в общем любезного и милого письма фельдмаршал много вычеркнул. Надо еще подождать, пока выяснится, отправлено ли письмо.

[1] Левальд — товарищ министра внутренних дел.

У нас все в лучшем порядке. Русские кой-где наступают и безумно тратят снаряды, но с ничтожными результатами. У них безумные потери. Мы хорошо построили наши позиции. так что ничего не может случиться. Вчера, например, на участок одной нашей дивизии упало 4.600 гранат, а в результате— один раненый.

Группа Войрша, которая за последние дни доставила нам много забот, как будто также выходит, благодаря нашей поддержке, из тяжелого положения.

На Волыни и в Галиции в некоторых местах повидимому дела не блестящи. Причина: бездарность австрийцев и плохое руководство германцев. Ничего не поделаешь! До тех пор, пока там положение не станет критическим, они не согласятся предоставить нам верховное командование.

7/VII — 1916.

Как я и предполагал, письмо после многих подчисток и исправлений все же не ушло. Предполагалось, что оно должно было поступить одновременно с ударом, который должен был нанести канцлер. Теперь Эйзенгардт, которого мы послали к канцлеру, телефонирует нам, что тот из каких-то побуждений не идет вместе с нами. Таким образом все застряло.

По всему нашему фронту русские бешено наступают, но, несмотря на это, все в порядке, зато у австрийцев то же свинство. Самое правильное было бы, если бы нам предоставили бы верховное командование над всем Восточным фронтом, чтобы мы могли навести порядок. В этом смысле Гинденбург после долгих уговоров сегодня утром как будто вкратце телеграфировал в главную ставку. Если это не подействует, то по крайней мере у нас будет чистая совесть.

8/VII — 1916.

Вчерашняя телеграмма к Линкеру все же возымела действие. Мы очевидно расширим свое командование на часть Южного фронта. Как только это будет урегулировано, нам придется перенести свою ставку, — возможно в Варшаву. Бешеная работа!

11/VII — 1916.

Вчера тут был генерал Грюнерт, который в начале войны был у нас главным квартирмейстером, затем командующим VIII и IX армиями на Востоке и II армией на Западе. II армия пострадала от больших англо-французских наступлений. Хотя он заблаговременно знал о предстоящем наступлении и просил подкреплений, они ему — как и всегда — не были посланы. В результате французы добились успеха. Жертвой оказался он, его оттуда убрали и дали ему на Востоке дивизию. Он недурно выражается о нашем верховном главнокомандовании.

18/VII — 1916.

Нет никакого сомнения, что общее положение весьма серьезно. Противники наступают на нас в первый раз объединенными силами и мешают нам перебрасывать резервы с Востока на Запад. Все-таки я не считаю положение угрожающим. Необходимо выдержать. Если при этом будет потеряна какая-либо позиция или несколько километров, не беда. Самое главное сохранить спокойную, ясную голову.

Вчера русские и у нас наступали по направлению на Митаву. До сих пор все отбито. Сегодня утром послал туда еще кое-какие резервы. Я совершенно спокойно смотрю на будущее.

19/VII — 1916.

Вполне понятно, что у нас плохое настроение. Большинство людей не понимает, что мы не одержали еще той решительной победы, о которой пишут все германские газеты, и что мы должны вести тяжелую борьбу за то, чтобы удержать захваченное.

20/VII — 1916.

Поездка шефа в Берлин оказалась излишней. Вопрос о верховном главнокомандовании не был затронут. Разговор касался только таких вещей, которые прекрасно можно было бы разрешить и письменно. Повидимому Фалькенгайн хочет убедить его величество в том, что он пришел к соглашению с Гинденбургом о всех операциях. Людендорф приехал обратно совершенно взбешенный. Он имел беседу и с канцлером, с которым также не договорился. Фалькенгайн уверен, что

удастся удержаться на Западе. Главные трудности доставляют только австрийцы. Мы повидимому возьмем сюда пару австрийских дивизий и освободим несколько германских.

В середине августа наш флот будет опять готов к борьбе, английский — далеко еще нет.

27/VII — 1916.

Тот факт, что во всем мире так много кричат о прибытии турок в Галицию еще раньше, чем они прибыли туда, я считаю для австрийцев просто унизительным. В действительности будет прислан только один корпус. Энверу давно уже хотелось поднять свой престиж участием в европейской войне.

26/VII — 1916.

Положение австрийцев, как и раньше, невеселое. Но отсюда еще не следует, что верховное командование будет передано нам хотя бы до группы Линзингена включительно. Будем надеяться, что фельдмаршал не пойдет ни на какие компромиссы. Я не совсем уверен в этом и очень опасаюсь. Вчера например он все время говорил: „Да, но если мой император мне прикажет, я должен буду подчиниться".

30/VII — 1916.

Положение Фалькенгайна значительно пошатнулось, наше — усилилось.

31/VII — 1916.

Со вчерашнего дня мы взяли под наше командование армию принца Леопольда. Сегодня вечером мы переезжаем в Брест-Литовск, оттуда мы возьем под свое начало Линзингена, а также 2-ю австрийскую армию (Львов). Таким образом мы добились всего, что только можно было. Фельдмаршал и Людендорф прибыли из Плеса весьма довольные. Звезда Фалькенгайна закатывается. При весьма крупных стычках между Гинденбургом и Людендорфом, с одной стороны, и Фалькенгайном, с другой, е. в. был абсолютно за первых. После этого Фалькенгайн не явился на придворный обед, и таким образом возникла надежда, что быть может он настолько рассердился, что захочет подать в отставку. К сожалению, наша надежда не оправдалась, но все же наша позиция сей-

час сильно укрепилась. Задача бороться со свинством на юге конечно далеко не легкая, но я не сомневаюсь, что она окажется нам по силам.

Брест-Литовск, 2/VIII — 1916.

Вчера мы благополучно прибыли сюда. Я считаю, что это самый крайний срок. Как только мы прибыли, мы немедленно приняли командование над армией Линзингена, а с завтрашнего утра к нам переходит и вторая австрийская армия. Таким образом область нашего командования простирается от Львова до Балтийского моря. Хорошо по крайней мере, что в настоящее время не приходится перевозить армии на лошадях.

5/VIII — 1916.

По всему нашему фронту, повсюду, где стоят германские войска, все в полном порядке. Единственное, что меня заботит, это вторая австрийская армия у Львова. Пока мы не просунем туда германцев, я не буду спокоен.

6/VIII — 1916.

Командование на громадном фронте доставляет конечно много чести. Было бы однако приятнее, если не было так много работы. Это очень сильно действует на нервы. К тому еще вечные неприятности с верховным командованием.

7/VIII — 1916.

Здесь у нас сюрприз за сюрпризом. Вчера в полдень во второй австрийской армии все было в лучшем порядке. В два часа дня — донесение: русские наступают, наши отступают, положение весьма серьезное и т. д. Мы принимаем все необходимые меры. Вечером опять донесение австрийцев: дело вовсе не так плохо, и мы все стоим там же, где утром. Сегодня утром донесение: в некоторых местах русские прорвались, положение серьезное. Поразительно, как быстро они там теряют голову. Но раз там теперь германское верховное командование и несколько германских дивизий, то порядок в конце концов установится. Последние дни однако были полны волнений.

Вчера я говорил с шефом полевых железных дорог — с генералом Грэнером. Чрезвычайно умный человек. Он только что прибыл с Запада и находит, что положение там не внушает опасений. Тяжелые бои некоторое время еще будут продолжаться. Кризис однако миновал. Антанта делает колоссальные усилия, чтобы еще до осени нас уничтожить. В третью зимнюю кампанию едва ли кто верит. Я собственно, тоже не верю в это. Румыны внушают подозрение. Король преисполнен лучшими намерениями, но английские в французские денежки обрабатывают во-всю общественное мнение. Тем важнее, чтобы австрийцы остановились. Жалко, что верховное главнокомандование не приходит на помощь. Я лично вполне спокоен. Если румыны окажутся такими идиотами, на них ринутся турки и болгары. Румынская армия очень плоха и не вооружена. Салоникская армия Антанты — блеф.

8/VIII — 1916.

Каждый день приносит какие-нибудь новости. Наш фронт более или менее в порядке. На север, где русские отбросили австрийскую армию впереди Львова, сегодня прибудет столько германских войск, что завтра мы будем там в состоянии наступать. И вдруг на юге, где стоят войска австрийского кронпринца, которые нам не подчинены, все пошло к чорту. Генерал Зект, который там командует, вопит о помощи. Таким образом нам снова пришлось посадить часть наших резервов в вагоны и направить их на юг.

14/VIII — 1916.

Как и прежде, у нас много неприятностей с австрийцами и не меньше с верховным главнокомандованием. Фельдмаршал третьего дня после наших настояний снова телеграфировал е. в. и получил всемилостивейший ответ, что мы должны заботиться только о своих делах. Я сказал Людендорфу и Гинденбургу, что, по моему мнению, Гинденбург должен наконец серьезно поставить вопрос: Фалькенгайн или он. Но Гинденбург не хочет этого. Ничего не останется делать, только беситься. Самое курьезное во всем этом, что верховное главнокомандование действует так, как мы рекомендуем, но при этом делает вид, будто все это оно делает по своей инициативе.

Здесь необходимо иметь крепкие, как канаты, нервы На-днях мне здесь все до того надоело, что я просил Людендорфа отпустить меня и дать мне корпус. Он поговорил со мной очень мило, и я остался.

15/VIII — 1916.

У нас положение без перемен. Русские повидимому двигаются дальше на юг, чтобы использовать свой успех против эрцгерцога Карла. Наше командование обратило внимание на допущенные ошибки, и эрцгерцогу Карлу перебрасывается теперь столько сил, что с завтрашнего дня можно будет держаться и там. Таким образом постепенно все приходит в порядок, но к чему все эти неприятности и огорчения? Ведь все это было в конце концов зря. Любой человек давно мог все это предвидить. Только г-н Фалькенгайн ничего не видел.

17/VIII — 1916.

Здесь ничего нового. Постоянные ссоры и неприятности с Фалькенгайном также не представляют ничего нового. Он хочет взять у нас войска с такого места, где это совершенно недопустимо.

Поездка, которая вчера предполагалась, не осуществилась, так как е. в. всемилостивейше поблагодарил нас и указал, что не считает нужным принять нас. В свое время Гинденбург и Людендорф при посещении Плеса одержали полную победу. Фалькенгайн не явился даже к столу, и все были убеждены в том, что он подаст в отставку. Он этого однако не сделал, а после того, как Гинденбург и Людендорф уехали, он опять опутал кайзера. Я могу это объяснить только тем, что он преподносит ложные вести о положении, о своих и о наших распоряжениях. Во всяком случае, кайзер дважды проявил свою немилость к нам: один раз он велел нам телеграфировать, чтобы мы заботились только о нашем фронте, а теперь он отклонил наш протест по поводу того, что Фалькенгайн забирает у нас одну дивизию. Прошение об отставке Людендорфа уже было у фельдъегеря, когда Гинденбург решил замять это дело. Только когда Людендорф пригрозил своей отставкой, тот согласился попросить е. в. об аудиенции

Так как е. в. отклонил эту просьбу, ему теперь отправлен подробный доклад. От его ответа будет зависеть, как поступить дальше. Прошением Гинденбурга об отставке мы ничего не добьемся. Людендорф фактически незаменим. Я сам должен был уговаривать его ничего не предпринимать, пока не получится ответ на наш доклад.

21/VIII — 1916.

У Стохода идут тяжелые бои в одном месте. В течение двух дней я был несколько озабочен. Сейчас мы можем перебросить туда достаточно резервов. Австрийский фронт напоминает больную челюсть. При каждом дуновении ветра моментально начинается зубная боль. Кроме этого ничего особенного не произошло. Мы только и делаем, что стараемся наскребать какие-нибудь полки, создавать новые резервы, так как совершенно нельзя знать, что понадобится в ближайший час. Письмо к е. в. вчера отправлено. Большого впечатления оно не произведет, ибо оно касается только местных дел на нашем фронте.

Про все огромные ошибки, которые верховное главнокомандование сделало и продолжает делать, даже не расскажешь. Того, что случилось, уже не вернешь. Разговоры об этом вызвали бы панику среди народа. Нет такой силы в мире, которая могла бы убедить е. в. в ошибочности того, что он задумал, как, например, Верден. Наступление на Верден имело бы смысл лишь в том случае, если бы можно было крепость взять, но как только убедились, что французы не остановятся ни перед чем, чтобы удержать ее, и стало ясным, что потребуются огромные жертвы (не только в людях, но и в снарядах), то надо было отказаться от этой операции. Еще за четыре недели до наступления союзников на Сомме все решительно знали, что оно готовится, только одно верховное главнокомандование не верило в это и не приняло поэтому никаких мер. Когда начались неудачи у австрийцев, необходимо было с быстротой молнии посадить 6 дивизий в вагоны и послать туда. Фалькенгайн кокетничал и говорил, что у него ничего нет. Несчастье увеличивалось все больше и больше, а теперь он отправил туда 12 дивизий. Такие вещи нельзя равнодушно переносить. А таких примеров можно насчитать дюжинами.

Е. в. не ответил на наше донесение. Фельдмаршал чрезвычайно взволнован. Сегодня исполнилось ровно 2 года, как он явился вместе с Людендорфом в Мариенбург. Боже, сколько пережито за это время! Во всяком случае так много, что я на месте Гинденбурга иначе действовал бы.

24/VIII — 1916.

Вчера пришел ответ от е. в. на наше донесение — чрезвычайно милостивое собственноручное письмо к фельдмаршалу. В этом письме е. в., не соглашаясь с нами, приводит ряд утверждений, против которых никто никогда не спорил. Таким образом получилось снова переливание из пустого в порожнее. Этим дело и кончилось.

27/VIII — 1916.

Ко всему этому прибавляется еще забота об австрийцах, которые во всем сдают. Кадровые офицеры сидят в штабах, на этапах и где угодно, а комми вояжеры, актеры и мелкие чиновники, которые занимают посты офицеров на фронте, ни на что неспособны и не знают, что делать. Если даже вся эта публика была бы способна на что-нибудь, она все же не пользуется среди солдат никаким авторитетом. Ко всему этому это смешение народов с 23-мя разными языками! Никто друг друга не понимает... По польскому вопросу как будто достигнуто соглашение с Австро-Венгрией. Создается — главным образом из Царства польского — Польское королевство, а австрийский эрцгерцог будет там королем. Новое королевство не будет объединено с Галицией. Оно заключает военную конвенцию с Германией, то есть мы берем в свои руки армию и дипломатическое представительство. Об этом должно было быть уже объявлено, чтобы в первую очередь выделить польские легионы. К изумлению всех оказывается, что е. в. надеется прийти к сепаратному соглашению с Россией и не хочет отпугать царя таким решением польского вопроса. В сепаратный мир я не очень верю, хотя в последнее время в России стали раздаваться голоса о бесцельности продолжения войны

30/VIII — 1916.

На основании наших последних споров с верховным главнокомандованием мы должны были отказаться от всяких притя-

заний на армию эрцгерцога Карла. Но после совершенно неожиданного выступления румын все как будто испугались. Третьего дня днем Линкер телеграфировал Людендорфу, чтобы он и фельдмаршал немедленно явились в Плес. Фалькенгайн будто бы не имеет об этом никакого понятия и о прибытии их он узнает только, когда их лично увидит. Я сказал немедленно Людендорфу, что сейчас нельзя ограничиться мелочами, но что фельдмаршал должен поставить вопрос во всей широте. Он должен сказать е. в.: „После всех действий Фалькенгайна я больше не могу ограничиваться советами. Я готов поставить на карту свою славу, доверие народа ко мне и взять на себя тяжелую обузу и стать начальником штаба всей действующей армии. Если ваше величество согласны, Фалькенгайн должен еще сегодня исчезнуть, иначе разрешите мне снова вернуться в Брест-Литовск." Очевидно приблизительно так он и говорил, ибо вчера пришла телеграмма... [1] Для меня это большое повышение. Мне придется здорово поработать.

3/IX — 1916.

Мне приходится удерживать только то, что мы имеем, и пытаться снять отсюда как можно больше войск, чтобы п мочь другим. К этому сводится моя задача. Пока это нелегко. Русские бешено атакуют правый фланг нашей армии и Линзингена. До сих пор все отбито, и я совершенно спокоен за последствия.

Вчера у меня был первый спор с ген. Зектом. Он начальник штаба у эрцгерцога Карла и таким образом мне не подчинен... Тогда я обратился к Людендорфу, вышло так, как я хотел, и сразу стало спокойно.

14/IX — 1916.

Мы теперь имеем в Семиградии так много австрийских и германских войск, что не может быть и речи о дальнейшем румынском продвижении. С дальнейшими подкреплениями мы обрушимся на один румынский корпус, разобьем его, потом примемся за другой и т. д. В Добрудже дела идут хорошо.

[1] 29 августа Гинденбург был назначен нач. ген. штаба действующей армии, Людендорф — первым квартирмейстером, принц Леопольд Баварский — главнокомандующим Восточным фронтом, Гофман — начальником его штаба.

Антанта меньше всего этого ожидала. Там теперь находится одна румынская, одна русская и от одной до двух сербских дивизий. Последние составлены из дезертиров сербской национальности. Там необходимо как можно быстрее дойти до ж.-д. линии Бухарест — Констанца и закрыть ее для румын. Это самый короткий путь между Дунаем и морем. Если даже противнику удастся доставить туда подкрепления, все же это короткое расстояние можно будет удержать даже со слабыми силами.

17/IX — 1916.

Я не знаю, что стало с польским вопросом. Такие штатские люди, как канцлер и представители иностранного ведомства, не могут быстро принимать решения. Дня два тому назад я имел долгую беседу с каким-то князем Любомирским (из Львова), который приехал с визитом к принцу и хотел от имени поляков доложить ему их желания. Эти люди совершенно с ума сошли. Я не мешал ему все высказать, а затем предложил представить мне все в письменном виде.

Со вчерашнего дня русские опять бешено наступают. На нашем крайнем правом крыле, а также и у Линзингена мы все отбили. Зато они несколько отодвинули части Зекта. Сегодня с утра они молят о помощи. После телефонных переговоров с Людендорфом я послал туда один полк и три батареи.

19/IX — 1916.

Я только что сообщил Людендорфу, который ежедневно звонит, что у нас все в порядке. Сегодня он опять захотел получить от нас войска для какого-то предприятия, и я был в состоянии сказать ему: „Еще сегодня вечером войска будут отправлены“. Даже он был доволен. Чрезвычайно интересно удержать такой огромный фронт такими слабыми силами, да еще каждый раз выделять отдельные отряды для других. Но в этом имеются и ужасные стороны. Я бы предпочел быть тем, кто получает эти войска, чтобы добиться ими чего-нибудь Ничего не поделаешь, надо быть довольным тем, что есть.

22/IX — 1916.

Англичане и антинемецкая партия в Дании очень хорошо обработали датскую прессу. Им хочется создать в Дании анти-

немецкое настроение. Но принятые своевременно меры (войска на датской границе, сооружение укрепленных позиций, требование от датских купцов, чтобы они платили вперед и т. д.) — все это подействовало очень охлаждающе.. Датчане в массе своей настроены нейтрально. Пока нынешнее министерство останется у власти, Дания безусловно останется нейтральной.

24/IX — 1916.

Судя по всем данным, русские снова собираются серьезно наступать. Я совершенно спокойно смотрю на это дело, но тяжесть ответственности все же слишком велика.

2/X — 1916.

В Семиградии все прошло очень гладко. Я полагаю, что господам румынам сегодня немножко жарко. Я бы расколотил еще несколько их дивизий, а затем предложил бы им мир. Это было бы самое лучшее разрешение вопроса.

3/X — 1916.

Русские вчера бешено наступали. Первый русский гвардейский корпус был 17 раз отбит, и все в порядке. Но я все же должен нацарапать кое-какие резервы.

В ближайшие дни сюда приедет е. в., чтобы поблагодарить войска Линзингена и Бем-Ермоли. Затем приедет эрцгерцог Фридрих, а через некоторое время король Баварии. Пожалуй я скоро научусь искусству гофмаршала. Людендорф только что вызвал меня, ему хотелось бы подчинить нашему командованию еще некоторые части к югу, так как там делают глупости. Это доверие мне льстит, но работы будет пожалуй слишком много.

12/X — 1916.

То, что канцлер слабый человек и давно должен был быть устранен, — об этом знают все. Как это ни комично, но у нас лучшего нет. По крайней мере я такого не знаю. Солдату многого не хватает. Тирпиц, Гельферих! Одним словом, я никого не знаю. Такое же положение и в иностранном ведомстве. Мало прогнать Ягова, [1] если не изменить всей системы,

[1] Министр иностранных дел

а изменение системы вызвало бы полное изменение всего нашего общественного строя...

Я говорил с ген. Плессеном и с Линкером о Ягове и об иностранном ведомстве. Они сказали мне, что уже много раз были разговоры с е. в. и с канцлером о том, что необходимо удалить Ягова, но все эти разговоры всегда кончаются одним и тем же: он все же умнее других, а более подходящего человека нет.

15/X — 1916.

Ясно, что единственная возможность соглашения с Россией связана исключительно с удовлетворительным разрешением Дарданельского вопроса.

У нас масса тактической работы, тем более, что в ближайшие дни наше командование будет распространено еще на 3 австрийских армии. Тогда мы будем командовать от Балтийского моря до Карпат. Эрцгерцог-наследник и ген. Зект будут командовать в Венгрии и в Семиградии. Таким образом, мы с ними окончательно расстанемся.

17/X — 1916.

От Карпат до Рижского залива! Собственный салон-вагон, большею частью экстренный поезд, торжественные встречи всюду, где бы я ни появлялся, все в полном параде на вокзалах, когда я уезжаю, и т. д. Когда я после войны получу обратно свой пехотный полк, я буду сам себе казаться комичным. Но все же я бы предпочел, чтобы это было сегодня, а не завтра. Заботы и ответственность так велики, и постепенно стареешь.

20/X — 1916.

Мне ужасно любопытно было бы знать, как русские намереваются помочь своему румынскому союзнику. Они оттягивают от всего фронта войска и повидимому перебросят их на Карпаты и к границам Семиградии и там нападут на австрийцев. Тогда и нам придется собрать войска и подвезти их к австрийцам, чтобы те могли опираться на германские войска. Самое главное во всей этой истории — как можно скорее выяснить, где что можно взять и отправить по железной дороге быстрее, чем русские могли бы предпринять то же самое. Мы

перевозим конечно быстрее, но австрийские трескучки и этот оголтелый персонал вызывают огромную потерю времени. К этому еще ужасающая медлительность движения против румын. Германские войска до сих пор еще не совсем выгрузились.

4/XI — 1916.

Только что меня вызвал Людендорф: завтра предстоит объявление Польского королевства. Через 8 или 10 дней начнется организация польской армии. Трудности с присягой, наконец, устранены. Поляки будут присягать германскому кайзеру, как своему верховному главнокомандующему во время войны, и австрийскому, как монарху, гарантирующему восстановление Польского королевства.

5/XI — 1916.

Я конечно чрезвычайно заинтересован тем впечатлением, которое произведет манифест о Польше, и тем, удастся ли нам действительно получить солидное число польских солдат. Только что позвонили из оперативного отдела главной ставки. Людендорф опять хочет получить от нас дивизию. На этот раз для Запада, где им действительно трудно. Восточный фронт является неисчерпаемым источником. Но постепенно иссякает и этот источник.

7/XI – 1916.

Особенные трудности доставляет нам вопрос о поставке лошадей. Из-за границы мы ничего не получаем больше, а покрывать убыль внутри страны не удается. Нужно изыскать такие места, где можно было бы получить лошадей. Несколько дней тому назад одна армия потребовала 23.000 лошадей.

Иностранной печати с отзывами о польском манифесте мы еще не получили. Но перехвачено французское радио с невероятной руганью. Очевидно это дело им не понравилось.

11/XI – 1916.

Моя поездка в Плес прошла очень мило. Людендорф сам встречал меня на вокзале. Мы вместе пили у него чай. Естественно мы сейчас же заговорили о служебных делах. Я сразу предложил дать ему все, что только могу. Людендорф был очень доволен. Пока мы сидели в кабинете, Людендорф рас-

сказал мне о своей деятельности. Во всяком случае это был самый крайний момент, чтобы вышвырнуть Фалькенгайна и его присных. Иначе еще этой осенью произошел бы крах. Благодаря энергичным мероприятиям, положение спасено, и мы теперь находимся в полосе подъема. О проектах Людендорфа будут еще большие разговоры. Он намеревается представить рейхстагу проект закона о принудительном труде. Каждый немец должен работать. Таким путем нам удастся преодолеть все трудности с производством снарядов, а это самый главный и решающий вопрос. Сейчас разрабатывается вопрос о военном продовольствии для всего населения Германии. Людендорф вечно воюет с канцлером и морским ведомством, с первым потому, что тот не хочет выбросить Ягова, а с последним потому, что там сидят фантазеры. Успешная подводная война в Северном море—дело рук Людендорфа, а не морского ведомства.

Положение на Западе: борьба тяжела, но никаких опасений. Так как на Западе нервы у солдат скорее изнашиваются, чем на Востоке, то приходится все время обмениваться войсками, что не вызывает особенных затруднений.

Затем появился ген. фон Граммон, германский офицер для поручений в Тешене. Разговоры о польском легионе и о польской армии. Людендорф совершенно ясно представляет себе положение и те результаты, к которым польское королевство может привести, но мы нуждаемся в новых войсках и должны пойти на некоторые уступки. Вопрос о будущем короле остается открытым. Тут особенной спешки и не нужно. Нельзя же избрать короля, пока нет ни армии ни правительства, на которых он мог бы опереться.

Затем пришел Конрад фон Гетцендорф [1] со своими сотрудниками из оперативного отдела. Мы обсуждали дальнейший ход операций в Семиградии и какие подкрепления я мог бы еще послать туда.

Е. в. в Плесе, но он болен. Людендорф не верит в эту болезнь. Он полагает, что тот недоволен трудовым законопроектом и спасается таким путем от доклада. Вся свита возмущена, что Людендорф говорит е. в. всю правду без всяких прикрас.

---

[1] Нач. штаба австрийской армии.

25/XI — 1916.

Перед нашим фронтом заметны большие передвижения, по-видимому русские начнут кое-где наступать, чтобы помочь румынам. Милейшая Антанта пока оставила румынских прохвостов совершенно беспомощными. Так им и надо. Я надеюсь, что мы займем Бухарест.

Я уже давно слышу о проекте назначения Людендорфа канцлером. Будучи в Плесе, я с ним говорил по этому поводу и сказал ему, что я не знаю другого более подходящего для этого поста человека, чем он.

26/XI — 1916.

На послезавтра я пригласил сюда к обеду начальника польского легиона и его штаб. Легион со вчерашнего дня переведен из Барановичей в Варшаву. Этот легион должен развернуться в новую польскую армию.

Принц не привез с собой из Вены никаких особенных новостей. Может быть он не хочет со мной поделиться. В польском вопросе он ничего не добился. Австрийцы из соображений престижа не хотят отказаться от люблинского генерал-губернаторства. Я не очень много хорошего предвижу от этих легионов.

Вопрос о мире [1] вызвал тут конечно большое возбуждение. Англия пустит решительно все в ход, чтобы затормозить это дело. Характерно, что итальянцы, которые уже в течение 14 дней закончили все свои приготовления к наступлению у Изонцо, все же не наступают, несмотря на прекрасную погоду. Ко всему этому поведение австрийского императора чрезвычайно странно. У меня получается впечатление, будто австрийцы и итальянцы ведут какие-то переговоры.

Между Россией и Англией большие разногласия по вопросу о доставке военного снаряжения. Не исключено поэтому, что с кем-нибудь удастся начать переговоры. Я не верю, что Англия пойдет теперь на мир. Может быть мы добьемся того, что Америка, убедившись в том, что Англия тормозит мир, станет более разумной в вопросе о подводной войне.

---

[1] 12 декабря 1916 г. Германия и ее союзники выступили с предложением мира.

14/XII — 1916.

Я занят очень большой работой. Я посылаю человека в Плес, который должен представить Людендорфу проект операции против России. У меня есть одна идея, которую я не хочу скрыть от Людендорфа. Здесь мне трудно конечно выяснить, насколько этот проект осуществим.

21/XII — 1916.

Ясно, что не все идет так, как хотелось бы. Консерваторы кричат так громко не из опасения за будущее родины, но главным образом потому, что они боятся потерять свое политическое влияние. Нам уже не придется диктовать условий мира. Для этого мы должны были выиграть сражение на Марне или, по крайней мере, сейчас же после этого поставить у руля не Фалькенгайна, а Людендорфа. Как это ни грустно, но мы должны быть скромны в своих требованиях. Против этого не помогут никакие удары кулаком по столу и никакая игра в сильного человека...

9/I — 1917.

Вчера я получил письмо от Людендорфа. Он жалуется на канцлера и на иностранное ведомство. Оба они совершенно не знают, чего хотят.

Мои предположения о наших целях войны не изменились за последние два года. Я не хочу Бельгии, в особенности из-за связанного с этим роста центра и социал-демократов. От Франции я хочу, чтобы она откупилась за 25 миллиардов. Бельгия также должна платить за военные убытки. До тех пор надо удержать в своих руках бельгийские железные дороги. Из соображений престижа Льеж должен перейти к Германии.

На Востоке нам нужно получить Литву и Курляндию. Границы с Польшей должны быть улучшены в стратегическом отношении. Для этого совершенно необходим Осовец. Вильно нам не нужно, этот город может перейти к полякам, свои границы они могут продвинуть на восток, сколько им угодно.

Болгария получает Македонию и Добруджу, Австрия хороший кусок Сербии, но она хочет дальнейшего раздела Польши, если мы не согласимся, чтобы вся Польша перешла под верховную власть Габсбургов. Румыния должна платить.

Вопрос только втом,как нам удастся провести все эти условия в жизнь. Я стою на той точке зрения, что можно было бы разбить Россию, если бы только нам дали необходимые для этого войска. На Западе остается только обороняться и усилить подводную войну, если только нам хватит для этого подводных лодок. Во всяком случае это единственный способ нажать на Англию. Америку придется чем-нибудь купить. Если же у нас подводных лодок недостаточно, надо продержаться, пока в Англии, в особенности во Франции нужда станет так велика, что они будут готовы к переговорам. Пока мы должны заботиться о снаряжении войск и о снарядах, чтобы иметь возможность отбить предстоящее весною большое наступление. Оно безусловно будет, но у нас достаточно резервов, так что мы совершенно спокойно можем ожидать его.

16/I — 1917.

Вчера у меня был Капп. Он изложил мне все ничтожество нашего правительства. Мы теперь совершенно единодушны: так как канцлер не согласен на усиленную подводную войну из-за своей ужасающей нерешительности, то ничего не остается, как смена лиц. Таково желание большинства народа. Но Капп переоценивает во всяком случае мое влияние в этом деле. Я охотно обещал ему написать. Труднее всего конечно разрешить вопрос о лицах. Его кандидат—Тирпиц. Самое худшее, что и я в настоящее время лучшего не знаю. Людендорфа пока еще нельзя заменить, но и он плохо разбирается в политике. К тому же он раньше никогда не занимался политикой. Все же было бы хорошо, если бы Тирпиц фигурировал только в качестве „исправляющего должность", чтобы потом Людендорф мог занять его место. Вот о чем главным образом шла речь.

Завтра сюда приезжает принц Генрих. Я не знаю, что ему нужно, но предполагаю, что он хочет стать герцогом Литвы и Курляндии, быть может, даже королем Польши. До сих пор каждый, кто приезжает сюда, чего-то хочет.

17/I — 1917.

Я искренно смеялся над всеми выводами Виттинга. Кто больше всех гремел о том, что мы должны будем вести войну,

что мы не можем отказаться от всего? Г-н Виттинг. Конечно мы могли бы и летом 14-го года смириться, тогда Антанта выступила бы только в 17-го году, когда она была бы готова. Вот поэтому-то мы и начали войну. Несчастье было только в том, что наше военное руководство не оказалось на высоте. Разница между мною и Виттингом в настоящее время в том, что я не хочу никакого мира, преподнесенного нам интернациональными банкирами, потому что я хочу победы. Она и теперь совершенно возможна, конечно не в таком виде, как раньше, а именно, что вражеская армия будет взята в плен или перебита, но мы например могли бы взять Петербург и этим заставить русских пойти на мир или же подводной войной значительно уменьшить значение Англии.

5/II — 1917.

Столь быстрый ответ Америки указывает на то, что между Вильсоном и Англией имелся какой-то тайный договор. Вот почему Америка всегда вмешивалась, как только где-либо положение менялось в нашу пользу. Хорошо по крайней мере, что положение выяснилось.

8/II — 1917.

В ближайшие недели мы объединяем управление Литвы и Вильно—Сувалки (до сих пор—два самостоятельных больших района) в одно Велико-Литовское с центром с Вильно. Это вероятно будет иметь политические последствия. Поляки усмотрят в этом удар против них, т. к. мы этим ясно даем им понять, что мы Сувалкскую губернию, которую Наполеон когда-то обещал присоединить к Польше, хотим отдать не Польше, но удержать для себя.

11/II — 1917.

То, что против Людендорфа ведутся интриги с разных сторон, а также со стороны военных кругов, мне, а также и ему прекрасно известно. Дать отставку Людендорфу в настоящее время невозможно. С ним вместе уйдет и Гинденбург, а это было бы ударом. Итак прежде всего спокойствие.

16/II — 1917.

Если судить по газетным сообщениям, с подводной войной дело обстоит хорошо. Чтобы произвести должное впечатление, мы должны в ближайшие три месяца потопить от 800.000 до

1.000.000 тонн. Я полагаю, что этого было бы достаточно. Тут еще прибавится страх, так что многие суда вообще не захотят рисковать.

О внутреннем положении России получаются весьма радостные известия. Повидимому дальше, чем до осени, Россия не сможет устоять.

23/II — 1917.

Ясно, что поляки теперь разовьют большую пропаганду за то, чтобы Литва и Курляндия были бы присоединены к польскому королевству. Я в настоящее время веду очень оживленную переписку с Варшавой, иностранным ведомством и канцлером, чтобы заткнуть полякам глотку.

27/II — 1917.

Тут в нашем районе четыре враждующих элемента: немцы, поляки, литовцы и латыши, которых ни один политик в мире не в состоянии объединить. И поляки, и литовцы, и латыши ненавидят нас, так как каждый из этих народов хочет властвовать. Это положение изменить нельзя. У меня в этом отношении совершенно чистая совесть, я поэтому пригласил сюда депутатов, чтобы они лично ознакомились с местными условиями.

Все мы знаем, что Людендорф—не политик. Он слишком импульсивен для этого. У него все должно немедленно осуществиться, в то время как политик должен уметь выжидать.

4/III — 1917.

Наше маленькое предприятие у Стохода вчера прошло хорошо. 9.000 пленных, среди них четыре полковых командира, 15 орудий, 200 пулеметов и минометов. Это довольно прилично. Я рассчитывал максимум на 3.000. Русская армия становится все хуже и хуже.

5/III — 1917.

В общем теперь, как и раньше, большое оживление на всем русском фронте. Русские воздвигают много новых укреплений, и до окончания этих работ они, повидимому, наступать не станут. Наше положение в общем теперь лучше. Я получаю так много резервов, что могу совершенно спокойно смотреть на будущее. То, что русские оставили нас за послед-

нюю неделю в покое, явилось для нас большим счастьем. Они не знали своих преимуществ. Если бы они три недели тому назад начали наступление в некоторых пунктах, мы бы полетели к чорту. Это чувство очень мучительно и действует конечно, на нервы; отсюда вероятно и мое плохое настроение за последние недели. К тому еще неприятности с варшавским генерал-губернатором. Они проводят польскую пропаганду, и их очень мало трогает то, что скажут по этому поводу наши литовцы.

14/III — 1917.

У нас положение без перемен. В Петербурге как будто происходят большие беспорядки. Я не исключаю возможность, что произойдет открытый конфликт между Гос. думой и правительством и царь легко будет раздавлен между колесами. Окажет ли это какое-нибудь влияние на войну, неизвестно, но во всяком случае, это не исключено.

15/III — 1917.

В Петербурге действительно происходят серьезные беспорядки и уличные бои. Я не совсем понимаю, в чем дело, но полагаю, что правительство хочет распустить Думу, а та не хочет уйти. Подробных сведений у нас еще нет. Какие это будет иметь последствия для русской армии, еще не совсем ясно. Я не слишком большой оптимист, но во всяком случае нет сомнения, что по меньшей мере эти беспорядки вызовут нарушение железнодорожного сообщения, забастовки, пожары на фабриках и т. д., которые очень плохо отзовутся на доставке снарядов. Таким образом русская армия будет ослаблена. Нужно еще подождать дальнейшего развития событий. Пока что я распорядился напечатать одно воззвание на русском языке, чтобы разъяснить русским солдатам, находящимся в окопах, смысл всех этих волнений. Иначе эти бедняги ничего не будут знать, а это было бы жалко.

18/III — 1917.

К русской революции пока еще нельзя относиться слишком оптимистически. Пока армия не вызывает никаких затруднений. Великий князь Николай Николаевич опять назначен верховным главнокомандующим всеми войсками. Он поставит

себе целью добиться победы, а затем во главе победоносных войск двинуться на Петербург, чтобы повесить революционеров и самому стать царем. Он вероятно в ближайшие дни сделает все возможное, чтобы добиться победы. Возможно, что дела сложатся иначе. Для нас во всяком случае все это довольно отрадно, ибо такие потрясения не идут на пользу стране, которая ведет войну.

21/III — 1917.

Ясно, что надо сделать попытку связаться с Россией. Это будет трудно, так как пока еще никто не знает, в чьих руках собственно находится власть в России, и слишком большой спешкой можно еще повредить. Насколько я знаю, в связи со всеми этими предполагаемыми шагами канцлер поехал в Вену, чтобы обо всем там договориться.

6/IV — 1917.

Послание Вильсона чрезвычайно интересно. В настоящее время Англия объявила новый лозунг: „Мы ведем войну не против Германии, не против германского народа, но лишь против Гогенцоллернов и его прусских прихвостней". Это само по себе довольно удачно, но вместе с тем это является хорошим признаком. Приходится очевидно понемногу отказываться от идеи полного уничтожения и разрушения Германии. Они при этом спекулируют на помощь социал-демократии. Повидимому интернационал здорово работает.

12/IV — 1917.

Потеря позиций на Западе конечно очень неприятна. Такие несчастные случаи всегда могут произойти, и с этим необходимо считаться. Как я и предполагал, две дивизии проморгали. Они рассчитывали, что наступление произойдет позже, и не приняли соответствующих мер. Согласно вчерашнему сообщению Людендорфа, он надеется, что дело будет локализовано. Необходимо сохранить спокойствие. В конце концов не так уже важно, будем ли мы на пару километров ближе или дальше.

12/V — 1917.

У нас ничего особенного. Мы уговариваем русских, что пора наконец бросить все эти глупости и заключить мир,

но они однако еще не согласны с этим. Вчера в первый раз несколько наших офицеров поехали в Двинск в русский штаб. Никаких ощутительных результатов это пока не дало.

19/V — 1917.

У меня были вчера два депутата рейхстага, консерватор Винтерфель и социал-демократ Давид. Последний гораздо интереснее и умнее. Мы все с ним очень охотно беседовали. Они хотят присмотреться к нашему „фронту" и к нашим методам управления.

20/V — 1917.

На Западе повидимому большое наступление подходит к концу. В последние дни происходили лишь частичные английские и французские атаки, и французские газеты совершенно откровенно ругаются по поводу того, что великое наступление провалилось. Не исключена конечно возможность, что они попытаются в другом месте повторить наступление. Новый генералиссимус Петэн должен же наконец показать, на что он способен.

26/V — 1917.

Русские проводят огромную контрпропаганду против нас и стараются восстановить свою армию против всяких мирных проектов. Керенский как будто собирается на фронт, чтобы попытаться еще раз прогнать солдат в наступление. Ну, что ж, я ничего против этого не имею. У Изонцо итальянцы наступают с большой энергией, и австрийцы потеряли несколько позиций, но пока я не считаю дело опасным. Нам придется конечно опять помочь.

29/V — 1917.

У нас, как и раньше, ничего нового. Некоторое время тому назад при нашей пропаганде на фронте представилась возможность добраться до штаба русской армии. Генерал Драгомиров, главнокомандующий Северным фронтом, разрешил явиться к нему нескольким немецким офицерам. Оказывается, не он этого хотел, но солдаты его заставили так поступить. Во всяком случае я не хотел упустить такого случая и предложил принцу написать Драгомирову письмо, что

конечно было Драгомирову весьма неприятно. Он расписался в получении письма, но ничего не ответил. Теперь мы это письмо и цель его (попытка договориться с Россией о прекращении военных действий и о мире) распространяем по всему фронту посредством летучек.

1/VI — 1917.

В некоторых пунктах нашего фронта действительно наступило перемирие, в других местах перестрелка продолжается. Это совершенно своеобразная война.

Я чрезвычайно заинтригован делами на Западе. Я не могу допустить, чтобы англичане внезапно отказались от своего наступления. Я полагаю, что они еще где-либо соберут свои силы, возможно даже одновременно произведут какой-нибудь десант. На Западе у нас достаточно много резервов, так что можно спокойно смотреть на будущее, — все это благодаря русской революции.

7/VI — 1917.

Русские опять усилили свою контрпропаганду. Алексеев обещал предпринять наступление, а пока что он смещен, и Брусилов занял его место. Нужно подождать, пока выяснится, удастся ли осуществить наступление Брусилову. Во всяком случае мы принимаем все нужные меры. Лично я считаю это ужасной глупостью: победить они нас не могут, и получается только напрасное пролитие крови в честь Англии.

19/VI — 1917.

Повидимому русские действительно намереваются наступать на нас в Галиции. Ну, что ж, пусть начнут. Людендорф прислал нам еще немного артиллерии, и я теперь совершенно спокойно смотрю на развитие событий.

25/VI — 1917.

Русские держатся пока спокойно. Я не слышал ни одного артиллерийского выстрела и, несмотря на хорошую погоду, не заметил ни одного летчика. Я не верю, чтобы они в ближайшее время наступали. Удастся ли им это в Галиции, я еще не знаю. Это вероятно, но все же сомнительно. Во всяком случае все мои приготовления закончены: „пожалуйста, приходите, мы вам будем рады".

26/VI — 1917.

Что касается устранения „определенных людей", то мне вчера Эрцбергер по телефону сообщил, что и его терпение приходит к концу и что и он также за перемены. Он собирается мне написать об этом.

29/VI — 1917.

Я жду, начнет ли Брусилов свое наступление в Галиции или нет. Хочу надеяться, что он это сделает, и тогда я ему доставлю одну приятную „неожиданность". Пока что нельзя знать, удалось ли ему вытащить своих „товарищей" из окопов или нет.

1/VII — 1917.

Русские наступают в Галиции. Будем надеяться, что это продолжится 8 — 10 дней, и тогда мы дадим им хорошенько по голове.

2/VII — 1917.

Удивительный народ эти русские! В глубине своей души я боялся лишь того, что они откажутся от своего наступления на Галицию и лишат меня возможности провести против них контратаку. Вместо этого они уже в течение двух дней яростно наступают с огромными силами. Ничего подобного мы до сих пор не видели на Востоке. Против одной нашей дивизии — 7-8 русских. Это даже больше, чем я ожидал. Во всяком случае положение у нас очень интересное. Никаких опасений у меня нет, но нужно быть на чеку, ибо даже малейший русский успех может опять вызвать подъем военного воодушевления в русском обществе.

6/VII — 1917.

Пока моя „неожиданность" будет проведена в жизнь, нужно еще подождать 10 — 14 дней. Будем надеяться, что русские будут энергично продолжать свое наступление.

7/VII — 1917.

Здесь все в лучшем порядке. Вчера был очень большой день. Русские наступают огромными массами. Все отбито. Мои приготовления к „неожиданности" планомерно продолжаются.

11/VII — 1917.

Много работы и много неприятностей из-за наших милых союзников. Сражение в Галиции очень тяжелое, но нет никаких поводов для опасений.

17/VII — 1917.

Со вчерашнего вечера все мои заботы исчезли. Лицман взял опять Калуш, и мы там так сильны, что совершенно спокойно можем смотреть на будущее.

Погода также изменилась к лучшему, так что я надеюсь через 2 — 3 дня предпринять что-нибудь более энергичное. Моя „любовь" к Австрии за последние 14 дней значительно выросла. Вот идиоты!.. Только и делают, что бегут, только и делают, что лгут и пишут ложные донесения. К тому еще они совершенно бесстыдны и создают всюду осложнения. С каким удовольствием я бы воевал против этих молодцов!

18/VII — 1917.

Если погода будет хороша, я собираюсь завтра с утра перейти кое-где в наступление. Так хорошо, как я ожидал, не будет, ибо мне пришлось слишком много войск отправить к австрийцам, чтобы остановить их в районе Калуша.

19/VII — 1917.

Наша маленькая „неожиданность" у Злочева началась вчера хорошо. Мы прорвались на расстоянии 20 километров, и я надеюсь, что и в ближайшие дни дела пойдут хорошо.

21/VII — 1917.

Дело развивается планомерно. Я охотно имел бы немного больше пленных. Эти господа слишком быстро удирают, и мы не в состоянии догнать их. До сих пор мы имеем около 6.000 пленных и только 70 орудий.

Как дела пойдут дальше, я конечно не знаю, но я надеюсь, что хорошо. Мы сидим все еще в районе Злочева и пожалуй до конца месяца останемся здесь. Я не хочу выпустить эту операцию из своих рук.

23/VII — 1917.

Тут дела идут лучше, чем мы даже ожидали. Вся русская армия до самых Карпат отступает. К сожалению у нас слиш-

ком мало пленных, они слишком быстро удирают. Пушек мы имеем пока лишь 50.

Зато неприятность у Эйхгорна. У Сморгони и у Двинска русские сильно наступают и потеснили нас в одном месте. Меры приняты.

Теперь опять радостно чувствовать себя солдатом. Наплевать мне на всякую политику.

Вчера был тут австрийский император и держался так, чтобы только не быть невежливым. Никакого намека на благодарность за возвращение ему провинции.

25/VII — 1917.

Вчера утром прибыл е. в., был очень милостив, преподнес принцу и мне орден „Pour le mérite". Я сделал ему доклад, затем поехали на автомобиле по направлению к Тарнополю, к принцу Эйтелю-Фридриху, который сегодня с первой гвардейской дивизией взял ночью Тарнополь.

Сегодня е. в. уехал к южной армии. Меня тут задержали дела, поэтому с ним уехал принц. Людендорф прислал мне несколько очень хороших дивизий, с помощью которых мы выиграем сражение так, как я даже не смел мечтать. Дела идут хорошо. Русские отступают до самого Карпатского фронта.

Теперь уже нет такого ордена, который бы представлял для меня какой-либо интерес.

31/VII — 1917.

Много работы, много неприятностей. В Буковине русские защищаются очень упорно, и продвижение вперед с каждым днем становится труднее. Я все же надеюсь, что мы займем Черновицы.

1/VIII — 1917.

Только что позвонил мне Людендорф. Он доволен результатами вчерашнего дня большого наступления Антанты на Западе. Потери конечно велики, мы даже потеряли кое-какую территорию, но — что для меня самое важное — ему не нужны войска с Востока.

Наша операция тут подходит к концу, но я бы еще хотел занять Черновицы.

2/VIII — 1917.

Только что получилось сообщение, что наши части вступили в Черновицы. Будем надеяться, что русские не совсем разрушили город. Этим наше дело кончено, мы стоим теперь на границе Буковины и Галиции, которые мы вновь завоевали для австрийского императора. Я еще не могу выяснить, сделают ли русские попытку вновь занять эти места. Это конечно вполне возможно. Я во всяком случае надеюсь, что до середины августа здесь все будет улажено, и тогда можно будет приняться за что-нибудь новое. Мы не должны давать русским отдыха до тех пор, пока они окончательно не будут сломлены. Мы должны действовать против них одновременно и оружием и пропагандой.

9/VIII — 1917.

Наша операция в общем закончилась, и я теперь задумываюсь о другом.

5/VIII — 1917.

Газеты сообщают, что австрийский император пожаловал мне железную корону 2-й степени — орден, который я считаю слишком ничтожным в сравнении с нашими заслугами.

Австрийский император пожаловал за взятие Черновиц генералу Кэвешу звание фельдмаршала. Я уже сказал Флейшману и мог бы подтвердить это письменно: вся идея о галицийском сражении целиком и исключительно зародилась в моей голове, точно так же как и осуществление всей этой операции проводилось по моим указаниям.

11/VIII — 1917.

Вчера у меня было нервное напряжение. Зект — начальник штаба эрцгерцога Иосифа—начал к концу нашей победы новое наступление. Теперь все кричат, чтобы мы пришли на помощь. Я против этого, ибо совершенно нецелесообразно помогать их операциям на Карпатах, которые предпринимаются только ради славы Австрии. При плохих дорогах войска туда никогда не доберутся, а что еще хуже, мы их обратно никогда не получим. Переговоры еще продолжаются. Я бы не хотел отказаться от своей новой операции, наоборот, я постараюсь ее провести, если только положение на Западе

допустим это. Людендорф, как и всегда, меня поддержал Он со мной совершенно согласен. Если все пройдет благополучно, в середине сентября можно будет провести очень милое дело.

14/VIII — 1917.

Мое военное счастье несколько поколебалось. Я боюсь. как бы мне не пришлось послать войска на Запад. Англичане и французы продолжают свое наступление во Фландрии и предпринимают еще большое наступление около Вердена и по обеим берегам Мааса. Мне очень жалко было бы, если бы из моего предприятия ничего не вышло, но повидимому так и будет.

15/VIII — 1917.

После долгого перерыва я вчера вечером получил опять письмо от Эрцбергера. Этот человек становится опасным. Он пишет, что он был в Швейцарии и там вел переговоры с вождями литовцев. Он дал им обещания, которые совершенно несоответствуют нашим взглядам и частично даже неосуществимы. Он например обещал им самостоятельное королевство. Литовцы могут управлять собой точно так же, как моя дочка Ильза может сама себя воспитать. Я его только что вызвал к телефону, чтобы в вежливой форме все это сообщить ему. Я не намерен с ним ссориться, хотя его безалаберная мирная резолюция дает достаточно поводов для этого.

18/VIII — 1917.

Людендорф только что меня вызвал. На Западе положение тяжелое, и всюду нужны войска. Пока он у меня ничего не просит. Весь вопрос только в том, как сложатся обстоятельства с французским наступлением у Вердена. Если и там потребуются войска, тогда нам придется их дать. Я и сам прекрасно вижу, что ничего не поделаешь.

21/VIII — 1917.

Вчера утром меня вызывает Людендорф: „Мне очень неприятно, но мне нужны войска". Ничего не поделаешь. Я издал приказ. После обеда он опять вызывает: „Быть мо-

жет, я и сам справлюсь!" Я задержал все приказы. Сегодня повидимому получится опять противоположный указ. Я ни в чем не могу упрекать Людендорфа, ему бы очень хотелось, чтобы я провел свои планы и для этого оставить мне свои войска. Но важнее всего конечно, чтобы на Западе фронт удержался. Французское большое наступление на Верден как будто не удалось.

10/IX — 1917.

Вчера после обеда мы вернулись. Удар у Митавы протекает планомерно.

Русские ожидали нашего наступления далее к западу и повидимому были убеждены, что они не сумеют удержаться по сю сторону Двины, и поэтому начали отступление до Риги. Наш удар у Икскюля совершенно поразил их своей неожиданностью. Они увидели, что им не удастся удержать Риги, и стали отступать дальше. Отступление превращается в бегство. Всюду валяются пушки, повозки, полевые кухни и всякого рода военные материалы. Только пленных у нас к сожалению мало, так как ту массу своих войск, которую я надеялся отрезать, они еще заранее убрали от Рижского предмостного укрепления.

Мы конечно предпочли бы продолжить наше наступление по направлению к Петербургу, но к сожалению мы должны приостановиться, ибо Людендорф при всем своем желании не может нам дальше оставить свои дивизии. Он, а также Австрия нуждаются в них. Ничего не поделаешь, приходится быть скромным. Е. в. был три дня здесь, был мил и любезен со мною, как и вообще за последнее время. Так как я больше не могу получать никаких прусских орденов, он мне подарил свой портрет с собственноручной надписью в железной военной раме. Принц попытался было попросить, чтобы я был произведен в генералы, но Линкер на это не пошел. Я это предвидел и поэтому не был разочарован. Поездка в Ригу была великолепна.

13/IX — 1917.

В России повидимому происходит большое свинство. Корнилов и Керенский выступают друг против друга с оружием в руках и борются за диктатуру. Очень жалко, что мы

не в состоянии продолжать наше наступление. Немецкие наступление на Петербург привело бы сейчас к полному развалу России.

10/X — 1917.

Позавчера получилось известие, что австрийский император хочет посетить армию Линзингена и был бы рад при этом посетить принца Леопольда. Так как принц только сегодня приезжает из отпуска, я решил поехать в Ковель и там приветствовать императора. После Злочева это дело мне не сулило больших радостей, но я был поражен неожиданностью. Император был чрезвычайно любезен, пригласил меня и Лизингена поехать с ним в Владимир-Волынск и завтракать с ним. За завтраком я сидел против него, и мы очень мило беседовали. Он не особенно большое светило, но во всяком случае умнее, чем это обязательно для монарха.

18/X — 1917.

Только что получилось сообщение, что переход на остров Моон удался. Флот при этом деле действовал даже лучше и удачнее, чем я ожидал. Он оказал большее содействие, чем предполагалось при переговорах по этому поводу.

Теперь надо еще взять Даго и на этом закончить. На Эзеле мы в общем взяли около 10.000 пленных и около 50 орудий. К началу войны это считалось бы большой победой.

28/X — 1917.

Бои на Западе тяжелы. Англичане во что бы то ни стало хотят добиться успеха. Это хороший признак. В Италии дела идут хорошо. Пленных свыше 60.000, свыше 500 пушек. Результаты всего этого еще не совсем ясны, но я полагаю, что итальянцы очистят Гэрц и отступят за Талиаменто.

Вчера я имел очень интересную политическую беседу с тремя лицами из Риги. У лифляндцев гораздо больший размах, чем у курлянских баранов, они производят очень хорошее впечатление.

Только что получилось сообщение, что австрийцы находятся уже к западу от Гэрца и что итальянцы вчера должны были уйти оттуда. Вот единственный результат их одиннадцати наступлений у Изонцо.

30/X — 1917.

Вчера получилась телеграмма, что е. в. пожаловал мне чин генерал-майора. Я больше на это уже не рассчитывал. Принц после взятия Эзеля, Моона и Даго телеграфировал Гинденбургу и вновь просил об этом производстве. Гинденбург и в особенности Людендорф очень горячо поддержали эту просьбу, и им удалось сломать противодействие военного кабинета. Я конечно очень рад, это является признанием наших успехов на Восточном фронте за последний год. Михаэлис [1] ушел, его преемником вероятно будет Гертлинг. Другого я себе не представляю.

21/XI — 1917.

Мы все еще не имеем ясного представления о том, что делается в России. Я просил, чтобы канцлер в своей речи от 29 ноября ответил большевикам на их предложение мира. Он мог бы спокойно заявить: „Эти господа из Петербурга послали по радио запрос о мире. Германское правительство не может удостоверить, действительно ли этот запрос исходит от русского правительства, имеющего возможность заключать мир. В последнем случае предложение должно быть прислано легальным путем через посланника в Стокгольм. Мы готовы вступить в переговоры". Этим мы лишили бы Антанту возможности контрпропаганды. Теперь же они будут говорить русским солдатам: „Вот, смотрите, каковы немцы; вы предлагаете мир, а они даже не отвечают". Поступит ли канцлер таким образом, я конечно не знаю.

26/XI — 1917.

Я сижу здесь и уговариваю русских заключить перемирие. Добьемся ли мы этого, я еще не знаю, так как мы совершенно не имеем никакого представления о том, что делается внутри России. На всякий случай здесь собираются за последние дни все те, кто мог бы притти мне на помощь: Розенберг из министерства иностранных дел (самый милый и самый разумный из них всех), представитель адмиралтейства, несколько австрийцев и т. д. Пока им всем нечего делать. Они тут сидят и создают только работу.

[1] Канцлер, назначенный после Бетман-Гольверга.

27/XI — 1917.

Я надеюсь, что мы добьемся хороших результатов. Переговоры по всему фронту продвигаются вперед. Во многих местах мы имеем местные перемирия. Будем надеяться, что удастся добиться перемирия и прекращения военных действий на всем фронте. Я ожидаю здесь представителей австрийского верховного командования и австрийского иностранного ведомства.

16/II — 1918.

Завтра мы начнем военные действия против большевиков. Другого выхода нет, ибо иначе они начнут бить украинцев, финнов и прибалтийцев. Они спокойно создадут новую революционную армию и будут устраивать свинства по всей Европе. Конечно с теми войсками, которые находятся в моем распоряжении, я не могу пройти триумфальным маршем до Петербурга, но все же я надеюсь кой-чего добиться. Мне очень любопытно знать, будут ли вообще обороняться русские, или они просто бросят все на произвол судьбы. Положение на Украине далеко не радостное. Украинские войска как и русские, совершенно дезорганизованы революционными идеями и думают только об одном: „домой!“ Россия — настоящий бедлам, все гниет, всюду беспорядок и хаос.

18/II — 1918.

Решение приступить опять к военным действиям — самое правильное. Иностранное ведомство было против этого, главным образом по соображениям внутренней политики. Удастся ли при помощи этого наступления свергнуть большевиков, — еще неизвестно. Положение в России, должно быть, ужасное, если и этот самый терпеливый народ в мире больше не может терпеть.

Поляки, повидимому, из-за Холмского вопроса совершенно с ума сошли. В Варшаве забастовка и т. д. Эти люди форменные фантазеры в политике. Они ради своего королевства не ударили палец о палец и как дети хотят все получить готовеньким.

19/II — 1917.

Вчера мы начали свое наступление: на севере взяли Двинск, на юге — Луцк. Только что Троцкий и товарищи прислали из Петербурга радио, что они готовы подписать мир.

20/II — 1918.

События идут своим чередом. Свинство в русской армии гораздо больше, чем мы предполагали. Сражаться больше никто не хочет. Вчера один лейтенант и шесть солдат взяли в плен 600 казаков. Сотни пушек, автомобилей, локомотивов, вагонов, несколько тысяч пленных, дюжины дивизионных штабов захвачены без всякой борьбы.

Я сообщил вчера г-ну Троцкому по радио, что его предложение получено, но он должен письменно подтвердить его и передать в руки германского коменданта Двинска. Немедленно ночью получился ответ, что курьер с таким письменным предложением в пути. Повидимому, он очень спешит, — мы же нет. К сожалению, наше наступление идет слишком медленно, не хватает лошадей, дороги плохи. Пока мы не дойдем до озера Пейпус, мы не остановимся.

21/II — 1918.

Наше наступление продолжается. Вчера мы со стороны островов подошли по льду к Эстляндии. Большевики удирают. До вчерашнего вечера взято свыше 1.500 пушек, которые все стояли на ж. д. станциях, готовые к отправке.

Письменное предложение Троцкого о заключении мира получено. Я еще не имею никакого представления о том, как к этому отнесется канцлер. Во всяком случае, промедление каждого дня для нас выигрыш.

Переговоры о румынском мире не очень-то подвигаются. Это не по вине румын, а скорее потому, что мы никак не можем притти к соглашению с австрийцами о разделе добычи. Мы, конечно, желаем получить большие торговые привилегии в отношении нефтяных источников и т. д., австрицы же вопят, что они ничего не получают.

Кюльман еще сегодня, вероятно, поедет в Вену, чтобы там столковаться с Черниным, затем они оба поедут в Бухарест. Так мне, по крайней мере, сообщили.

22/II — 1918.

Только сегодня утром отправлен ультиматум Троцкому. Надо прямо сказать: министерство иностранных дел и верховное главнокомандование хорошо поработали. Ультиматум содержит все требования, какие только можно было выста-

вить. Я сомневаюсь даже, согласится ли Троцкий принять его. Но, повидимому, положение большевистского правительства так тяжело, что оно должно будет пойти и на это. Наше продвижение планомерно продолжается. Это самая комическая война, которую только можно себе представить. Она ведется только на железной дороге и на грузовиках. Сажают какую-нибудь сотню пехотинцев с пулеметами и с одной пушкой на поезд и отправляют до ближайшей станции. Берут станцию, большевиков арестовывают и продвигаются дальше. Это, по крайней мере, имеет некоторый интерес новизны.

25/II — 1918.

Я жду, что сегодня и завтра прибудут все мирные делегации. Совершит ли сам Троцкий поход в Каноссу, или он кого-либо другого пошлет, еще неизвестно. Переговоры продолжатся максимум 3—4 дня, так товарищам на этот раз придется проглотить все, что им будет предложено.

1/III — 1918.

В 11 часов первое заседание. По полученным мною сведениям, русские будут протестовать, но подпишутся под всеми требованиями ультиматума. Все, что будет сверх этого, они отклонят.

У меня масса работы. Из Бухареста я узнал, что румыны пока что упираются, возможность мира весьма ничтожна. Положение изменится к лучшему, когда у нас тут будет подписан мир.

7/III — 1918.

У нас ничего нового. Мы ждем, согласится ли Россия ратифицировать мир. Они должны это сделать через 13 дней, иначе мы пойдем на Петербург. Пока Ленин созвал в Москву на 15-е большой конгресс. На Украине наши операции продвигаются дальше. Они проходят теперь медленнее, чем раньше, ибо господа большевики начали разрушать железные дороги.

8 III — 1918.

На Украине мы идем вперед, главным образом по направлению к Одессе и от Киева к востоку, в Эстляндии идет война с бандами. Все, что имеет хоть какую-нибудь ценность,

отправляется на Запад. Я бы охотно пошел вместе с ними, но на это нет никаких шансов. Великие люди страдают ревностью. Я поэтому не верю, чтобы Людендорф согласился на мое перемещение.

12/III — 1918.

Тут опять большая работа. Мум, который едет дипломатическим представителем в Киев, приехал сюда вчера. Затем польская дипломатическая миссия — генерал Мусницкий. Я послал Бринкмана в Киев договориться с украинским правительством. Трудность положения на Украине состоит в том, что центральная рада кроме наших войск не имеет за собой никого. Как только мы уедем, все пойдет на смарку. Причина: земельный вопрос. В этом вопросе украинские умеренные социал-демократы составляющие раду, такие же сумасброды, как и большевики, т. е. они так же забрали всю землю у помещиков и отдали крестьянам. Это поведет к разрушению всего украинского сельского хозяйства. Крупные помещики владели главной массой земли. Крестьяне поделили между собою все мнения, но не решаются приняться за обработку земли, так как они опасаются, что им не удастся удержать за собою землю. Денег у каждого, что сена, рубли печатались в изобилии и свободно выбрасываются. Одна сигара в Киеве стоит 6 руб., чашка чая с сахаром — 5 руб., обед — 25 руб. и т. д. У крестьян хлебных запасов на 2 — 3 года, но никто ничего не хочет продавать.

Петербургское правительство вчера выехало в Москву, чтобы добиться там согласия на ратификацию мира. Я надеюсь, что они согласятся на это, но я отвык пророчествовать.

13/III — 1918.

У меня масса неприятностей с австрийцами на Украине. Они хотят получить Одессу и держатся так же возмутительно, как всегда, когда у них нет ножа у горла.

14/III — 1918.

Я все еще не знаю, решились ли, наконец, господа товарищи в Москве признать мир или нет. Повидимому, последнее, ибо иначе они бы сообщили по радио. Нам придется тогда пойти на Петербург. Сегодня опять русский визит.

В Вильно прибыл представитель монархических партий в России, чтобы просить нашей помощи для восстановления монархии в России. Выслушать ничего не стоит, и я поэтому пригласил его сюда. С австрийцами у меня в Украине ужасные неприятности. Жалко, что итальянцы не наступают. С австрийцами можно только тогда разговаривать, когда им приходится плохо.

21/III — 1918.

С вопросом об управлении Литвой становится все хуже. Эрцбергер подсунул нам государственный совет, а канцлер, повидимому, готов согласиться с этими бессмысленными проектами Эрцбергера. Эти господа хотят теперь отказаться от решений, принятых в декабре, согласно которым они обещали в виде компенсации за признание независимости Литвы тесное сотрудничество с Германией, военную конвенцию и т. д. Теперь они требуют прежде всего независимости. Буду надеяться, что канцлер их немножко угомонит.

22/III — 1918.

Занятие Украины идет медленно, но верно вперед. Я надесь, что нам удастся получить то продовольствие, в котором мы нуждаемся. Я, однако, сомневаюсь, удастся ли так же своевременно помочь Австрии, которая будет испытывать нехватку в продуктах уже в апреле (мы — только в июне). Так быстро вряд ли дело пойдет.

23/III — 1918.

В портах Черного моря произошли большие рабочие восстания, которые создали нашим войскам большие затруднения. Более точных сведений у меня нет, так как те войска находятся в подчинении Макензена. Наше продвижение на Украине продвигается планомерно вперед.

Вчера у меня был Линдеквист, бывший статс-секретарь, с одним немецким попом, представителем немецких колонистов юга России и Крыма. Этот поп хотел бы на основе самоопределения народов создать из крымских татар, колонистов в Крыму и в ближайших районах немецкую колонию. Я ему заявил, что я против такой идеи ничего не могу возразить.

29/III — 1918.

Верховное главнокомандование провело здесь несколько перемен. Так как обеспечение хорошего транспорта на Украине является первейшей необходимостью, то на это дело хотят назначить генерала Грэнера, бывшего начальника путей. Так как полагают, что ему не удастся столковаться с Линзингеном (Лизинген очень тяжелый человек), то Линзинген отставлен, его место займет Эйхгорн. Этот метод создания подходящих условий для работы Грэнера чрезвычайно прост, но все-таки слишком грубоват. Я не считаю Лизингена великим полководцем, но за последние три года он все же являлся известным командующим, и послать ему телеграмму: „Его величество в вас больше не нуждается" я считаю слишком жестоким.

3/VI — 1918.

У меня сегодня опять очень много работы, ибо Вальдерзее прибыл сюда для длительных разговоров. Особенной пользы я от этих разговоров не вижу, ибо верховное главнокомандование и канцлер, повидимому, еще не пришли к единодушному решению относительно будущих судеб Лифляндии. А вокруг литовской каши теперь копошатся столько званных и незванных, что решительно не знаешь, к чему все это приведет.

На Западе опять наступление. Настроение в общем хорошее, но подробностей мы не знаем.

4/VI — 1918.

На Украине все идет планомерно. Мы заняли весь Крым, нам еще следует занять Таганрог и Новороссийск, тогда все Черное море будет в наших руках.

8/IV — 1918.

Я сегодня жду много гостей: будущий командир первого польского корпуса, генерал Довбор-Мусницкий приезжает сюда, чтобы договориться с представителями варшавского генерал губернаторства и членом регентского совета. Он охотно поехал бы в Варшаву, но Людендорф на это не согласен. Мне кажется, что не следовало бы раздражать людей такими мелочами.

9/IV — 1918.

Мы заняли Харьков. Мне никогда и не снилось, что этот город когда-либо будет занят германскими войсками.

Переговоры с поляками были очень интересны. Эти люди совершенно переоценивают себя. Фантазеры, которые способны только мечтать, но не могут и не хотят понять реальных отношений.

24/IV — 1918.

В Крыму дело медленно, но планомерно подвигается вперед. Симферополь в наших руках, наступление на Севастополь начнется в ближайшие дни.

26/IV — 1918.

На Украине отношения несколько обостряются. Правительство создает нам трудности, и я боюсь, что нам придется поискать другое правительство. На Западе самое главное это—взятие горы Кемель. Она господствует над всей долиной к северу, и англичанам придется отказаться от Ипра.

29/IV — 1918.

На Украине сплошная чертовщина. Но ген. Эйхгорн [1] энергично действует, и я полагаю, что все уладится без особенных затруднений. Часть правительства заключила там союз против немцев. Эйхгорн распорядился поэтому арестовать этих членов правительства. Большую роль сыграла тут и жена одного министра. Она также арестована. Будет вероятно большой шум. Если правительство выйдет в отставку, нам придется создать новое. Во всяком случае оно будет лучше теперешнего. Нападки на Эйхгорна в рейхстаге совершенно бессмысленны. Все его действия на Украине — результат длительных переговоров с канцлером, иностранным ведомством и верховным главнокомандованием.

Я никак не могу решить, переехать ли мне в Ковно, или оставаться здесь. Я считал бы более практичным Ковно, но отношения на Украине пока так неясны, что пожалуй лучше оставаться здесь.

---

[1] Главнокомандующий германскими войсками на Украине. Убит в Киеве 30 июля 1918 г.

30/IV — 1918.

С политической точки зрения представляет интерес разве лишь то, что украинцы наконец свергли свое правительство. Они призвали какого-то генерала и объявили его гетманом и диктатором Украины. Так как этот человек стоит на почве брест-литовского договора и всех остальных договоров о доставке продовольствия и т. д., то мы против этого ничего не имеем. Можно будет таким образом нейтрализовать результаты неловкого выступления Эйхгорна против быв. украинского правительства. Эйхгорн собственно тут не при чем, но некоторые низшие органы действовали уже слишком грубо.

1/V — 1918.

Наладить передвижение сейчас чрезвычайно трудно. Тут пожалуй неизбежны кой-какие неприятности. Каждый думает, что только он один возвращается домой и что поэтому необходимо как можно скорее его отправить. Австрийских пленных полтора миллиона, наших — около 100.000. Все они стремятся теперь на родину. К тому еще надо иметь в виду 3 — 4 миллиона беженцев из Польши, Литвы и Курляндии, которые частично были насильно увезены русскими, частично бежали от нас. Железные дороги обладают недостаточной грузоспособностью, так как у нас мало локомотивов. Австрийцев мы должны как можно скорее отправить, иначе нам придется их кормить. При таком положении трудно конечно предоставлять отдельным лицам специальные поезда. Я согласен, что неприятно и скучно ожидать 8 — 10 дней, но это неизбежно.

В Киеве — ничего особенного. Перемена правительства прошла гладко, в городе и в деревне всюду спокойно. Неспокойно только в министерстве иностранных дел и у канцлера. Боже мой, как эти люди боятся рейхстага! Это совершенно невозможно! Я во всем этом деле принимал лишь косвенное участие, но и мне придется занять решительную позицию против иностранного ведомства.

2/V — 1918.

Донские казаки телеграфировали германскому императору, чтобы он помог им против большевиков... Теперь они нас

любят. Я не очень за то, чтобы мы впутывались в донские дела. Когда-нибудь должен же наступить конец нашему восточному наступлению.

6/V — 1918.

Верховное главно командование само распоряжается Киевом и полагает, что оно лучше справится с этим делом. Я боюсь только, как бы созданная с таким большим трудом Украина не пошла опять насмарку. Верховное главно командование и Эйхгорн стараются (конечно бессознательно) вновь объединить Украину с Великороссией. Сейчас это пожалуй неважно, но для будущего я все же считал бы более практичным, чтобы Украина была самостоятельным государством. Я сегодня еще хочу обратить на это внимание, по крайней мере для очистки совести. Но это пожалуй не поможет, ибо моя политическая дальнозоркость не очень высоко оценивается. С этим также нужно примириться.

22/V — 1918.

Вчера мы вели переговоры с первым польским корпусом генерала Довбора. Варшавский регентский совет начал конспирировать с польскими войсками и украинцами, и нам пришлось поэтому распустить все польские союзы и обезоружить их. Я не верил, что Довбор пойдет на это без борьбы, и поэтому приготовил необходимые силы. Он оказался достаточно благоразумным и согласился на все наши предложения.

23/V — 1918.

Украина мне все еще доставляет много забот. Ее правители явно стремятся к объединению с Россией, но, слава богу, там совершаются такие свинства, что гетман вероятно еще долго поразмыслит над этим. Так, например, раздел земли полностью проведен. У всех помещиков забраны имения и розданы крестьянам. Всякое будущее правительство, монархическое или кадетское, встретится с огромными трудностями. Если оно отберет у крестьян землю, оно вызовет этим новую революцию, которая перекинется и на войско, так как каждый солдат — крестьянин. Если же оно оставит землю в руках крестьян, тогда оно должно будет опираться

на неграмотную демократию, но у нее не будет ни чиновников, ни офицеров. Словом, русская проблема, слава богу, не так проста. Отовсюду получаются известия, что большевики скоро будут свергнуты, но я в это не верю. Некому их свергать, нет армии, на которую каждое новое правительство могло бы опереться.

25/V — 1918.

У нас собственно ничего нового и важного. Мирные переговоры между Украиной и Россией продвигаются очень медленно, донские казаки вступили в союз с Украиной с тем, чтобы заручиться ее помощью и нашей против большевиков. Я не имел бы ничего против того, чтобы продвигаться дальше на восток. Лучше всего добраться до самой Индии, но пространства непрерывно растут, а наши войска — невероятно уменьшаются

16/VI — 1918.

Не от нас зависит заключение мира. Наоборот, мы вынуждены сражаться и дальше. Кюльман не глуп. Если бы он видел какой-нибудь исход или какую-нибудь возможность вытянуть Америку из этого концерна, он бы давно вступил на этот путь. Предположение о том, что Америка пойдет на мир, как только мы сделаем в нашей внутриполитической жизни шаг налево и передадим рейхстагу всю власть, совершенно ошибочно. В военном отношении мы быстро сошли бы на нет, как только такие господа, как Эрцбергер и Рихтгофен, стали бы вмешиваться в военные дела. Ничего не поделаешь! Необходимо стиснуть зубы и выжидать.

На Украине за последние дни не было никаких стычек. У Таганрога внезапно высадились 10.000 большевиков из Кубанской области и напали на наши войска в Ростове. Вюртембергскому ландверу пришлось это неприятное дело взять на себя. К югу от Киева были некоторые большевистские крестьянские беспорядки, которые однако через несколько дней будут ликвидированы.

17/VI — 1918.

Австрийцы наконец стали наступать. Они сообщают о 16.000 пленных. Во всяком случае это приличный успех.

Я не верил, чтобы им вообще удалось заставить своих людей перейти в наступление.

На Западе все идет хорошо. Французы мастера по части шантажа. Будем надеяться, что у нас скоро будет готово еще несколько дальнобойных орудий. Тогда пара-другая хороших бомбардировок Парижа произведет большое моральное впечатление. Уже и теперь французские газеты взяли совершенно иной тон, чем в прошлые годы. У нас здесь, как и раньше, много работы и мало радости. Сегодня я жду саксонского министра Сейдевича. В газетах писали о предстоящей личной унии между Литвой и Саксонией. Теперь приезжает сюда министр, чтобы ознакомиться с положением вещей. Я считаю этот проект глупостью. Литовцы будут создавать величайшие затруднения, а саксонцы не имеют достаточно чиновников, чтобы занять все посты. Но король однако этого очень желает.

18/VI — 1918.

В Вильно имеется епископ Михалькевич, какой-то заядлый поляк, с которым нам трудно ладить. Уже несколько месяцев, как мы всячески стараемся избавиться от него и посадить вместо него литовца. Но поляки более влиятельны в Риме, чем наше министерство иностранных дел, и они стараются не допустить этого. Михалькевич опять использовал религиозную процессию для устройства великопольской демонстрации. У Людендорфа после этого лопнуло терпение, и мы получили приказ убрать этого Михалькевича. Это произойдет завтра и, вероятно, вызовет огромный шум. Неужели нельзя было более энергично нажать на римскую курию, чтобы она убрала этого человека? Если все старания были напрасны, то и я стою на той точке зрения, что необходимо применить и силие. Мы должны показать этим господам, что мы шутить не любим.

20/VI — 1918.

Настроение во Франции и Англии упало до нуля. Это хороший признак. Единственная их надежда на Америку. Если удастся нанести удар раньше, чем помощь Америки станет заметной, то, я полагаю, Клемансо и Ллойд-Джордж падут. Это был бы самый верный шаг к миру.

3/VII — 1918.

Дни большевиков, по мнению наших представителей, сочтены. Я все же не верю в их падение, так как я не вижу, кто мог бы их заменить. Хватит ли у монархистов воли и энергии, об этом трудно еще судить.

7/VII—1918.

По-моему, Антанта вместе с кадетами стоит за кулисами этого преступления (убийство графа Мирбаха в Москве). Они надеются таким путем вновь вызвать военные действия между Германией и Россией. Я совершенно исключаю всякую мысль, что большевики тут замешаны. Они обещали сделать все, чтобы найти убийцу. Подождем и увидим, удастся ли им это.

27/VII—1918.

У нас здесь большие перемены в управлении. Управление главнокомандующего Восточным фронтом („Обер-Ост") ликвидируется, в ближайшее время будут созданы два отдельных управления для Литвы и для Прибалтики. Если исключить вопрос о лицах, то это в общем правильно, но с личным вопросом обстоит очень скверно. Мы в согласии с верховным главнокомандованием и генерал-квартирмейстером полагали назначить во вновь создавшуюся военную губернию — Литву — Вальдерзее, но военный кабинет был против и назначил генерала фон Гарбу, который до сих пор ни разу не был в Литве. Начальником по гражданской части назначен человек, который никогда не имел касательства к политике. Придется держать ухо востро, чтобы эти люди не наделали глупостей. Хорошо хоть то, что все три балтийские провинции наконец получают единообразное управление. Начальником прибалтийских земель будет назначен Гесслер, которого я лично не считаю подходящим. Нам вообще не везет в людях. Во всяком случае, новые порядки — все же шаг вперед.

По части русской пропаганды на нас также навалили новую работу. Я достаточно ругался по поводу того, что наша пропаганда в России ведется неправильно. Верховное главнокомандование очень удачно отказалось от всего этого дела и просто-напросто передало нам эту работу. Если бы у меня был мой бывший офицер для информации, майор Гей, я мог бы очень

легко справиться с этим делом, но теперь вместо него назначен принц Георг Баварский, так что мне придется самому все делать.

1/VIII—1918.

Радость от поездки по прекрасному лесу и от отдыха в праздник была омрачена известием об убийстве Эйхгорна. Это совершенно неслыханная подлость. Социалисты-революционеры возвращаются к своим самым отвратительным временам нигилизма. И по-человечеству мне очень жаль Эйхгорна. У меня были прекрасные отношения со старым Эйхгорном. Он писал мне часто по всем вопросам, которые его занимали. Полковника Дресслера я тоже очень хорошо знал.

6/VIII—1918.

Вполне возможно, что русские социалисты-революционеры опять попытаются произвести некоторые убийства. Было бы, конечно, глупо не принять соответствующих мер. В первую очередь, конечно, опасность грозит нашим людям в Москве, в Киеве. Одессе и других крупных центрах России и Украины. Хотя здесь ничто нам не угрожает, все же я принял целый ряд мер: тщательную охрану, контроль за всеми проезжающими и т. д.

6/VIII—1918.

На Западе опять как будто у нас были небольшие неудачи. Мы повидимому позволили внезапно напасть на нас. Я, собственно, не совсем понимаю, в чем дело, ведь у нас там достаточно войск.

Здесь положение опять обостряется. Антанта развила по всей России колоссальную пропаганду, и я сомневаюсь, чтобы мы могли что-нибудь предпринять против этого. Во всяком случае надо попробовать.

Наше посольство уезжает из Москвы, оно чувствует себя там в опасности. Я предложил переехать в Ковно, но высшие власти не хотят этого. Они поэтому переедут в Минск или в Псков.

12/VIII - 1918.

Здесь ничего нового. Вчера я имел очень интересную беседу с одним русским монархистом, русским немцем, о вну-

тренних делах России и о дальнейших перспективах. Он полагает (то, что я уже давно говорю), что мы к сожалению слишком недооценили значение пропаганды, которую ведет против нас Антанта, и недостаточно развили пропаганду за нас и против Антанты. В этом отношении Англия нас опередила. Она считает, что занятие англичанами Мурманского края чревато для нас опасностями, и полагает, что мы должны что-нибудь предпринять против этого. Одно из двух: или русские их сами должны прогнать, или мы должны это сделать. Будем надеяться, что соответствующие власти решатся на это. Кажется, что они на это пойдут.

14/VIII—1918.

У нас положение без перемен. Договор с Россией готов, и тов. Иоффе поехал в Москву, чтобы его подписать. Мне очень было бы любопытно знать, как дело пойдет дальше. Мы никак не можем допустить дальнейшего продвижения англичан на Мурмане, одно из двух: или русские их прогонят, или мы должны взяться за это. На Западе как будто дело дрянь. Единственно хорошее в том, что рейхстаг не собирается. Эти... опять обнаружили бы слабость своих нервов и наговорили бы массу глупостей. Это видно уже хотя бы из того, что „Берлинер Тагеблат“ требует созыва комиссии рейхстага.

18/VIII—1918.

Повидимому, Людендорф победил в польском вопросе. Если нам посчастливится, мы получим еще полтора миллиона польских подданных и бешеную вражду со стороны нового польского королевства.

22/VIII—1918.

Я вчера имел очень интересный разговор о русских делах с одним бывшим русским генералом, который теперь приехал сюда в свое имение. Суть разговора я только что телеграфировал верховному главнокомандованию. Он говорил приблизительно то же самое, что я уже давно говорю: мы должны наступать, иначе англичане из Мурмана будут на нас давить. Если Антанта посадит в России царя, мы потеряем весь Восток. Эти люди работают энергично и не жалеют средств.

Я все-таки надеюсь, что мы во-время поведем наступление. Мне кажется, что и верховное главнокомандование и иностранное ведомство отдают себе отчет в важности этого вопроса.

23/VIII—1918.

Речь Зольфа была очень удачна: Мне только смешно вот что: он сказал приблизительно то же самое, что говорил Кюльман. Но в то время как по адресу того кричали: „распни его!", речь Зольфа была встречена всеобщим восторгом. Гинце кажется более ловкий человек, чем Кюльман, и умеет лучше подойти к Людендорфу. Мне любопытно было бы знать, что произошло при польских переговорах. Пока я об этом ничего не слышал. Меня больше всего интересует, чем кончился вопрос, который разделял меня и Людендорфа, а именно: следует ли нам настаивать на этой пограничной польской территории. Я бы считал, как и раньше, большой политической ошибкой или даже несчастьем, если мы получим хотя бы на одного лишнего поляка больше, чем это абсолютно необходимо.

26/VIII—1918.

Вчера после обеда у меня была интересная беседа с депутатом Мальцаном. Он долгое время находился при кронпринце, с которым он и до сих пор обменивается мыслями. Он рассказывал мне о своих впечатлениях на Западе, где он был недавно у Людендорфа, затем о Румынии и о наших внутренних делах. Он по заданию консерваторов говорил с Людендорфом о том, каким образом можно было бы поднять настроение. Я с ним поделился своими соображениями по восточному вопросу и просил его их распространить, что он мне с большим воодушевлением обещал.

Я считаю совершенно необходимым наше наступление в ближайшее же время. Если Антанта посадит нового царя без нашего содействия, мы на ближайшее десятилетие будем совершенно вытеснены с Востока.

В первые годы после войны наша торговля на Западе не будет блестящей. Ввиду этого вдвойне важно, чтобы мы удержали за собой Восток и открытую дорогу в Азию. Я надеюсь, что и наши соответствующие инстанции обратят внимание на этот вопрос.

29/VIII—1918.

У меня плохое настроение. Повидимому все люди так ослеплены или так глупы, что совершенно не замечают той опасности, которая угрожает нам на Востоке. Я при этом имею в виду не военную опасность, так как я не верю, чтобы Антанте удалось вновь создать боеспособную русскую армию, но политическую. Мы будем вытеснены с Востока и надолго. Я со всех сторон обдумываю вопрос, как мы сумеем удержаться здесь, на Украине и на Кавказе, но смотрю на будущее очень пессимистически.

3/IX—1918.

Я говорил в Берлине, кроме Гинце, с Радовицем, Виндерфельдом, Рихтгофеном, Эрцбергером... Кроме того я однажды вечером ужинал в казино и там виделся с очень многими князьями и другими влиятельными людьми.

Общее впечатление неудовлетворительное. Настроение в Берлине нехорошее. В общем эти люди говорят то же самое, что и я. Надежды на эту зиму плохие. Победная шумиха и последовавшее за ней отступление произвели очень плохое впечатление.

Статс-секретарь безусловно ясно разбирается в положении, он, кажется, умный и знающий человек, выше среднего уровня. Неприятна только его самоуверенность. Он все знает лучше всех. К моему изумлению я убедился, что мы с ним одного и того же мнения по вопросу о положении в России и о необходимости своевременно повести там наступление. Разногласия лишь в мелочах и в сроках. Он полагает, что мы еще можем несколько подождать. Я же считаю дальнейшее выжидание опасным. Верховное главнокомандование повидимому также уясняет себе опасности. Мне однако кажется при этом, что Людендорф не хочет укрепиться на Востоке. Я вчера вечером еще раз послал большую телеграмму принцу, в которой я высказал свое мнение. Теперь моя совесть чиста. Если эти господа не сделают по-моему, ничего не поделаешь, надо ждать.

Во всяком случае, я в Берлине всем высказал свое мнение о положении на Востоке. Я не вижу никаких угроз с военной точки зрения, я только смотрю мрачно на наше хозяйственное будущее на Востоке, если мы ничего не предпримем, предоставив действовать Антанте.

5/IX—1918.

У меня вчера был один русский крупный банкир, который на меня произвел огромное впечатление. Это человек, о котором можно читать только в романах, сверх-человек. Или он величайший гений в вопросах торговли, индустрии и торговой политики, или же колоссальный жулик. Он предлагает нам в помощь себя и всю свою, как он утверждает, организацию: банки, железные дороги, печать, духовенство, сенат и т. д. Я все это конечно принял, но не знаю, чем это пахнет. Его состояние, кажется, достигает 500 миллионов, но у него конечно не мало долгов. Повидимому, если советская власть долго продержится, он объявит колоссальное банкротство. Этого не будет, если мы пойдем ему навстречу и выступим в России. Тогда он с нашей помощью останется при своих капиталах.

13/IX—1918.

Положение несколько улучшилось, благодаря тому, что в результате победы большевиков в Казани английская опасность потеряла свою остроту. С нашим наступлением мы теперь можем подождать. Ненависть против нас усиливается. Интеллигенция нас ненавидит, потому что мы только наблюдаем но ничего не предпринимаем.

15/IX — 1918.

Несколько дней тому назад в Одессе к австрийским властям и к местным германским офицерам генерального штаба явились румыны: два господина и одна дама. Они попросили разрешения поехать на несколько дней в Крым, чтобы там присутствовать на какой-то свадьбе. Во время разговора выяснилось, что один из них румынский кронпринц. Он получил от своего отца отпуск на пять дней, хочет быть на свадьбе своего друга и просит, чтобы его инкогнито пропустили туда. Ему объяснили, что это не пройдет и что, кроме того, при теперешнем плохом сообщении нельзя в пять дней успеть поехать в Крым и вернуться обратно. Он отказался поэтому от поездки и пожелал вернуться. На следующий день он опять явился и заявил, что раз он не может ехать в Крым, он осуществил здесь цель своей поездки и повенчался с сопровождавшей его дамой, мадемуазель Зизи Сундзо. Хорошая семейка!

Некоторое время я живо интересовался Румынией и румынскими делами. Эти господа думают, что наши дела на Западе так плохи, что они могут позволить себе все. Они — и в первую очередь королева — жестоко ошибаются.

16/IX — 1918.

Сегодня после этого идиотского предложения о мире австрийского императора я себя очень плохо чувствую... Это предложение сделано в самое неподходящее для нас время. Тут конечно замешана эта сумасшедшая женщина, императрица Зита, которая нас ненавидит.

Как все это дело вышло, я точно не знаю. До меня дошли лишь смутные слухи. Об этом был разговор при последнем посещении императором главной ставки. Тогда пришли к соглашению, что надо подождать прекращения теперешних военных действий на Западе. Так как Австрия больше не может или не хочет воевать, решено было через посредство одной нейтральной державы обратиться с предложением о мире. Но император не сдержал своего обещания и выступил по собственной инициативе. У нас все, конечно, возмущены. Я не думаю, чтобы это предложение имело успех, по крайней мере ощутительный успех. Если те соизволят дать какой-нибудь ответ, они выдвинут такие безумные условия, что не будет смысла в переговорах. Единственный плюс, который может это иметь для нас, это то, что предложение, быть может, вызовет в Англии и во Франции стремление к миру. Да, нам нужно подождать. Я должен однако подчеркнуть, что я не точно осведомлен об этом факте, до меня дошли лишь слухи, быть может в действительности дело обстояло иначе.

27/IX — 1918.

Военное положение далеко не великолепно. В Палестине турки удирают, не желая больше воевать. Быть может, там даже нет больше турок. В Македонии весь болгарский фронт сломлен. Идут слухи о сепаратных болгарских переговорах. Мы, конечно, посылаем немедленно туда войска, — австрийские и германские дивизии (последние, конечно, отсюда). Быть может, удастся избегнуть полного развала. На Западе очень тяжелые бои. Переговоры в Берлине также доставляют мало радостей. Гинце кажется мне ничтожеством. Положение

канцлера пошатнулось. О возможности канцлерского кризиса писал мне Эрцбергер еще в июле. Но тот факт, что этот кризис происходит теперь, когда дела так плохо сложились, по моему, подл. Извинением для этих господ парламентариев может служить лишь то, что они не были совершенно подготовлены к возможности развала болгарского фронта, им об этом ничего не говорили. Эта внутрипартийная борьба может привести к развалу армии.

3/X — 1918.

Положение — военное и политическое — серьезно. В этом нет сомнения. Мы упустили слишком много возможностей, а наши правые слишком зарвались. Главная ошибка Людендорфа состоит в том, что он уверял, что ему удастся разбить противника. Он поэтому потерял слишком много войск, которые нам теперь очень пригодились бы. Но это все в прошлом, теперь об этом говорить не приходится. Как сложатся внутренние дела — еще неизвестно. Правительство, которое бы опиралось на социал-демократов и центр, было бы недостаточно сильно, а примирить социал-демократов и национал-либералов слишком трудно.

Болгары окончательно выходят из игры. Речь идет лишь об условиях: допустят ли они войска Антанты к себе или нет. В зависимости от этого мы должны будем принять соответствующие меры. В Сербии у нас пока еще достаточно войск, чтобы удержаться. Вероятно, Румыния опять впряглась в колесницу Антанты. Если Австрия будет держаться крепко, можно будет и это спокойно перенести. Мы могли бы, например, отказаться от оккупации Украины и со всеми находящимися там войсками ударить на Румынию. Даже в таком случае я вижу возможность удержать Восток.

Центр тяжести теперь, как и раньше, находится на Западе. Временами там как будто очень мало радостного. Последние два дня прошли хорошо. В общем, все атаки отбиты, и противник потерпел очень большие потери. И у него резервы не неисчерпаемы. Если удастся удержаться в ближайшее время на Западе, а я крепко верю в это, — все остальные совсем иначе будут разговаривать. Итак, положение серьезно, но нет оснований терять голову.

7/X — 1918.

Я жду ответа Вильсона на наше предложение и полагаю, что он выставит такие условия, которые будут равносильны отказу. Что теперь будет с нашими оккупированными областями? Вероятно, последует организация гражданского управления, и я с величайшим напряжением жду, что об этом думает новый канцлер. Нерадостные времена.

8/X — 1918.

Я не знаю, что мне делать в Берлине. Я устранен от всех вопросов — даже от восточных, и не совсем понимаю, что кругом делается. С тех пор, как Людендорф отошел от меня, ему больше не везет. Быть может, и это мне ставится в упрек. Самое плохое в общем развале это то, что он произошел без всяких оснований. Наши войска и теперь еще хороши, и мы можем еще держаться на Западе, а Восток я бы удержал даже и без войск. Но у всех расстроились нервы.

23 X — 1918.

Я, вероятно, поеду в Ревель и в Нарву. Надо же осмотреть эти местности. Кроме того, там проводят неправильную политику, и я попытаюсь кое-как исправить ее. Все пляшут еще под дудку балтийских баранов, с чем, конечно, эстонцы и латыши несогласны. Я уже давно предупреждал об этой глупости.

26/X — 1918.

Времена нерадостные. Иногда меня охватывает бешенство. Всего этого можно было бы избегнуть. Мы не должны проиграть эту войну. Мы можем еще выиграть.

27/X — 1918.

Вчера получилось сообщение по телефону, что Людендорф вышел в отставку. Если даже Людендорф и виновен в теперешней катастрофе (он не должен был наступать), все же будет трудно, пожалуй даже невозможно его заменить. Во всяком случае, Лосберг, которого я считаю его преемником, не получит легкого наследства, ибо весь позор за неприемлемое перемирие и мир падет на него.

Останется ли Гиндеобург, я не знаю, но я думаю, что его уход произведет очень тяжелое моральное впечатление на народ и войско.

29/X — 1918.

Австрия полностью капитулировала. Я надеюсь, что, по крайней мере, немецкие провинции Австрии будут присоединены к Германии. Это послужило бы компенсацией за то, что мы должны отдать.

13/XI — 1918.

Все, конечно, стремятся домой. Очень тяжело растолковать этим людям, что требуется много месяцев, пока мы сумеем постепенно и в порядке провести эвакуацию. Кроме того, идут переговоры с Антантой, которая хочет привести сюда войска для охраны порядка после нашего ухода. Я бы приветствовал это. Такие мероприятия произвели бы успокаивающее воздействие и на Германию.

11/XI — 1918.

Я определенно надеюсь, что нам удастся удержать порядок и спокойствие. Это должно удаться, иначе все германское государство пойдет ко дну. В этом убеждены все. Все мы теперь должны работать в этом направлении. Условия перемирия такие, каких можно было ожидать после всеобщего развала. Мы должны очистить все восточные провинции. Когда это удастся осуществить, я еще не знаю. У нас тоже образовался совет солдатских депутатов, который пока спокойно и разумно работает вместе со мной. Я вчера имел с председателем большую беседу. У меня получилось впечатление, что он честно стремится к порядку и спокойствию.

12/XI — 1918.

Перемены у нас прошли в общем спокойно. Всюду образовались солдатские советы. Характерно, что они все боятся одного: „высшие офицеры хотят удрать". Откуда у них такие мысли — для меня загадка. Такая мысль мне даже и не снилась. Мы должны, наоборот, напрячь все свои силы для того, чтобы спокойно и в порядке привести восточные армии домой. Мы, конечно, начнем сейчас эвакуацию войск отсюда.

Население, которое попадет теперь под власть большевиков, достойно сожаления, но я не могу удержать здесь своих людей, — все хотят домой. Это огромное движение, конечно, отозвалось и на войсках. Большинство говорит: наша присяга более недействительна, мы поэтому должны вернуться домой. Наш солдатский совет старается всячески противодействовать этому настроению, но еще неизвестно, удастся ли ему это.

Большие заботы доставляет мне польское движение. Поляки силой захватили Варшаву и железные дороги и пытаются захватить и нашу территорию. При всеобщей нервности возникают, конечно, самые невероятные слухи о польском наступлении. Я стараюсь сохранить спокойствие. Вчера я получил сообщение, что Людендорф за границей. Ужасно такому человеку, который при всех своих недостатках все же один из лучших патриотов, которого я когда-либо знал, после такой славы есть теперь свой хлеб на чужбине.

19/XI — 1918.

У меня опять большие неприятности с верховным главнокомандованием. Наши войска состоят из самых великовозрастных, к тому же среди них масса эльзасцев и лотарингцев. Все, что было здесь более или менее хорошего, у нас забрали. Эти старые люди, естественно, хотят домой. Дисциплина и порядок пошли к чорту, хотя солдатские советы всячески стараются. А верховное главнокомандование почему-то демобилизует нашу армию крайне медленно. Если бы оно хоть сообщило об этом раньше, можно было бы все уладить, а то теперь все бегут, а повернуть обратно колесо истории не удается. Но и это придется пережить.

21/XI — 1918.

Общий лейт-мотив: мы получим мир и спокойствие только в том случае, если у нас будет законно избранное правительство. Независимые социал-демократы и спартаковцы доведут нас до такого же положения, как в России. Если спартаковцы возьмут верх, тогда безусловно и у нас, как и в России, начнется гражданская война. Антанта пошлет войска, чтобы восстановить порядок. В довершение всего мы получим то, чего нам удалось избежать до сих пор, а именно чужие армии на нашей территории. Избирайте поэтому сторонников Эберта или буржуазного демократа.

25/XI — 1918.

При теперешних условиях самое главное, удастся ли разумным людям из партии Эберт-Шейдемана удержаться у власти. Если к власти придут спартаковцы, каждый должен будет сделать свои выводы.

Без даты.

С армией у нас все труднее и труднее. Все стремятся домой. Несмотря на всякие уговоры спокойных и разумных солдатских советов, никак не удержать этих людей. Мы всячески стараемся стянуть сюда разумные отряды, чтобы охранять железные дороги от нападения милых поляков, но пока это удается с большим трудом.

3/XII — 1918.

Положение тяжелое, но я все-таки надеюсь, что эвакуация восточной армии пройдет гладко. Солдатские советы в общем очень разумны и всячески стараются, но большинство наших солдат думают лишь об одном: „домой!" Эти люди будут весьма удивлены, когда по возвращении на родину большинство из них убедится, что тут им было гораздо лучше.

16/XII — 1918.

У нас, в Ковно, все в порядке, но в прибалтийских странах далеко не все благополучно. Наши солдаты больше не хотят сражаться и не оказывают большевикам никакого сопротивления. Наша эвакуация протекает не совсем в порядке. Некоторые трудности возникли у нас на юге. Поляки в Варшаве совершенно с ума сошли. Они прервали переговоры и прогнали нашего посла.

17/XII — 1918.

Мы переезжаем в Кенигсберг. Что будет дальше: произойдет ли там демобилизация всей нашей армии, или же мы возьмем на себя охрану границ, — еще не решено.

18/XII — 1918.

В Прибалтике и на Украине становится все труднее, зато поляки держатся спокойно.

20/XII — 1918.

Военные постановления берлинского съезда советов рабочих и солдатских депутатов вызвали торжественный протест Гинденбурга. Принесет ли это пользу, — еще неизвестно.

22/XII — 1918.

Большевики доставляют нам большие трудности на фронте 8-й армии в Прибалтийском крае, а петлюровцы — в районе киевской военной группы. Все же я надеюсь, что удастся в порядке спокойно отвести войска на родину. Но это становится все более и более затруднительным. Солдаты слишком глупы, их ничему нельзя научить.

25/XII — 1918.

У нас были очень интересные переговоры с поляками. Они предлагают удержать Вильно против большевиков, если мы разрешим им провести войска из Варшавы в Вильно. Я всецело за это, так как наши войска не желают больше сражаться. Как решит правительство, — я еще не знаю.

26/XII — 1918.

В политическом отношении спартаковцы в Берлине, с одной стороны, большевики в России, с другой, принимают все меры к тому, чтобы объединиться. Большевики боятся, что им не удастся без помощи немцев удержаться против Антанты и преодолеть внутреннее недовольство, в особенности со стороны крестьян. Отсюда все эти крики. Пока я не считаю движение спартаковцев опасным. Если они, вопреки всему, захватят власть, Берлин займет Антанта. Эти перспективы не очень отрадные, но все же — некоторая страховка.

27/XII — 1918.

Пока политически все еще не радостно. Я не думаю, чтобы берлинскому правительству удалось удержаться, если оно и впредь будет отличаться такой нерешительностью и мягкостью. Чем слабее мы окажемся внутри, тем более жесткими будут условия мира. Я думаю, что пока Антанта не имеет никакого представления, что делается у нас, иначе она бы давно потребовала, чтобы мы прекратили плутовать. Антанта все еще полагает, что у нас сохранилась крепкая армия и что мы играем с ними комедию.

29/XII — 1918.

В Берлине как будто социалисты большинства берут верх. Сегодня там должны состояться большие демонстрации против либкнехтовцев.

31/XII — 1918.

В Берлине сейчас как будто все в порядке. У нас, к сожалению, свинство — мы Ригу больше не в состоянии удерживать.

Войска не хотят сражаться.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
I. Война упущенных возможностей	15
II. Военные дневники	147

ЦЕНА 1 р. 50 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“
Ленинград, 2, Фонтанка, 57